

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

О ПОКАЯНИИ,
ИСПОВЕДИ,
ПРИЧАЩЕНИИ
СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН
И ИСПРАВЛЕНИИ ЖИЗНИ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2009

УДК 271.2-4

ББК 86.372

Ф42

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Кирилла

Святитель Феофан Затворник

Ф42   О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. — 376 с. — (Духовная сокровищница).

ISBN 978-5-7533-0290-8

В книгу одного из самых почитаемых в Православной Церкви проповедников и таинников духовной жизни святителя Феофана «О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни» вошли его слова и поучения во дни Великого поста, подвигающие читателя к желанию перемены жизни, недоброй на добрую, к потребности покаяния и исповеди, достойному приступанию к Святым Христовым Тайнам и сохранению доброго намерения жить исправно.

УДК 271.2-4

ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0290-8

© Сретенский монастырь, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые слова отобраны и издаются в этом составе с той целью, чтобы доставить говеющим приспособленное к их настроению и потребностям духовным чтение, а пастырям, ревнующим о назидании говеющих, дать возможность иметь всегда под руками что предложить с церковной кафедры, коль скоро сами не удосужатся составить свое поучение.

Предметы, в них раскрываемые, — это убеждения к перемене жизни, недоброй на добрую, потребность покаяния и исповеди, достойное приступание к Святым, Пречистым и Животворящим Христовым Тайнам и сохранение доброго намерения жить исправно, какое полагается бывает в покаянии и запечатлеваемо Святым Причастием.

При собрании слов в сей состав не то имелось в виду, чтобы снабдить известные дни поучениями, а то, чтобы представить насколько можно полнее изложение всего

ПРЕДИСЛОВИЕ

4   благопотребного для говеющих. По этой причине сюда
           переносится несколько слов, говоренных в другие дни:
по предметам своим они оказались очень нужными в
данном собрании.

По этой же причине из дней Страстной седмицы помещаются слова только на вторник, среду и четверток, ибо почти везде говеющие бывают только в эти дни сей седмицы. Последнее замечание сочтено нужным сделать ради тех, кому может показаться странным, отчего на Страстную седмицу так мало здесь слов. Страстная седмица имеет свой неисчерпаемый предмет и требует отдельного состава содержания.

**О ПОКАЯНИИ,
ИСПОВЕДИ,
ПРИЧАЩЕНИИ
СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН
И ИСПРАВЛЕНИИ ЖИЗНИ**

1. В НЕДЕЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

(Лк 18, 10–14)

Вот снова подошли приготовительные недели к Великому посту! Благодарение Господу, сподобившему нас дожить до сего душеспасительного времени! Помолимся, да поможет Он нам и воспользоваться им, по Его благим о нас намерениям. Об этом, впрочем, не нахожу нужным много говорить вам. Не в первый раз встречаете вы время сие; не раз слышали объяснение значения сих дней и указание того, что должно взять себе от них в урок; не раз, верно, и самим делом испытали, как проводятся они на созидание себя и как проводятся на разорение. А при этом какая нужда в пространных наставлениях? Довольно сказать: «Братие и отцы!

Сотворите так, как уже знаете, как внушает вам ваша совесть и учит ваш опыт, только чтоб всё обращалось в созидание ваше и спасение душ ваших».

При всем том, не хочу, однако ж, оставить вас без каких-нибудь, хотя и общих, напоминаний в руководство к спасительному препровождению наступившего времени.

Есть больные, которые ездят лечиться на воды. Как издали начинают они помышлять о предстоящем путешествии и как заботливо готовят все, чтоб скоро и удобно доехать до целительных вод и сколько можно плодотворнее воспользоваться урочным временем лечения! Вот и у нас приближается свой курс спасительного врачевания душ наших — святой пост. И мы будем здесь и купаться в слезных водах покаяния, и принимать внутрь многоцелебное врачевство — Тело и Кровь Господа нашего. Надобно готовиться к нему и нам, и притом сколько душа выше тела, столько наша забота о сем должна быть сильнее и действеннее, чем у тех.

На первый раз нет нужды многим себя обременять. Позаботимся только войти в намерения Матери нашей Церкви и воспроизвести в себе указываемые ею приготовительные расположения. В пост будем трудиться над очищением сво-

ей совести и исправлением своей жизни. Но как успешность трудов зависит от умягчения сердца сокрушением, то вот Святая Церковь заранее и предрасполагает нас к сему чувству, и разными способами хочет возбудить и укрепить его в нас. Ныне притчей о мытаре и фарисее она внушает нам, что самый верный путь к сокрушению есть уничтожение в себе фарисейского самомнения и укоренение в сердце мытарева покаянного вопля: «Боже, милостив буди мне грешному!» В следующее воскресенье притчей о блудном сыне она научает, что как бы ни было глубоко чье падение, но если он с сердцем сокрушенным и смиренным обратится к Господу, вопия: *Уже недостойн называться сыном Твоим; прими меня в число наемников Твоих*, — будет принят в объятия многомилостивого Отца Небесного. Если бы чья душа оказалась слишком окамененной и нечувственной, Святая Церковь, далее, хочет сокрушить ее, живописуя Страшный Суд. Если же кто так свыкся со своим унижительным в грехе состоянием, что стал бы считать его натуральным своим положением и не воображая лучшего, — Святая Церковь воспоминает для такого падения прародителей, чтобы раздражить в сердце его скорбь о потерянном и возбудить ревность к возвращению его, приводя на мысль, как оно было велико и как потому стоит

пожалеть о нем и всячески потрудиться, чтобы опять соделаться его обладателем.

Вот намерения Святой Церкви Божией! Войдите в них и ходите по указанию попечительной Матери своей!

На нынешний день и на всю следующую неделю возьмем урок у мытаря и фарисея и будем изучать его. Он короток: не надейся на свою праведность, но, при всем богатстве добрых дел, всю надежду спасения полагай в милости Божией, из глубины души вопия: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Смотря на фарисея — укорённого, не думайте, что дела правды, благочестия, благотворительности и строгого воздержания ничего не значат пред очами Божиими. Нет! Господь укорил фарисея не за дела, а за то, что он начал хвалиться ими, что на них одних основал всю свою надежду, забыв о грехах, от которых, конечно, не был свободен. Равно, смотря на мытаря, не подумайте, что грехи маловажны пред Богом. Нет! Господь хвалит мытаря не за то, что он грехами своими поставил себя в такое состояние, что и на небо воззреть не был достоин, а за то, что, доведя себя до сего злым произволением своим, он жалел и сокрушался о том, в одной милости Божией чая обрести себе избавление, — хвалит за этот поворот от греха ко Господу, за дух смире-

ния и сердечного болезнования, в котором зывал: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Взяв теперь истинное от того и другого лица, мы получим такой урок: трудись и работай Господу усердно, по всей широте заповедей Его; но надежду спасения полагай — всю — в единой милости Божией. Ты никогда не дойдешь до того, чтобы всегда и во всем быть исправным пред очами Божиими, потому при всей кажущейся исправности своей не переставай зывать из сердца: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Вот урок: напечатлейте его в сердце своем! В пособие вот что сделайте: пробегите в мыслях коротко жизнь вашу и посмотрите, есть ли в ней грехи; грехи — словом, делом и помышлением? О! Конечно, найдется их многое множество! Но если так, то как не зывать каждому: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Соберите потом все дела свои добрые или те, которые самохвальство ваше считает добрыми, и смотрите, много ли их окажется? Сколько могли мы и сколько должны были сделать в 65 дней года; а что сделали?! И эту ли малость выставлять на вид, трубя: *Я не таков, как прочие*, — особенно когда против нее стоят беззакония, имже несть числа? Ибо из 24 часов каждого из 65 дней сколько найдется таких, которые не были бы отмечены чем-либо греховным?!

А сознав это, как не взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Притом вся ли чиста и эта малость? На каждом ли из сих немногих дел виден отсвет славы Божией? Трудясь над ними, не себе ли и человекам угождали мы паче, нежели Богу? А если так, то как давать им какую-либо цену и, смотря на них, выситься в самопрельщении, говоря в себе: *Я не таков, как прочие?* Нет! Наведите только на дела свои необманчивое зеркало правосудия, в слове Божиим начертанного, — трудно поверить, чтобы совесть не заставила каждого из нас взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Может случиться, между вами и нет таких, которые в самохвальстве дерзостно вслух говорили бы: *Я не таков, как прочие*; но редкий, думаю, найдется, который не ниспадал бы в самомнение и в самочувствие, когда без слов по сердцу проходят помыслы, дающие немалое значение нашим трудам и нашей деятельности в среде других. Неправо и это чувство самодовольства! Надобно чувствовать, и чувствовать глубоко, что мы совершенно ничего не стоим и ни на чем своем опереться не можем. Опора у нас одна — милость Божия; а эти внутренние самохваления должно прогонять. Один святой подвижник всякий раз, как помысл говорил ему: «То и то у тебя хорошо», подозревая в сем

лесть врага, отвечал: «Будь ты проклят с этим твоим “хорошо”». Так делал святой отец; тем паче так следует делать нам грешным.

В нравственном деле нет злее помысла, как помысл самомнения. Он прямо нападает на чувство сокрушения и охлаждает его. Как огонь не может быть вместе с водой, так с чувством праведности не уживается самомнение. Как паралич поражает органы движения, так самочувствие отсекает всякое напряжение сил на добро. Как злая роса губит прекрасные цветы, так обманчивое самодовольство губит в нас все доброе. Изберите же, братие, благое и отриньте злое!

В песнях церковных самодовольный фарисей сравнивается с плывущим по морю на корабле, а самоуничженный мытарь — с плывущим на худой ладье. Но того, говорит, потопила буря самовозношения ударом о камень гордости, а сего глубокая тишина самоуничжения и тихое веяние покаянных воздыханий привели безопасно к пристанищу Божеского оправдания. В тех же песнях еще фарисей сравнивается с едущим на колеснице, а мытарь — с идущим пешком. Но последний, говорит, припрягая к сокрушению смирение, упредил первого, заградившего себе путь камнями самохваления.

Слыша такие внушения, братие, умудряйтесь тако теши, да постигнете. Пусть будут у вас

море — слезы, ладья — самоуничтожение, ветры — воздыхания, а мытарев глас — все распоряжения по плаванью. И несомненно достигнете вы в пристанище милосердия Божия и скоро вступите на берег оправдания, где вкусите сладостный покой совести в Божием всепрощении.

Да дарует сие великое благо всем нам щедродательная Божия благодать! Аминь.

12 февраля 1861 г.

2. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Снынешнего дня начинается Триодь покаянная. Се начинает веять постом! Надо готовиться к сретению его, и не к нему только, но более к тому, для чего установлен пост — к покаянию и исправлению жизни неисправной. И вот вы слышите умиленную песнь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»

Отверзи двери покаяния! — Кто же их затворил?! Они отверсты крестом: стоят и будут стоять отверстыми для всех людей, пока стоит мир, а для каждого из нас — пока есть дыхание жизни в ноздрях наших.

Так, отверсты двери милосердия Божия, — и кто затворит их? Но вход к сим дверям проведен чрез другие двери — двери сердечного бо-

лезнования и сокрушения. Надо прежде пройти эти, чтобы потом войти в те. Возболезнуй и сокрушись, и Господь примет тебя!

Сокрушись — а сердце не сокрушается; возболезнуй — а оно не хочет болезновать. И вот запертый в себе человек окаменением сердца и не имея сил совладать с собой, вопиет к милосердому Богу: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Твоя дверь всегда отверста, Господи; но моя — заперта, и нет мне выхода! Моего окамененного сердца дверь отверзи мне сокрушением, чтобы выйти мне к Тебе и войти в двери Твоего милосердия!»

Внемлет Господь воплю человека бедствующего и дает ему познать, как надо действовать на себя, чтобы отворилась дверь сердца его. Вчера пели мы: «Покаяния отверзи ми двери»; ныне в ответ на то слышим от Господа притчу о мытаре и фарисее. В следующее воскресенье в ответ на ту же песнь услышим притчу о блудном сыне. Далее, с той же целью приведется нам на память картина Страшного Суда и падение первозданных прародителей наших. Господь говорит как бы нам: «Действуйте по указанию истин, возвещаемых вам сими евангельскими сказаниями, и, может быть, достигнете того, что отверзутся наконец двери сердца вашего сокрушением». Чаёт Он, что как тяжелый молот, ударяя о камень,

разбивает его и умельчает, так и истины сии, одна другой поразительнее, сокрушат наконец окаменение сердца нашего, извлекут из него вопли раскаяния и выжмут слезы умиления.

Войдемте же, братие, в намерения Божии и последуем спасительным указаниям Господа милосердного. Изменяет сердце Господь; но нам и самим надобно подвигать и нудить себя и, по крайней мере, не препятствовать вседействию в нас спасительной благодати Божией.

Нынешняя притча о мытаре и фарисее указывает главное в нас препятствие к сокрушению сердца в чувстве своей праведности и научает нас прогнав это чувство установиться в расположении мытарева духа, чтобы его словом вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» Господь выставляет двух человек и говорит как бы нам: «Вот, смотрите — приходили ко Мне двое; один смело приступил, уверенный в своей праведности и своих предо Мною заслугах, и не получил оправдания; а другой воззреть на Меня не мог, а только бил себя в перси и просил милости, и Я помиловал его. Идите и вы творите так же. Сбросьте эту пагубную одежду самооправдания, облекитесь во вретище самоукорения — и будете помилованы».

Самодовольство и самооправдание — это самая пагубная прелесть, в которой враг успевает

задерживать очень многих и не совсем худых людей. Прелесть сия ноги подкашивает и останавливает шествие. Кто чувствует себя праведным, тому какая нужда много беспокоиться и искать милости? Цель достигнута: праведен человек; что и трудиться? Остается только посматривать кругом, себя высить, а других уничивать. На самом же деле это значит — помыслом разорять то, что достигнуто трудом, и губить себя. Вот почему в отеческих наставлениях непрестанно повторяются уроки смирения и самоуничижения и с особенным напряжением выставляются укоры самомнению и самовозвышению.

Кто хочет разогнать сей туман прелести, пойдемте учиться сему у фарисея. Фарисей, кажется, не считал нужным скрываться: он откровенно высказал, что у него на душе, и тем обличил сеть врага, которою опутал он его бедную душу и держал ее в самопрельщении.

«Не таков, как прочие». Первая прелесть! Фарисей был не худого поведения. Посмотрел он на явных грешников и естественно счел себя лучше их. Но зачем было ему смотреть на неисправно живущих? Посмотрел бы он на живущих хорошо. Увидел бы, конечно, очень много таких, которые гораздо выше его по жизни, — и уж не сказал бы этих пагубных слов: «Не таков, как прочие».

Вот и наука нам, братие. У врага всегда та же уловка — и теперь, как и тогда. И теперь, как и тогда, внушает он: «Вон — посмотри, и тот такой-то, и этот такой-то, ты же совсем иное дело!» Послушает бедный человек этой льстивой речи и в самом деле начинает думать, что он хорош, а там — отуманивается самомнением и лишается милости Божией. Но зачем тебе смотреть на живущих нерадиво? Смотри на строгих ревнителей добродетели и благочестия, и просветись познанием своих недостатков. Или лучше не смотри ни на кого из живущих здесь, ибо кто чист? Минуй всех и содержи в мысли только те образцы, которым подражать обязывает тебя слово Божие. *Будьте подражателями мне, как я Христу* (1 Кор 11, 1), — говорит апостол. *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин 13, 15); или: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф 5, 48), — говорит Господь. Вот на кого смотри и с кем сличай жизнь свою! С добродетелями святых апостолов, с деяниями Господа Спасителя, с совершенствами Отца Небесного. В сей чин вставляя себя, кто осмелится подумать: «Не таков, как прочие»? Не скорее ли, стыдом покрывшись и очи потупя долу, вопль испустит из сердца: «Боже, милостив буди»? Тут то же произойдет, что бывает, когда кто вступит в общест-

во высшего тона не зная его приемов или явится в блестящее собрание не в принятой одежде. Так, сопоставление себя с высшими и совершеннейшими бывает самым сильным и действительным врачевством против самомнения.

Далее фарисей говорит: *Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.* (Десятую часть доходов своих раздаю бедным и на церковь.) Вот вторая прелесть! Смотреть только на одни дела правые, скрывая от себя самого грехи свои, и в делах правых смотреть только на внешнюю их сторону, не обращая внимания на внутренние чувства и расположения, с какими они совершаются. Так поступал фарисей и омрачался самомнением. Не делал он правильного осмотра дел своих и не шел в сем деле правильным путем. «Я, — говорит, — то и то добро сделал». Но сколько было случаев, в которых не сделал он добра, которое мог и должен был сделать, и сколько было таких, в которых сделал зло вместо добра, об этом молчит, покушаясь скрыть то и от себя, и от Бога. «Остановись, фарисей, — сказать бы ему, — припомни-ка и все зло свое и потом, положив на одну сторону добрецо свое, а на другую всю массу злых дел своих, смотри, что выйдет? И наперед можно угадать, что если б сделал так, не повернулся б у тебя язык сказать: “Не таков, как

прочие люди”. Если б затем добросовестно обсудил ты, по каким побуждениям делано тобой то малое добро, о котором говоришь, то есть не по тщеславию ли, не из человекоугодия ли, не затем ли, чтобы вес возыметь и выгод своего положения не потерять, не потому ли, что так сложились обстоятельства, сердце же не лежало к ним; вообще: угождение ли Богу и славу Его имел ты в мысли или себя и свои интересы? Если б обсудил ты с сей стороны свое малое добро, не осталось бы у тебя ничего, кроме опасливого вопля: “Боже, милостив буди мне грешному!”» Не сделал этого фарисей — и попал в сети самохвальства, и за самооправдание покрыт Божиим осуждением.

Итак, хотите ли, братие, избегать опасного самопрельщения, учитесь сему у фарисея по противоположности: не делая того, что он делал, и делая то, чего он не делал. Когда подступит враг и начнет трубить в сердце вашем пред вами, что вы не то, что другие, то и то хорошо делаете, возьмите вы себя и начинайте водить по всем худым делам своим, толкуя себе: «А это кто сделал? А это кто? А это кто?» Тогда пробудится обличительный голос совести и заглушит это смутное шептание самовосхваления: «Не таков, как прочие!» Если, несмотря на то, сердце все еще будет надыматься самовозношением, обли-

чите его самого строгим укором, говоря: «Пусть и было сделано какое добро, но ты злыми своими помышлениями все его перепортило и пересквернило то тщеславием, то человекоугодием, то чаянием каких-либо сторонних выгод; если же при совершении каких дел и не было таких чувств, ты теперь сквернишь их и отнимаешь у них все достоинство тем, что надымаешься ими!» Так обличив себя, мы отнимем у себя всякую опору к самооправданию, и нам некуда будет обратиться, как только к заступлению единой милости Божией, к которой и начнем нелицемерно вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» О, когда бы помог нам Господь войти в сии оправдательные чувства мытаря и установиться в них! Кажется, они так естественны для нас; а между тем не всегда-то и нелегко мы встречаем их в себе. Обучать себя надобно и этому, как и всякому добру. Обучать! И вот какой надо употреблять прием к такому обучению: войдемте внутрь себя вниманием. Есть у нас там необманчивое зеркало дел наших — совесть, но зеркало заброшенное, нередко и испачканное. Извлечем его на среду, вычистим и выясним словом Божиим, определенительно восстановив в нем написание всех обязательных для нас слов, дел, чувств и помышлений. Установим его потом против своего лица, или сознания, так, чтобы лицу некуда

было укрыться и ничем нельзя было прикрыть себя. Как без света видеть ничего нельзя, осветим свою внутреннюю храмину страхом Божиим, при действии которого все черты лица, или сознания нашего, до малейших подробностей и будут ясно видны в зеркале совести. Когда установимся так внутри, то несомненно войдем в чувство мытаря. Не дела только, но и все помышления злые, исходившие и исходящие из сердца, будут печатлеться на лице сознания, отражаться в совести и привлекать суд действием страха Божия. И как мытарь, стоя издалека, не смел приблизиться страха ради, не смел воззреть на небо стыдения ради от обличений совести и бил себя в перси, будучи собой недоволен и скорбя о своем безобразии, так и у нас страх будет сменяться стыдом, стыд обличением и обличение болезнованием о себе. И некогда будет рождаться самомнению и возрождаться самовозношению и самооправданию. Ибо как не прекращается деятельность внутри нас, сердце же поминутно кует злая, то минуты не будет, когда бы не было в нас побуждения бить себя в перси и взывать: «Боже, милостив буди!» Блаженное состояние, действительно привлекающее милость и оправдание Божие!

Нам обычно слово: «Я грешный, я грешная», — Богу приятное слово! Но позаботимся,

чтобы его не язык только произносил, но и сердце чувствовало. Убедим себя, что чувство праведности есть уклонение на путь пагубы, и потом, мало-мало начнет оно показываться, будем гнать его как самого опасного врага, который подкрадывается, чтобы похитить у нас самое дорогое наше благооправдание пред Богом. Чтобы ни в чем не поблажить этому искушению, распорядимся так, чтобы всякому нашему делу и предприятию предшествовало чувство нашей грешности и было бы оно во главе всего. Милостыню ли подаешь, подавай с мыслью: «Недостоин я за нее получить милость Божию». Пост держишь или другую какую строгость налагаешь на себя, такие имей при этом мысли: «Другие этим сумму дел своих достохвальных увеличивают, а мне это епитимия, надо потрудить себя за грехи свои». В церковь идешь или дома совершаешь молитвословие, говори себе: «Потружу себя, быть может сжалится Господь и простит мне грехи мои». И особенно в деле молитвы, умом и сердцем к Богу обращаясь, не зрите себя иначе, как самыми неисправными и более всех требующими милости Божией, подобно святому Пимену, который говаривал: «Я на себя так смотрю, как на человека, который по шею погряз в тине, и только уста вопиют: “Боже, помилуй мя!”»

Так устроясь, благодатью Божией избежим мы прелести самомнения и устраним главное препятствие к отверзению двери сокрушения сердечного, выйдя которой, конечно сретим и двери милосердия Божия! Аминь.

9 февраля 1868 г.

3. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Мытаря и фарисея представляет ныне очам нашим Святая Церковь. И кто не возжелал бы сподобиться блаженной участи первого избегнуть горького осуждения второго? Грешны мы и, может быть, грехолюбивы; но есть ли кто, который хотел бы и погибнуть во своих грехах? Приидите же, поучимся у мытаря, как, несмотря на грехи, избежать участи осужденных и привлечь милостивое оправдательное слово Господа.

Мытарь не смеет возвести очей на небо: ему стыдно; срам покрывает лицо его души. Мытарь бьет в свои перси: он сознает себя достойным всякого наказания за злое произволение своего сердца. Но он не бежит от Бога и не отчаивается в своем спасении; а к Тому же, Кого оскорбил и Кто готов праведно наказать его, к Тому Самому благонадежно обращаясь, взывает: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Устыдим же себя, восприяв в чувство срамоту и унижение греха; осудим себя, дав всю силу гласу совести или нелицемерной правды Божией, чрез нее вещающей; но притом вслед за мытарем поспешим и в своей душе образовать тот же вопль: «Боже, милостив буди нам грешным!»

Все это от тебя самой зависит, грешная душа. Ты сама, а не другой кто, должна воспроизвести в себе все это и восчувствовать. Мытарь бил в перси свои; но он еще прежде сего помышлениями ума избил душу свою и изранил свое сердце. Войди же в себя, собери спасительные помышления и ими попекись сокрушить ожестевшее свое сердце. Вознесись горé, ниспустиись в преисподняя; осмотри себя и окрест себя и всюду ищи стрел — на поражение, бичей — на уязвление, молотов — на умягчение окамененного своего сердца.

Помяни милости Божии к тебе и устыди себя. Помяни правосудие Его и устраши себя. Помяни близость конца и поспеши умиловить нераскаянного Решителя участи своей. Саму себя узами самовластия твоего привлеки к себе и хоть по чувству самосохранения извлеки из себя эти спасительные внушения и ими себя проникни.

Говори себе: «Ущедрил тебя Господь в твоении, промыслении, более же — в искуплении, — баней пакибытия обновил тебя, питал

тебя Плотью и Кровью Своей и едино с Ним через всю вечность обетовал тебе; сколько раз падшую восставлял, нечистую очищал, больную духом врачевал, сколько раз давал тебе ощущать близость Свою и объятия любви Своей, сколько раз давал вкушать сладость пребывания в воле Его и в исполнении святых заповедей Его! Все это презрено тобой; ни во что все попечения о тебе; назад заброшены все милости к тебе.

Бог держит тебя в деснице Своей. Он близ есть и видит все движения сердца твоего. Это пред лицом Его ты позволяла себе сочетаться с лукавыми помышлениями, противными Ему. Это пред лицом Его ты разгоралась страстями, кои суть мерзость Ему. Это пред лицом Его ты делом совершала зачатый внутри грех, оскорбляющий Его.

Ты знала, что это зло, и — не уклонилась. Могла не хотеть — и похотела. Могла, похотевши, не делать — и сделала. Никто не неволил тебя. Злое произволение твое царило в тебе и по злым путям влачило тебя.

Грех манит к себе сладостью, а потом мучит тлетворной горечью. И вот свет ума померк в тебе; змии страстей грызут тебя, и туга крайнего недовольства томит тебя. Ты похожа на иссохшую ветвь, на разбитый сосуд, на птицу с

выщипанными перьями. И это еще не конец. Помни, что хврастию сухому конец — пожжение, в котором горят и не сгорают».

Сии и подобные помышления внедряй в душу свою, грешник, и усовести ее возыметь стыд и омерзение ко греху и греховному состоянию своему, восчувствовать досаду на злой произвол свой и опасение за вечную участь свою. Это произведи, дальше же не иди и не оступись в пропасть нечаяния и отчаяния. От Бога же не беги; ибо куда убежать от Него?! Он держит тебя в узах бытия, и ничтожество не поглотит тебя, хотя бы ты и хотел того. К Нему убо прибегни и в лоно милосердия Его пасть устремись. Ты живешь еще на земле. Живодавец длит твою здешнюю жизнь, чтобы длением милости привлечь тебя к Себе. Он дает тебе еще жить, ожидая, что ты наконец бросишь грех и обратишься к Нему. Ты — смоковница, еще на год оставленная в вертограде живущих на земле. Умудрись же воспользоваться даром сим.

У евреев были грады убежища. Укрывавшиеся в них избегали ударов мщениа. Для грешника град убежища — покаяние. Сюда прибегни и укройся от меча правды Божией. Сам Бог, готовый карать, указывает тебе это убежище и зовет в него. От потопа одна была отверстая дверь спасения — дверь ковчега. Одна дверь спасения и от

потопа греха — дверь покаяния. Слышишь — поют: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Иди! Отверсты, и рука изнутри простерта к приятию тебя. Смотри — все вошли! Вон — исповедавшийся разбойник приближается и получает в наследие рай; приходит обремененная грехами блудница и слезами уничтожает рукописание; Закхей кается пред Господом и оправдывается; Петр плачет и приемлется; а Давид давно там. И весь дом наполнен грешниками — оправданными. Сам Домовладыка дружелюбно вводит всех кающихся и их, отчуждавшихся от Него, чрез покаяние соделывает Своими присными.

Воодушевься же! Подойди и ты и, став подле мытаря, его гласом воззови: «Боже, милостив буди и мне грешному!»

И будешь несомненно помилован и спасен, если доведешь себя до того, чтобы из сердца твоего искренно исторгся такой покаянный вопль. Оправдавший мытаря и тебя оправдает, когда взойдешь в подобонастроение ему. Сказавший: «Егда вздохнув воззовеши, тогда спасешися» — спасет и тебя, если и ты так же сильно вздохнешь и воззовешь. Призывающий к Себе всех труждающихся и обремененных, чтобы упокоить их, упокоит и тебя, когда, восчувствовав бремя грехов, к Нему прибежешь, ища покоя от угрызений совести.

Такого мытарева благонастроения и такой, ради Его, свыше даруемой милости оправдания да сподобит Господь и всех нас грешных! Аминь.

24 января 1865 г.

4. В НЕДЕЛЮ БЛУДНОГО СЫНА

(Лк 15, 11–32)

В прошедшее воскресенье учила нас Святая Церковь смиренным чувствам раскаяния, которыми привлекается милость Божия; ныне хочет она возвесть нас до воодушевленной решимости оставя грех идти путем правым к Отцу Небесному. Для того в притче о блудном сыне, с одной стороны, изображает горестное состояние грешника в отпадении от Бога, с другой — отраду и покой, в какие кающийся приемлется Небесным Отцем. Пойдемте вслед сего грешника за его падением и восстанием. Редкий из нас, здесь присутщих, не найдет в нем своей истории, в каких бы то ни было чертах — светлых или мрачных.

Возвратитесь мыслию к тому времени, когда в прошлый год мы поговели, исповедались и

причастились Святых Христовых Таин. В каком блаженном состоянии была тогда душа наша! Как светло все виделось ей: и в себе, и вокруг себя, и над собою, и в дали прошедшего, и в глубине будущего! Какая тишина царствовала в области сердца! Какой пошел порядок в жизни, какая степенность в замыслах и крепость в исполнении добрых преднамерений! Какая готовность искать единого Бога и ходить неуклонно путем заповедей Божиих! Нам казалось, что никого нет блаженнее нас, и мы говорили себе: «Никогда уже не изменим теперь начатой исправной жизни, чтобы никогда не потерять сей отрады и всегда принадлежать Небесному Отцу, прикосновение попечительной десницы Коего так сильно ощущало тогда сердце наше».

Как действительно блаженны те, кто самим делом устояли, хотя не в полной мере, в этих благих расположениях своих и обещаниях совестных! Но все ли таковы? Не большая ли часть из нас повторила историю блудного? Припомните!.. Вот прошел вразумительный и остепеляющий пост, и настали светлые праздники; за ними подошло цветущее и улыбающееся время года.

Мы позволили себе небольшую льготу, как бы какое право отдыха, по выдержании подвига строгой жизни, какую проводили мы дотоле.

Чтобы совсем предаться утехам, нам и в голову не приходило. В первый раз мы хотели только однажды прогуляться, не помышляя о дальнейшем. Но это первое развлечение оставило заметный след в душе и довольно расшатало установившийся было благочестивый порядок. Ревность о строгой жизни ослабела, и мысль часто отбегала на вкушенное невинное удовольствие. Иное из положенных благочестивых занятий опущено, хотя не без заметки, но и без должного сокрушения. Вот представился случай, и у нас — опять развлечения и утехы. Тут мы утешались уже смелее; и если благие мысли приходили остепенять нас, мы отвергали их с дерзостью как безвременные. Плодом сего были мрак и смятение. Мы чувствовали, как тяжело и стеснительно принятое нами правило благочестивой жизни, и нам часто впадало на мысль, не бросить ли; придет-де благоприятное время, опять начнем работать Богу, а теперь можно ослабить. И пошло послабление за послаблением! Между тем привычная страсть подняла голову и начала свои беседы с сердцем. Как знакомые скоро опять сладили! Попускались соуслаждения и предметами, и делами страсти. Соуслаждения колебали волю. Частые повторения этого внутри родили склонение на прежнее; произошло сосложение с грехом — и внутреннее

падение совершилось! Представился случай, и падение совершено уже и делом. Далее падение за падением, — и все — внутри и вне — пришло в прежнее греховное настроение. Нравственное расстройство было полное; и мы стали похожи на блудного сына, когда он, все промотав в удалении от отца, пас свиней и питался их пищей.

Сличи, подвергшийся этому несчастью, то, что теперь есть в тебе, с тем, что было; поскорби и поплачь! Как было все светло, а теперь мрак вокруг: все чистые понятия и спасительные истины Божии будто покрадены и на мысль не приходят, а придя, кажутся очень невнятными. Как отрадно было нам присутствовать в церкви, а теперь холодом веет от всего церковного; тогда идти не хотелось от священнодействий, а теперь мы бегом бежим от них. Внешнее наше состояние не изменилось, может быть; но внутри тоска и туга точат сердце. И никакие уже утехи и услаждения не могут утолить этого безотрадного внутри томления! Все сие ведает падший и испытывает делом и, может быть, ведает и испытывает более того, что может сказать описательное слово стороннего наблюдателя. Но, бедная душа! Ужели невозвратно предашь ты себя в руки падения своего? И, поревновав падению блудного, не поревнуешь подражать ему и в восстании?

Приди в себя! Смотри, какое там запустение, какое оскудение во всем и расстройство! Это ли красота, какой украшена ты в творении и какой украшал уже тебя Господь — Искупитель твой? Тебе ли, образ Бога носящей, так пресмыкаться долу и валяться в нечистотах? Воскреси в мысли достоинство свое и поревнуй восстановить его!

Не смотри на то, что внешние твои соотношения исправны. Не это дорого, а дороги твои вечные отношения к Богу и святым Его. А они каковы?! Мысль о Боге страхом поражает, но не страхом сына, а страхом преступника. Так ли сему подобает быть у нас, чад Божиих?! Поставь себя в сонм Ангелов и святых. Устоишь ли среди них? Конечно, нет. Но так ли сему подобает быть у нас с тобою, призванных быть сожителями святых и присными Богу? Что же? Так и останешься и не поревнуешь упорядочить эти расстроившиеся отношения?! Поспеш же — или погибнешь!

Ныне — завтра смерть. С закрытием глаз закроются для нас двери милосердия Божия, если не попечемся войти в них прежде того. А тогда что? — О! Той беды и слова выразить нет сил! Не отлагай же! Вот подходит благоприятное время святого поста. Отселе еще положи намерение воспользоваться им во спасение и готовься к тому. Всячески сам себя шевели и раздражай

уснувшую ревность о спасении всеми способами, какие оставлены твоей свободе всеустрояющей Божией благодатью.

А Господь близ! Он ждет только, чтобы ты сказал: «Восстав, иду!» И прежде чем приблизишься ты к Нему, Он сретит тебя и заключит в отеческие объятия любви Своей. Смотри, сколько уже обитает в доме Его рабов, служащих Ему! И между ними сколько таких, которые падали падением, подобным твоему! Смотри: вот Магдалина, вот Закхей, вот Мария Египетская, вот Пелагия и прочие, им числа нет. Не отчаивайся же и ты; но и не медли. Беззаконий твоих не помянет Господь и за радость возвращения твоего, которое обрадует все небо, возвратит тебе все потерянное тобою.

Все это знаешь сам. Испытал уже сладость восстания, его удобства и утешительные плоды. Возымел ты несчастье снова пасть; поспеши же осчастливить себя новым восстанием. Сколько бы ни падал кто, Господь любовно примет его, когда тот восстанет. Но если он бросит себя и с услаждением обречет себя на то, чтобы валяться в тине греховной, бросит и его Господь, и кто весть, вспомянет ли о нем когда?! Возбуди же сию память Божию о тебе своей заботой о восстании, и Он приидет и Сам восставит тебя; подаст тебе всемогущую руку Свою и извлечет из

глубины, в которой погрязает ты. Не отложи воспользоваться оставшейся еще для тебя мерой долготерпения Божия и все употреби, чтобы воодушевить себя на труд восстания. Собери вокруг сердца все возбуждающие истины — и с неба и с земли, и от настоящего и от будущего, чтобы взойти наконец до решимости сказать: «Восстав, иду!» И затем встань и иди! Иди к Отцу Небесному, Который ждет тебя, и не только ждет, но и ищет, и всеми мерами печется об обращении твоём, изъявляя готовность быть благопоспешником тебе в сем трудном и решительном для тебя деле.

Сего пожелаем мы ныне взаимно друг другу, в большом ли или в малом кто находится падении, пожелаем и понудим друг друга, чтобы не поодиночке, а всем вместе возвратиться к Отцу и стать едино с Ним, и всем домом Его, и всем царством спасаемых, ублаженных вовеки. Аминь.

19 февраля 1861 г.

5. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Притча о блудном сыне, которую вы ныне слышали в Евангелии, есть, может быть, живая история не одного из нас,

здесь присутствующих. Припомните прошедший пост! Как остепенились мы, как начали говеть, как каялись, получили разрешение и приобщились Святых Христовых Таин. Ради нашего покаяния и обещания жить исправно Отец Небесный отдал нам присужденную Его благодатью часть благодатного достояния нашего. Хорошо было нам в тихом и светлом доме Отца! Но вот настала весна, и начались развлечения и увеселения. Внимание рассеялось, и ревность духа гасла и гасла. Затем следовало падение, сначала, может быть, внезапное; за ним второе, третье и так далее. Душа ожестела; понятия омрачились; чувства и желания огрубели. И к настоящему времени мало ли таких, кто совсем походят на блудного сына, оскудевшего и гибнущего от голода?

Но если подражали мы блудному сыну в падении, поревнуем подражать ему и в восстании, расточили мы, подобно ему, свое благодатное достояние; поспешим теперь, подобно ему же, снова возвратиться в объятия Отца Небесного, всегда простертые к принятию нас. На то назначен подходящий пост. Притча же о блудном читается ныне затем, чтобы заблаговременно напомнить нам дело поста и предрасположить к построению в уме нашем всего пути восхождения ко Господу, от Которого удалились.

Будем же учиться сему у блудного сына. Чем началось обратное шествие блудного к отцу? Тем, что он пришел в себя. Это и для всех — первый шаг в движении от греха к Богу; можно сказать, еще и не шаг, а только начало шествия, точка отправления. Грех погружает душу в сон самозабвения, нечувствия и беспечности. И глубоко спит грешник! Но как спящего надо разбудить, чтобы он встал и пошел, так и грешнику надо быть возбуждену от греховного усыпления, чтобы, пробудившись, увидел он опасность своего положения и взмолился до решимости встать и идти ко Господу. Для сей-то цели возбуждающие гласы слышатся отовсюду окрест нас. И совесть, и Слово Божие, и слово отеческое, и чин Святой Церкви, и чин создания Божия, и обстоятельства счастливые, и обстоятельства несчастные — все будит, все говорит грешнику усыпленному: «Востани, спяй! востани, и освятит тя Христос». Что будет говорить нам пост, что великопостное пение и чтение, что сам благовест тогдашний, как не то же слово: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых».

Возбуждает собственно Дух Божий, проникая до духа человеческого. Но нам надобно и самим себя тревожить, ибо без нас и Дух Божий ничего не произведет в нас. Молись и проси Господа о возбуждении, но и сам не сиди спустя голову

и сложа руки; сам раздражай в себе дух заботы о спасении своем и о славе Божией. Действуй противоположно тому, что сделал с тобой грех. Как туман густой, осев, скрывает от наших взоров все предметы, так грех покров за покровом налагает на очи ума нашего и скрывает от него все предметы, которые он должен видеть непрестанно и в видении их ходить.

Дух наш создан для Бога и Божественного порядка вещей, в созерцании которого должен пребывать, и в нем, как в атмосфере какой, ходить и действовать.

«Бог, в Троице поклоняемый, мир сотворивший и о нем промысляющий, спасает нас в Господе Иисусе Христе, благодатию Святаго Духа, во Святой Своей Церкви, веры ради и жизни по вере, очищая нас в сей жизни, чтобы за малый здешний труд в другой жизни вечным покоем успокоить нас».

Вот Божественный порядок! В сем-то Божественном порядке неисходно должен пребывать вниманием дух наш, чтобы жить и действовать сообразно с ним. Но грех, придя, все то исторгает из внимания и увлекает его в порядок вещей совершенно противоположный, в котором Бог забыт, забыто благодатное домостроительство, забыты смерть, будущая жизнь и праведное воздаяние. Видятся только прилежащие

блага и чувственная жизнь, не чающая конца себе. Вот в этот-то туман нисходит луч Божией благодати, чтобы возбудить грешника, стряхнуть ослепление с его очей и, взяв как бы за руку, извлечь на свет сознания порядка Божия. Но ты, ведущий сей порядок, возмись и сам тут же действовать. Собери внимание свое и проходи сей порядок — весь, от начала до конца. Помяни, как Бог, сотворив все словом, отличил тебя от всех тварей и образом Своим почтил; как ты пал и Бога прогневал и как наказан изгнанием из рая; как Бог, сжалясь над тобой, обещал послать Спасителя; как пришел Господь и Спаситель и спас тебя Своей крестной смертью, как даровал благодать Святаго Духа и проч.; как все сие ты пограл беспечно-беззаконной жизнью; как со дня на день ожидает тебя смерть и по смерти суд и воздаяние по злым твоим делам. Пройди весь сей порядок умом твоим или не однажды пройди, а только и делай, что проходи, сколько сил и времени достанет. Когда будешь так делать с усердием, может быть засеменится в сердце твоём опасение за себя, а там и забота о спасении своём. Это же чувство, родившись, приведет в напряжение ослабевшие от нерадения духовные силы твои и родит не помышления только, но и желание перестать наконец валяться во грехе и обратиться ко Господу.

Вот это и есть прийти в себя, или пробудиться от сна греховного: войти вниманием, сознанием и чувством в Божественный порядок и через то восчувствовать опасность своего пребывания во грехе, возыметь заботу выйти из него.

Юноша развратившийся что говорил, придя в себя? «Сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода!» Это то же, что: как хорошо у отца моего и как худо мне, отбежавшему от отца! Как светел, утешителен и блажен Божественный порядок и жизнь в нем, мне определенная; и как худо мне, живущему во грехе, самовольно исшедшему из того порядка и отчуждившемуся от него! Какая же нужда мне самому на себя наветовать и себя губить? Востав, иду! Брошу грех и начну жить по Богу!

Востав, иду — это второй шаг в шествии от греха к Богу. В первом грешник приходит только к помышлению и желанию оставить грех, а здесь самым делом решается оставить его. Там только пробудился он от греховного сна, а здесь встает и хочет идти. Кого пробудили, тот может опять заснуть, не встав. Иного разбудят, а он тотчас опять заснет; опять разбудят, а он опять заснет. Иной пробудится и знает, что надобно встать, но так лежит — не спит и не встает. Все это в разных видах повторяется и в духовной жизни. Пробудится грешник и опять предается

сну беспечности, опять пробудится и опять засыпает. Иной чувствует и побуждение оставить грех, но все еще остается в грехе, как бы смелости не имея оторваться от него. — Вот почему и после того как увидена и восчувствована необходимость исправиться и переменить жизнь, не должно думать, что уже все сделано. Нет! Надобно еще возбудить в себе напряженную решимость тотчас же расстаться с грехом и всем порядком греховной жизни и начать жить по всем признанным условиям богоугодной жизни. И это есть главное дело в обращении к Богу, или это и есть самообращение. Тут совершается перелом воли, после которого она уже не хочет греха, гнушается им, отвращается от него; и, напротив, напрягается любить и делать одно добро, Богу угодное.

Как совершается сей перелом, трудно определить. Он происходит во святилище духа нашего, сокровенно и потаенно, как сокровенны все зародыши жизни. И тут, как и в первом шаге, все совершает благодать, но опять не без нас. Как и что творит благодать? Ее премудрые устройства кто исследит? А что нам надобно делать, то определим в коротких словах.

Пришла мысль о спасении, восчувствовал ты опасность пребывания во грехе, возымел намерение исправиться; смотри, не пропусти сих

движений души твоей без внимания! Это есть дар благодати — не презри и не отвергни его. Что внушается тебе сделать, не отлагай того до завтра. Сейчас же войди в себя и начни заботливо рассчитывать и соображать все, что надлежит тебе по сему сделать с собой и для себя. Затем начни ходить в том чине, в котором внедряется и възгревается победительная благодать: храни пост, ходи в церковь, твори милостыню, прекрати на время житейские дела и заботы, уединись, читай, если можешь, и размышляй, а главное — молись, молись умом твоим и сердцем и припадай ко Господу, болезненно взывая о помощи одолеть себя. Если будешь делать это со всей искренностью, добросовестностью и терпением, призрит наконец Господь на искание твое, осенит тебя благодатью Своею, умягчит сердце твое и подаст силы переломить упорство твоей воли. Есть много уз, которые не дают душе восстать и идти ко Господу. Кроме порочных страстей и склонностей, порядок внешней, сложившейся под влиянием греха жизни, привычки, взаимные отношения, страх за жизнь и благосостояние составляют крепкостенную темницу, в которой томится грешная душа! Но все это растаеваает от огня благодати Божией. В эту минуту человек все приносит в жертву Богу и на все готов до положения живота, только бы Бог простил и при-

нял его к Себе, хотя бы последним из всех, работающих в доме Его. Что говорил блудный, то говорит и всякий с решимостью обращающийся к Богу: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! согрешил против Неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих».

Момент решимости есть главный момент обращения. Что после того следует, уже есть исполнение того, что во время его полагает сделать человек. Если б не дошел до сей решимости юноша, не пошел бы к отцу, а не пошедши горевал бы только о своей скудости и голодании и, пожалуй, помирясь со своим горьким положением, навсегда остался бы в нем. Но вот помог ему Господь: встал он и пошел к отцу, сказал ему что задумал сказать и был милостиво встречен, прощен, одет, обут, насыщен, принят опять в сыновство. И была радость великая во всем доме!

Таков конец решимости блудного возвратиться к отцу. В обращении грешника все, означаемое этим, исполняется тогда, когда он, решившись исправиться, исповедует грехи свои и, получив разрешение от духовного отца и прощение от Господа, причащается Святых Пречистых и Животворящих Христовых Таин во оставление грехов и в жизнь вечную. И это есть следствие

решимости грешника идти ко Господу, но не есть придаток к делу обращения, а есть необходимое его завершение, есть запечатление того, что образовалось в сердце в минуты решимости. Напоминаю об этом ради того, не подумал бы кто ограничиться одним внутренним обращением к Богу, устранив от Божественных Таинств. Обращение такое будет ненадежно и не поведет ни к чему доброму. Если кузнец, сделав нож как следует, не закалит его, нож этот остается мягким и ни к чему негодим. Точно так и человек, решившийся оставить грех и начать работать Господу, если не примет исповеди и Святого Причастия, не имеет силы и мужества ни на какое добро: бывает вял, пропускает случаи к добру и всегда почти уступает препятствиям. А это значит то же почти, что оставаться в том же положении, как прежде, или остановиться на полдороге. Кто решился, тот встал. Но как, встав, одеваются и приготавливают себя к своим делам, так решившемуся надобно облечься и вооружиться благодатью исповеди и Святого Причастия, чтобы с силой, в должном вооружении выйти на дела богоугождения и спасения. Когда проходит ночь и настанет день, исходит человек на дело свое и на делание свое до вечера; так, когда проходит ночь греха и воссиявает в душе день благодати о Христе Иисусе, облагодатст-

вованный исходит на дело свое и работает до вечера жизни своей, Господу поспешествующу и благие начинания его утверждающу Своим благоволением и благословением. Таков, братья, путь обращения от греха к Богу и богоугождению! Востани же, кто есть спяй, и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос! Если затрудняешься теперь, заготовься, по крайней мере, к посту, когда апостол обратит к тебе слово: «Се, ныне время благоприятно! Се, ныне день спасения!» Аминь.

16 февраля 1864 г.

6. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Обратив внимание на начало истории блудного, с изумлением видишь, какой малостью началось ниспадение юного, неопытного сына и в какой ров пагубы низвело. Первое желание обставлено такой благовидностью, что ничего худого и пагубного, кажется, от него и ожидать было нельзя. И отец будто не видел беды; верно, и сын не предполагал кончить так, как кончилось. Хорошо, что наконец благодать Божия взыскала погибшего. А то, проведя здесь в горькой доле, и на тот свет перешел бы он не на радость, а на понесение

праведного воздаяния за жизнь, худо проведенную и не исправленную покаянием.

Вот так-то совершается и всякое грехопадение и ниспадение всякого человека из доброго состояния в состояние худое, смятенное, страстное. Начинается всегда с малости, и малости благовидной: враг знает, что грех в настоящем своем виде отвратителен, поэтому прямо и не влечет в него, а начинает издали, всегда почти прикрывая первые свои приражения видом добра. Потом уже мало-помалу всевает нечистоту помышлений и жар желаний, колебля крепость противящейся ему воли и расслабляя ее опоры, пока не образует скрытного в сердце склонения на грех, после которого уже только случай — и грех делом готов. А там грех за грехом и — повторение горькой участи блудного в падении!

Сие содержа в мысли, конечно, каждый из нас сам собой наложит на себя обязанность строго исполнять заповедь апостола: *Трезвитесь, бодрствуйте* (1 Пет 5, 8). Смотрите в себя и окрест себя и замечайте обходы и покушения врага, ищущего поглотить всякого ревнителя добра и чистоты. Первая уловка врага есть возмущение помыслов. Обычно он вначале всевает один только помысл, так, однако, чтобы он коснулся сердца и засел в нем. Как только успеет он в этом, тотчас около этого ничтожного, будто и

не всегда худого помысла собирается целый облак побочных помыслов и затуманивает таким образом чистую дотоле и светлую атмосферу души. Этим приготовляет себе враг место и пространство для действия и скоро начинает действовать в том тумане, уязвляя душу страстными приражениями, которые оставляют в душе рану за раной. Эти раночки потом со всех сторон облегают душу и сливаются наконец в один болезненный струп страстного греховного настроения. Тут то же бывает, как если бы кто во тьме тонким острием иглы получал уязвления на теле — одно, другое, третье и так далее по всему телу. Каждое уязвление причиняет боль и оставляет язву, из которой образуется нагноение и струп, а там, струп за струпом, и все тело станет как одна язва и один струп.

Так замечайте: в добром состоянии мысли не мнутся, и тут врагу действовать нельзя, затем первое у него дело — возмутить помыслы. Возмущает же он их посредством одного, которого избирает коноводом, судя по характеру и занятиям человека. Как только успеет он засадить такой помысл в сердце, тотчас поднимается буря помышлений; внутренний мир и тишина исчезают. Тут-то подседает враг к сердцу и начинает понемногу возбуждать в нем страстные движения. Это уже второй шаг! Вот и смотри!

Заметишь это, остановись, не иди дальше; ибо что дальше — уже очень худо. Смятение помышлений, может быть, и не успеешь заметить, потому что мы бываем поневоле многим заняты; но движение страсти как не заметить, особенно когда еще цело намерение не поддаваться ей. Если и это для кого затруднительно, укажу более осязательный признак. Замечай: коль скоро вследствие увлечения одним помыслом, а потом смятения многими произойдет охлаждение сердца, знай, что в сердце пошли уже уязвления и струпы, хотя они не совсем еще заметны. Охлаждение сердца к богоугождению есть большая половина пути к падению — а иные говорят, что оно есть верное падение.

После этого, сами видите, в чем с нашей стороны дело: не допускай первого увлекательного помысла до сердца и не сочетавайся с ним. Отвергнешь первый помысл — разоришь все козни врага и пресечешь ему всякую возможность действовать на тебя и искушать тебя. Отсюда вот какой закон спасения: пришел искусительный помысл, прогони его; опять пришел, опять прогони; пришел другой и третий, и эти гони. Так всякий искусительный помысл гони и отвергай с гневом и досадой на него. И будешь совершенно свободен от падений. Враг все будет искушать, будет злиться на тебя; но если не пере-

станешь так действовать, ничего он не сделает тебе. Напротив, если поддаешься первому его влечению, уж он сумеет свернуть тебе голову. Праматерь наша, если б сразу отогнала змия-искусителя, не пала бы. А то — завела с ним речь... дальше и дальше... запуталась в сети врага и пала. Таково же и всякое падение!

Рассказывают об одном великом подвижнике из древних. Жил он в пустыне, один, и до такого дошел совершенства, что Ангел в пищу ему приносил каждый вечер по одному белому хлебу. Враг всеял ему помысл, будто он так уже совершенен, что ему нечего бояться падений и потому слишком строго смотреть за собой. Не поостерегся старец и позволил своему сердцу сочетаться с сим помыслом. Но как только сочетался, начали волноваться его помыслы, начали лезть в голову разные воспоминания лиц, вещей и дел людских; на первый день не так много, потому что он еще отгонял их, — достаточно, однако, для того, чтобы омрачить его душу. Отчего, став вечером на молитву, он совершил ее уже не с таким миром и не с таким устремлением сердца к Богу, как прежде. Хоть за это хлеб на трапезе своей нашел он уже не белый, а черный и черствый, и был поражен тем, вкусил, однако, не доискиваясь причины и в обычное время лег спать. Тут-то враг налег на него всей тяжестью

своего мрака. Шум от мыслей в голове был такой, как шум от мельничных колес; и движения в теле были, какие и не помнит он, когда случались. И вставал, и ходил, и сидел — ничто не помогало. Так промаялся целую ночь. На другой день душа как разбитая; молитвенное правило совершенно неохотно и без усердия; к богомыслию не было расположения; небо и небесное закрылись в сознании; мирские же помыслы неотвязно теснились в голове и вызывали разные движения и сочувствия сердца. Старец сам не понимал, что с ним делалось, и оставался все в том же положении до вечера. Зато вечером нашел он на столе уже не хлеб, а иссохшие куски черного хлеба. Ужаснулся, вздохнул; но таким же смущенным лег в постель. Ночь сия была еще мрачнее первой; и день потом — еще смятеннее и расстроеннее. Правило молитвенное совершалось кое-как, без всякого внимания; мысли были заняты совсем не тем, что читал язык. На трапезе нашел он уже только крохи, перемешанные с сором и пылью. Затем ночь — еще ужаснее и смятеннее первых. Кончилось тем, что старец оставил пустыню и устремился в мир.

Видите, какой малостью началось и до чего дошло! Господь не допустил сего старца до конечного падения и устроил ему вразумление, раскаяние и возвращение на прежнее место,

как и возвращение блудного сына к отцу. Но этим себя никто из падающих не обнадеживай, а на одно смотри, как зачинались их падения, и попейсь предотвратить сие зачало. Их, как и многих других, возвратил Господь опять на добрый путь; а тебя, может быть, предаст в руки твоего падения, не по гневу, а по невозможности пособить тебе, потому что крепко разобьешься. А это ведь — увы! И горе! — Каких не дай, Господи, испытать никому. Все это я веду к тому, чтобы внушить вам, что с греховными помыслами, могущими привести ко греху, как бы ни были они на первый раз незначительны, лучше не иметь никакого соглашения, а сразу отражать их и прогонять; и если уже мало-мало успели они опутать, поспешить разорвать союз с ними без жаления. Уж куда нам пускаться в это море. Праматерь чистая была, а враг тотчас сбил ее с пути; и старец какой был совершенный, а враг в три дня совсем разбил его. Отчего это? Оттого, что не поостереглись на первом шагу. Прогони они врага в первом его приращении, ничего бы не было из того, что они испытали. Так всегда было и будет. Так и между нами бывает. Не увлекайся благовидностями и не слушай врага. Заповеди знаешь? Их и держись и ими измеряй шаги свои; все же другое прочь гони, и безопасен будешь от падений.

Кто призирает на заповеди, не постыдится (см.: Пс 118, 6). И юнейший исправляет путь свой, когда хранит их (см.: Пс 118, 9). Кто в сердце своем скроет словеса заповедей, тот не согрешит (см.: Пс 118, 11). Пусть князи тьмы замышляют ему пагубу, он не боится, ибо погрузился во свидения и оправдания Божии (см.: Пс 118, 2). Кто заповеди взыщет, тот ходит в широте: не запутаешь его (см.: Пс 118, 45). Пусть искушения приражаются, но он вспомнит о свидениях и возвратит ноги свои на пути правые (см.: Пс 118, 59). Он готов встретить их и не смущается, ибо навык хранить заповеди (см.: Пс 118, 60). Узы грешных помышлений легко разрывает он, потому что никогда не забывает закона Божия (см.: Пс 118, 61). Нападки гордых врагов умножаются, он же всем сердцем лежит только к заповедям Божиим (см.: Пс 118, 69). Иногда и сердце его усыряется как млеко, но он отрезвляет его поучением в законе Господни (см.: Пс 118, 70). Враги поджидают, как бы погубить его, а он заповедию умудряется перехитрить их (см.: Пс 118, 95 и 98). Пусть много стужающих ему, но как он неправду возненавидел, закон же возлюбил, то мир мног осеняет его и нет ему соблазна (см.: Пс 118, 157 и 165).

Так вначале предложил я вам слово апостола: *Трезвитесь и бодрствуйте*. Теперь же, в конце, если кто спросит: «Как же быть, когда

смущает враг?» — прибавлю: «Светильник ногам и свет стезям вашим да будет закон Божий, и никакие смущения не повредят вам». Аминь.

1 января 1865 г.

7. В НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ

(Мф 25, 1–46)

Ныне Святая Церковь напоминает нам о Страшном Суде. Уже послала она нас учиться у мытаря смиренному вопиянию: «Боже, милостив буди мне грешному!» Уже внушала она нам не предаваться падению, а вслед блудного сына, восстав, идти к милосердому Отцу и умолять Его — нас, недостойных именоваться сынами Его, принять хоть как наемников. Но еще боится она, как бы кто по невниманию не пропустил тех уроков и по ожесточению сердца не остался коснеть в грехах. Потому ныне, живописуя картину Страшного Суда, она еще громче говорит: «Покайтесь. Если не покаетесь, все погибнете. Вот, Бог уставил день, который придет, как тать в ночи, когда приведет Он во свет тайная тьмы, откроет советы сердечные и воздаст каждому по делам его. Грешникам тогда

не будет никакой пощады. Внидут в радость Господа только одни праведные и те, кто, подвергшись несчастью впасть в грехи, принесли потом искреннее покаяние и исправили жизнь свою. Итак, помышляя о дне том страшном, перестаньте грешить, покайтесь и восприимите твердое намерение ходить неуклонно в заповедях Божиих».

И действительно, ни одна истина не сильна так умягчить нераскаянное сердце, как истина о Страшном Суде Божиим. Знает это враг и всячески ухищряется поставлять нас в такое состояние, что мы или совсем не помышляем о сем Суде, или, если когда и помышляем, то поверхностно, не проводя сего помышления до сердца и не давая ему произвести там полного своего действия. Если бы и память Суда не отходила от нас и сила его принимаема была всем сердцем нашим, — не было бы грешников или были бы грешники только случайные, нечаянные, минутные, тотчас по нечаянном падении восстающие. Но вот, не входим мы в намерения Божии, потому и грешим, и коснеем нераскаянностью во грехах.

Приидите же, братие, перехитрим омрачающего нас врага и отныне положим: и помнить непрестанно о Суде и сердцем воспринимать всю силу его и весь страх его.

Нарисуем в уме нашем картину Суда Страшного и будем носить ее непрестанно. Как в обычной нашей жизни видим мы над собой небо с солнцем и другими светилами и разные твари вокруг себя, подобно сему устроимся и в духе. На небе будем созерцать Господа Судию со тьмами Ангелов, а вокруг себя всех сынов человеческих от начала мира до конца, предстоящих Ему в страхе и трепете. Тут же река огненная и книги разогнутые. Суд готов! Таким помышлением наполним ум свой и не будем отступать от него вниманием. Восстав с одра, будем внушать душе своей: «День он страшный помышляючи, побди, душа!» — и отходя ко сну будем говорить себе: «Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит! Суда Твоего, Господи, боюся и муки безконечныя...» И во все часы дня почасту будем повторять: «Господи, избави мя вечных мук, червия же злаго и тартара!» Ведь помним ли мы или не помним о Суде, — Суда сего не миновать. Но если будем помнить, то можем миновать грозных его определений. Сие помышление научит нас удаляться того, что делает Страшным Суд, и страх Суда избавит нас от страшного осуждения.

Только да не будет в нас праздным сие помышление; углубим его и восприимем сердцем — и Суд, и осуждение, и решение Суда.

Ныне есть ли кто, кто бы верно судил о себе и был верно судим другими? Самолюбие скрывает нас от себя и своего суда совестного; тело и пристойная внешность укрывают нас от пронизательности лиц, окружающих нас. По богозабвению и не говоря как бы говорим мы в себе: «Не видит Бог!» Не то будет там: и себе будем мы все открыты, и другие будут видеть нас, каковы мы в словах, делах и помышлениях. Каждый, видя себя, будет сознавать, что он видим всеми и пронизается светлейшими паче солнца очами Божиими. Это сознание всеобщности видения грехов своей тяжестью подавит грешника и соделает то, что ему легче было бы, если б горы пали и покрыли его, нежели как стоять так, составляя открытую цель для взоров и небесных, и земных.

Ныне мы изобретательны на снисхождения и разными способами извиняем себя и пред собою, и пред другими, и пред Богом. Тогда не будет места никаким оправданиям. И наша совесть будет говорить нам: зачем ты так делал? И в глазах других будем мы читать: что ты это наделал? И от Господа будет печатлеться в сердце укор: так ли тебе следовало делать? Эти осуждения и укоры со всех сторон будут тесниться в душу, пронизать и поражать ее; а оправдаться нечем и укрыться некуда. Эта новая тяжесть — тяжесть всеобщего осуждения безоправдательного —

еще нестерпимее будет тяготить грешника безотрадного.

Ныне нередко проволока следственных дел облегчает участь преступника и манит надеждой оправдаться. Там этого не будет. Все свершится во мгновение ока: и Суд без следствий, и осуждение без справок с законами, и возражений не будет. По мановению Божию отделятся праведники от грешников, как овцы от козлиц, и все смолкнут, ничего не имея сказать против этого Суда и осуждения. ЖдетсЯ последнее поражение грешнику — решение; и се, слышится: *Приидите, благословенные... Идите от меня, проклятые, в огонь!..* Решение невозвратное и неизменяемое, запечатлевающее участь каждого на вечные веки. Вечные веки будет звучать в ушах грешника осужденного: «Отойди, проклятый!» Как вечные веки будет убажывать праведника сладкое слово: «Прииди, благословенный!» Эта тяжесть отвержения есть самая нестерпимая тяжесть, которая будет тяготеть над нераскаянными грешниками.

Вот что будет! И вот что ныне хочет впечатлеть в сердце наше Святая Церковь! Восприимем же чувством эту безотрадность состояния грешника в последний день — безотрадность, в которую поставят его тогдашний Суд, осуждение и решение; восприимем и позаботимся избежать ее. Никому не миновать Суда. Все будет так, как

написано. Небо и земля прейдут, а слово Божие о том, что они прейдут и потом будет Суд, не пройдет. Враги разве мы себе? Не враги. Так поспешим избежать беды, туги и отчаяния, какими грозит нам последний день. Как избежать? Или праведностью, или милостивым оправданием. Если не имеешь праведности, за которую мог бы ты стать с теми, кто одесную Судии, то поревнуй заранее оправдать себя пред Богом, омывшись в слезах покаяния и очистившись подвигами самоотвержения, — и будешь принят в число их по оправдывающей милости, если не по правде.

Се, уже начинается благоприятное к тому время! Уже приблизилось преддверие поста. Сокращение удовлетворения потребностей плоти затем учреждено, чтобы дать больше простора действиям духа. Приготовляйтесь же! А того, чем испорчена предлежащая неделя, — злых обычаев мира, — убегайте, сколько это возможно по условным отношениям вашим и немощам характеров ваших, чтоб достаточно подготовленными вступить нам в поприще поста и говения, очиститься, установиться в чистоте и утвердить за собой возможность очищенными предстать и страшному Престолу Судии всех — Бога. Аминь.

26 февраля 1861 г.

8. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Итак, придет Судия. Все явимся пред судилищем Его, да восприимет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла. Что будет тогда, братия, с нами? Что именно с каждым из нас будет тогда?! Теперь же перенесемся туда мысленно и предложим совести нашей заранее определить то.

Зрите! — Се пред нами, лицом к лицу, Судия праведный и нелицеприятный. Вокруг вся тварь разумная — и небесная, и земная. В нас самих все дела наши, ясно видные: на челе нашем, на очах и устах, на каждом члене и чувстве, служившем орудием для них; и мы сами в себе все будем видеть; и другие в нас все будут видеть; и око Божие будет проникать нас. Укрыться некуда. — Общий всех суд оправдает или осудит нас. Сему суду будет вторить и наш собственный суд; а тот и другой запечатлеются Судом Божиим, который и останется вечно неизменным и решит участь нашу навсегда.

Так как же думаете? Что услышит ухо наше в тот час — утешительное ли: *Прииди, благословенный* — или безотрадное: *Иди от Меня, проклятый?*

Ах, братие! Восприимем в чувство сию решительную минуту и заранее подумаем о том, как

нам быть? Минуты той не миновать и решения того не отменить! Войдемте же в совесть свою и спросим ее, что именно чает она услышать: *иди от меня* или *прииди*? Совесть не станет льстить, если искренно захотим услышать прямой голос ее и не будем сбивать ее пустым самооправданием. Вот и око Божие определительно видит, что мы такое в час сей и чего стоим: осуждения или оправдания, и Свое свидетельство влагает в ухо внутреннему свидетелю дел наших в их отношении к Богу и вечному закону Его! Какое же предписание дает нам о нас сей внутренний свидетель дел наших?

Всяко скажете: кто чист? Но ведь о том и дело, чтобы мы сознали себя нечистыми и поревновали очиститься. Ибо если б в минуту сию, когда совесть признает нас нечистыми, мы стояли на Суде и из себя, и от других, и от Господа слышали такой приговор о себе, что было бы с нами? Вот приходят исполнители судорешений, связывают и ввергают в тьму кромешную, где плач и скрежет зубов! Так точно это и будет, если отसेле не озаботимся изменить готовящееся нам грозное определение на определение благоволительное.

Не спрашивайте, как это сделать. Ибо кто того не знает? *Покайся и впредь не греши* — вот и вся тайна приготовления оправдательного решения на Страшном Суде!

Покайся! Велико ли и трудно ли это? Все дело покаяния в двух словах: *Согрешил, не буду!* Какой труд сказать это? А между тем какая великая сила сокрыта в кратком слове сем! Хотя бы молча кто, в сердце только своим, чувством своим внутренним изрек: *Согрешил, не буду!* — внутреннее слово сие пронесется по всему небу и там произведет всеобщую радость. «О едином грешнике кающемся радуются все Ангелы», — говорит Господь. Радуются, но чего ради? Это они радуются за ту неизреченную радость, какой обрадован будет грешник, покаявшийся в день Суда. Ту тесноту, то горе, ту беду, которые ожидают грешника на Суде, совершенно отстраняет это небольшое покаянное слово: *Согрешил, не буду!*

Грех печатлется в естестве нашем, отпечатлевается во всем окружающем нас и записывается в книге живота. Во всех сих местах он будет виден в день Суда и, отражаясь на нас, будет привлекать осуждение нам. Но покаянный и сокрушенный вздох: *Согрешил, не буду!* — изглаждает его отовсюду, так что нигде ни единого следа его не останется в обличение нас. Как черное платье моют, колотят, полощут и тем убеляют его, так что никакой черты прежней черноты не остается в нем, так слезы покаянного сокрушения и исповедь убеляют естество наше, повсюду стирают

следы греха, изглаждают из самой книги Суда, так что на Суде самый большой грешник, ради покаяния, явится безгрешным и никакого нигде не найдется основания к его осуждению, потому что покаяние все их истребляет.

Грехи, оставаясь в нас неочищенными чрез покаяние, отсюда еще готовят нам карательное определение на Суде. Покаяние же, изглаждая грехи, отсюда еще отменяет это определение. Такова сила покаяния. Бог послал пророка к ниневитянам с угрозой, что еще три дня — и Ниневия прекратится, но ниневитяне покаяться, и определение Божие было отменено. Царю Езекии другой пророк принес определение Божие о часе смертном, но царь, вздохнув со слезами, помолился, и еще дано было ему время на покаяние. Видите, как покаяние и слезное обращение к Богу изменяли состоявшееся уже Божие определение. Так и то определение, которое готовят нам на Страшном Суде грехи наши и которое уже предрешено по тому состоянию, в котором мы теперь находимся, совершенно отменит слезное покаяние и исповедание наших грехов. Точно, отменит определение; но ведь если мы не изменим себя, оно останется неизменным, хотя не пришло время быть ему таковым. Наше закоснение во грехе затверждает Божие определение, а покаяние испаряет его и

уничтожает. Поспешим же к сему спасительному покаянию, пока еще есть время!

Пока есть время; время сие кончится с концом нашей жизни. А кто скажет, когда сей конец? Вот и надобно сейчас же приступить к покаянию. Затем и открыл нам Господь тайну Суда, чтобы, слыша об осуждаемых на нем, всякий посмотрел на себя, себя пожалел и покаянием поспешил спасти себя от вечной погибели. Желательно разве Господу осудить нас? Если бы было желательно, не пришел бы Он на землю и не стал нашего ради спасения терпеть страдания и смерть. Но как нельзя не быть Суду, то вот Он и возвестил о нем наперед, говоря как бы нам: смотрите, вот что будет! И вот что надо вам сделать, чтобы избежать предстоящей там беды! Говорит Господь о Суде, чтобы никто не подпадал на нем осуждению. Как добрый судья наперед извещает жителей, что идет к ним разбирать дела, чтобы они приготовились к ответам и не запутались, так и нас известил Господь о Суде, чтобы наперед знали, что там будет, и так приготовились, чтобы устоять в ответах. А как устоять? Тогда и вопросов никаких не будет, если здесь, на исповеди, на все вопросы, которые касаются действительных грехов наших, мы изъявим чистосердечное признание и раскаяние, от души говоря: *Согрешил, не буду!*

Войдемте же, братие, в сии благие намерения Божии о нас. Напишем картину Суда в памяти нашей и будем под нею ходить, как под какой сенью. Она научит нас, как избежать осуждения на сем Суде. Святые отцы, ревновавшие о христианском совершенстве, так глубоко внедряли в ум свой память о Суде, что неотлучно пребывали с ней, что бы ни делали. И на молитву не иначе становились они, как мысленно установив себя на Страшном Суде, пред лицом Господа Судии, готового произнести окончательный о них приговор; и, сознавая себя в сем положении, немолчно вопияли: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Пробудясь от сна, они пели: «Се, Жених грядет!» Отходя ко сну, взывали: «Суда Твоего, Господи, боюся и муки безконечныя!» И во всякий час дня, при всяком даже деле, поминутно встречаясь с картиной Суда, в уме носимой, они усугубляли свой вопль ко Господу: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Через это стяжали они сердце сокрушенное и смиренное, которое не уничтожится. Непрестанные слезы умиления измыли душу их от всякой нечистоты и явили их чистыми и совершенными пред милосердым, спасения желающим Господом.

Пойдемте и мы теперь тем же путем памятования о Страшном Суде! Оно породит сокруше-

ние, умиление и слезы, которые угасят огонь, уготованный нам нашими грехами, если останутся неоплаканными. Аминь.

2 февраля 1864 г.

9. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Сокращено из слов святого отца
нашего Ефрема Сирианина на
Второе Пришествие¹

Христоролюбивые братие мои! Послушайте о Втором и Страшном Пришествии Владыки нашего Иисуса Христа. Вспомнил я об этом часе и вострепетал от великого страха, помышляя о том, что тогда откроется. Кто опишет это? Какой язык выразит? Какой слух вместит в себе слышимое? Тогда Царь царствующих, восстав со престола славы Своей, сойдет посетить всех обитателей вселенной сделать с ними расчет и, как следует Судии, — достойным воздать добрую награду, а заслуживших наказание подвергнуть казням. Когда помышляю

¹ *Преподобный Ефрем Сирин. Слово о Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа // Преподобный Ефрем Сирин. Избранные творения. — М.: Изд-во Средне-русского монастыря, 2006. С. 86.*

о сем, страхом объемлются члены мои и весь изнемогаю, глаза мои источают слезы, голос исчезает, уста смыкаются, язык цепенеет и помыслы научаются молчанию.

Таких великих и страшных чудес не было от начала твари и не будет во все роды! Исполнится время, пробьет последний час бытию мира: огненная река потечет с яростью, подобно свирепому морю; пояст горы и дебри и пожжет всю землю и дела, яже на ней. Тогда от огня сего реки оскудеют и источники иссякнут; между тем как там, горé, звезды спадут, солнце померкнет, луна мимо идет и небеса *свернутся, как свиток* (Ис 34, 4). Кто найдет в себе столько крепости, чтобы снести без сокрушительного потрясения помышление о сем страшном изменении лица всей твари?

Затем услышится глас трубы, превосходящий всякий гром, — глас, взывающий и пробуждающий всех от века уснувших: и праведных, и неправедных. И во мгновение ока всякое дыхание человеческое восстанет с места своего и все люди от четырех концов земли будут собраны на Суд. Ибо повелит великий Царь, имеющий власть всякой плоти, — и тотчас с трепетом и тщанием дадут: земля своих мертвецов, а море своих. Что растерзали звери, что раздробили рыбы, что расхитили птицы, — все

это явится во мгновение ока — и ни в одном волосе не окажется недостатка.

Вот, собрались все — и в трепетном молчании ждут явления славы великого Бога-Судии (см.: Тит 2, 13), нисшествие Которого откроется явлением знамения Сына Человеческого (см.: Мф 24, 30), явлением Креста, сего скиптра великого Царя, узрев который все уразумеют, что вслед за ним явится и Сам Царь. — И точно, вскоре затем услышится с высот небесных: *Се, Жених грядет* (Мф 25, 6); «се, приближается Судия; се, является Царь; се, Бог всяческих грядет судить живых и мертвых!» Тогда, братие мои, от гласа сего содрогнутся основания земли — от пределов и до пределов; тогда на всякого человека придут теснота, и страх, и иступление от чаяния того, что грядет на вселенную. Тогда потекут Ангелы; соберутся лики Архангелов, Херувимов и Серафимов, и все многоочитые с крепостью и силой воскликнут: «*свят, свят, свят Господь Вседержитель, Который был, есть и грядет*» (Откр 4, 8). Тогда вся тварь на небе, и на земле, и под землей с трепетом возопиет: *Благословен Грядый во имя Господне!* (Мф 21, 9). Тогда разверзутся небеса и откроется Царь царствующих, предивный и преславный Бог наш, подобно страшной молнии, с силой многой и несравнимой славой, как проповедал и Иоанн

Богослов, говоря: *Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные* (Откр 1, 7).

Какой страх, и трепет, и иступление будет в тот час! Кто перенесет это видение? И кто стерпит зрак Того, от лица Коего побежит небо и земля (см.: Откр 20 ,11)? — Небо и земля побегут! Кто же после этого в состоянии устоять? И куда побежим мы, грешные, когда увидим Престолы поставленные и сидящего Владыку всех веков; когда увидим бесчисленные Воинства, со страхом стоящие вокруг Престола? Ибо тогда исполнится пророчество Даниила: *Видал я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями;...тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним: судьи сели, и раскрылись книги* (Дан 7, 9–10).

О теснота; о туга и томление духа! Нелицеприятное судилище открывается, и отверзаются страшные книги, где написаны наши и слова, и дела, и все, что мы сказали и сделали в сей жизни и что думали скрыть от Бога, испытующего сердца и утробы (см.: Откр 2, 2). О сколько слез нужно нам ради часа того! Тогда своими очами узрим мы с одной стороны — неизреченное Небесное Царство, а с другой — открывающиеся страшные мучения; посреди же всякое колено и

всякое дыхание человеческое, от прародителя Адама до рожденного после всех. Там все человечество будет поставлено среди царства и осуждения, среди жизни и смерти, среди рая и ада. Все будут в ожидании страшного судного часа, и никто никому не в состоянии будет помочь.

Тогда потребуется от каждого исповедание веры, обязательство крещения, вера, чистая от всякой ереси. Велик ли кто или мал — все равно исповедали мы веру и приняли святую печать; все одинаково отреклись диавола, дунув на него, и все одинаково дали обещание Христу, поклонившись Ему. Отречение, которое даем мы при святом крещении, выражается немногими словами, но по заключающейся в нем мысли — многообъятно. Ибо в немногих словах отрекаемся мы от всего — отрекаемся не одного, не двух, не десяти худых дел — но всего, именуемого худым, всего, что ненавистно Богу; отрекаемся сатаны и всех дел его. Каких дел? Выслушай: блуда, прелюбодеяния, нечистоты, лжи, татьбы, зависти, отравления, гнева, хулы, вражды, ссоры, ревности, пьянства, празднословия, гордыни, празднолюбия, глумления, свиряния¹, бесовских песен, детораствления, гадания, вызывания духов. Всего этого и подобного сему;

¹ Игра на свирели, игранье. — *Примеч. ред.*

всего, о чем все знают, что это дела и учения дьявольские, отрекаемся через отречение при святом крещении. Сего-то отречения и доброго исповедания потребуют от каждого из нас в тот час и день. Ибо написано: *от слов своих оправдаешься* (Мф 12, 37); и еще Господь говорит: *твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!* (Лк 19, 22).

Сии-то слова наши или осудят, или оправдают нас в час тот. По ним будут допрашивать каждого, и каждого в чину своем. Епископы будут вопрошены и о собственном их житии, и о пастве их: у каждого потребуют словесных овец, которых принял он от Пастыреначальника Христа. Подобным образом и пресвитеры дадут ответ за церковь свою, а вместе и диаконы. И всякий верующий даст ответ за себя и за дом свой, за жену, за детей, за рабов и рабынь: воспитывали он их в наказании и учении Господни, как заповедал апостол (см.: Еф 6, 4)? Тогда вопрошены будут цари и князи, богатые и бедные, великие и малые о всех делах, какие сделали; ибо написано, что *все мы предстанем на суд Христов* (Рим 14, 10); *чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал... доброе или худое* (2 Кор 5, 10).

Что же будет после того, как исследованы и объявлены будут дела всех пред Ангелами и

человеками, того без слез и стенаний и рассказать невозможно, потому что это будет уже последнее. Тогда отлучит нас Судия друг от друга, как пастырь отлучает овец от козлиц. У кого есть добрые дела и добрые плоды, те отделятся от бесплодных и грешных и просветятся, как солнце.

Это те, которые любили заповеди Господни, были милосерды, нищелюбивы, сиротолюбивы, одевали нагих, посещали заключенных в темницах, заступались за угнетенных, призирали больных, которые плакали, как сказал Господь (см.: Мф 5, 4), обнищали ради богатства, соблюдаемого на небесах, прощали прегрешения братьям, соблюли печать веры несокрушимой и чистой от всякой ереси. Сих поставит Господь одесную, а козлиц ошуюю, именно тех, которые бесплодны, прогневали Доброго Пастыря, не внимали словам Пастыреначальника, были высокомерны, своекорыстны, сластолюбивы, которые в настоящее время покаяния как козлица играют и нежатся и все время жизни своей иждивают в объядении, пьянстве и всяких утехах и увеселениях, а к нуждающимся немилосерды подобно богачу, не оказавшему жалости к бедному Лазарю.

Так, разделив всех, одесную стоящим скажет Господь: *Приидите, благословенные Отца*

Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира (Мф 25, 4)! Стоящие же ошуюю услышат сей горький и строгий приговор: Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (41)! И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную (46).

О сем-то бедственном разлучении вспомнил я и не могу перенести его. У кого есть слезы и сокрушение, плачьте, потому что в тот страшный час бедственной разлукой разлучены будут все друг с другом и каждый пойдет в переселение, из которого нет возврата. Тогда разлучены будут родители с детьми, друзья с друзьями, супруги с супругами, и те даже, кто клялись не разлучаться друг от друга вовеки. Тогда грешные будут наконец выгнаны из судилища и поведутся на место мук немилостивыми ангелами, принимая от них толчки, побои, скрежеща зубами, все чаще и чаще обращаясь, чтобы увидеть праведников и ту радость, от которой сами отлучены. И увидят неизглаголаный свет, увидят красоты райские, увидят великие дары, какие приемлют от Царя Славы подвизавшиеся в добре. Потом, постепенно отдаляясь от всех праведников, и друзей, и знакомых, сокроются наконец и от Самого Бога, потеряв уже возможность зреть радость и истинный свет, и приблизятся к местам неописанных мучений и там будут рассеяны и расточены.

Тогда-то увидят они, что совершенно оставлены, что всякая надежда для них погибла и никто не может помочь им или ходатайствовать за них. Тогда-то наконец в горьких слезах рыдая скажут: «О сколько времени погубили мы в нерадении, и как обмануло нас наше ослепление! Там Бог говорил через Писание, и мы не внимали; здесь вопием, и Он отвращает от нас лице Свое! Что пользы доставили нам концы мира! Где отец, родивший нас? Где мать, произведшая нас на свет? Где братья? Где друзья? Где богатство? Где людская молва? Где пиры? Где многолюдные гульбища? Никто откуда нет помощи; всеми оставлены: и Богом, и святыми. И для покаяния нет уже времени; и от слез нет пользы. Вопиять бы: «Спасите нас, праведные! Спасите, апостолы, пророки, мученики! Спаси, лик патриархов! Спаси, чин подвизавшихся! Спаси, честный и животворящий Крест! Спаси и Ты, Владычица Богородица, Матерь Человеколюбца Бога!» Вопиять бы так; но уже не услышат! А если и услышат, что пользы? Ибо конец уже всякому ходатайству». В таких терзаниях безотрадного отчаяния каждый наконец и нехотя отведен будет на место мучения, какое уготовал себе злыми делами своими, *где червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк 9, 48).

Вот, узнали вы, что уготовим мы себе? Вот, слышали вы, что приобретают нерадивые,

ленивые, некающиеся? Слышали, как будут осмеяны посмевающиеся заповедям Господним? Слышали, как обманывает и оболъщает многих эта растлевающая душу жизнь? Позаботимся же о том, как бы неосужденно предстать нам пред страшным судилищем в тот трепетный и страшный час. О сем страшном дне и часе предрекали святые пророки и апостолы; о сем страшном дне и часе Божественное Писание от концов и до концов вселенной, в церквах и на всяком месте, вопиет и свидетельствует. Чего ради? Того ради, чтобы всех умолить: смотрите, бдите, внимайте, трезвитесь, молитесь, милосердствуйте, кайтесь и будьте готовы, *потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий* (Мф 25, 13). *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно* (Лк 21, 34). Оставьте путь широкий, ведущий в пагубу, и вступите на путь тесный, ведущий в живот (см.: Лк 13, 24). Скорбно шествие по сему пути, но блаженно упокоение; жестоко шествие, но воздаяние радость; стеснительно шествие, но место отдохновения — пространно. Шествие по нему: покаяние, пост, молитва, бдение, смиренномудрие, небрежение о плоти, рачение о душе, милостыня, плач, воз-

дыхание, коленопреклонение, труды и всякое злострадание. Шествие по оному пути: быть укоряему и терпеть, быть ненавидиму и не питать ненависти, злострадать и воздавать за сие добром, прощать, полагать душу за друзей, а наконец и кровь свою пролить за Христа, если потребуют того обстоятельства. Если кто пойдет сим тесным путем, то примет он блаженное воздаяние, которому никогда не будет конца. А широкий путь и пространные врата ведут в пагубу. Шествие по нему в настоящем радостно, а там скорбно. Здесь легко, а там тяжело и болезненно. Здесь сладко, а там горче желчи. Это хождение по пространному пути есть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, рвение, зависть, ярость, распри; а также смехотворство, кличи, забавы, свирели, пляски, пышные одежды, многоценные вечера, беззаконные пения, мягкие постели, объядение, братоненавидение, и что всего хуже — нераскаянность и непамятование об исшествии из этой жизни. Многие идут путем сим, и все найдут достойное того пристанище: вместо наслаждения — голод, вместо покоя — болезнь, вместо смеха — рыдание, вместо веселых пиров — пребывание с демонами, вместо светлых и роскошных жилищ — тьму крошечную и геенну огненную. О сем-то конце широкого пути помышляя, братие, уклонимся

от него и послушаем Господа, Который говорит: *подвизайтесь войти сквозь тесные врата* (Лк 13, 24).

Сему да научит нас память о Страшном Суде. Сей день содержа в уме, святые мученики не жалели тела своего; иные же в пустынях и горах подвизались и ныне подвизаются в посте и девстве. Сей день имея в уме, блаженный Давид каждую ночь омочал ложе свое слезами и умолял Бога, говоря: «Господи, *не вниди в суд с рабом Твоим!* Ибо если восхощешь сие сделать, то *не оправдится пред Тобою всяк живой*» (Пс 142, 2). Приступим, братие, и мы к сему подвигу, пока не настал еще тот день. Предварим лице Бога нашего исповеданием, покаянием, молитвами, постом, слезами, странноприимством. Предварим, пока не пришел Он видимо и не застал нас неготовыми. Не престанем приносить покаяние, неотступно умолять и готовиться во сретение Господу — все вкупе: мужи и жены, богатые и бедные, рабы и свободные, старцы и юноши.

Смотри, никто не говори: «Много согрешил я, нет мне прощения!» Кто говорит сие, тот не знает, что Бог есть Бог кающихся и на землю пришел призвать не праведных, но грешных в покаяние (см.: Лк 5, 32). Но смотрите, никто также да не дерзнет сказать: «Я не согрешил!» Кто

говорит это, тот слеп. Никто не безгрешен, никто не чист от скверны, никто от человек не свободен от вины, кроме Того единого, Кто нас ради обнищал, богат сый. Так не будем недуговать самоправедностью; но не будем и отчаиваться во спасении, сознавая за собой грехи. Согрешили мы? Покаемся. Тысячекратно согрели? Тысячекратно принесем покаяние. Бог радуется о всяком добром деле, преимущественно же о душе кающейся; ибо весь приклоняется к ней, приемлет ее собственными руками и призывает, говоря: *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!*

Слыша эти благие обетования и этот сладчайший глас Спасителя душ наших, приидите, поклонимся и припадем Ему, исповедуя грехи свои. Не поленимся и не престанем взывать день и ночь со слезами, ибо Он милостив и не лжив; и несомненно сотворит отмщение за вопиющих к Нему день и ночь. Он — Бог кающихся, Отец, Сын и Святой Дух. Ему слава вовеки. Аминь.

7 февраля 1865 г.

10. В НЕДЕЛЮ СЫРОПУСТНУЮ

Вспомни, откуда ты ниспал! Так говорит Господь Ангелу Ефесской Церкви в Откровении Иоанна Богослова. Но помяни не легкомысленно и равнодушно, а так, чтобы в этом найти побуждение к покаянию и возвращению на прежние добрые дела. *Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела* (Откр 2, 5). Вот эту заповедь следовало бы внушать непрестанно всякому человеку и всему падшему человечеству. Поминай первобытное блаженство первозданных, великое и неописанное, потерянное через падение, и тем раздражай в себе ревность и заботу к восстанию и возвращению себе потерянного. Так больной, помяная о приятном состоянии здоровья, усерднее желает выздоровления; плененный, помня отраду свободы, ищет освобождения; обедневший, помня покой довольства, всякие употребляет способы к тому, чтобы снова обогатиться. Думаю, что не было бы ни одного беспечного и нерадивого о своем спасении, если бы не оскудевала память: как хорошо было до падения и как худо стало по падении!

Конечно, память об этом могла бы ввергать в отчаяние, если бы у нас не было под руками

средств к тому, чтобы поправить свое состояние. Но вот попечительная благость Божия установила на земле образ восстания и приблизила его к нам, — образ восстания благонадежный, многими уже испытанный и показавший над ними свою дивную силу. В таком положении дело памятования о том, откуда мы ниспали, есть то же, что возбуждение жажды, когда перед глазами чистый источник воды, или возбуждение голода, когда перед глазами обильная трапеза. И вот намерение, с каким всякий год предлагается нам история падения прародителей перед началом святого поста. Через это нам говорится: вспомните, каковы были вы прежде, какими стали теперь, и поревнуйте восстать! Се, ныне время благоприятно; се, ныне день спасения! Но вот, будто наперекор Божиим о нас попечениям из всех спасительных истин, мало поминаемых, меньше всего помнится наше падение в лице прародителей. Как будто всему и быть так должно, как есть. Жалости достойное забвение! Как если бы царская дочь, будучи увлечена к низким делам и за то лишившись милости царя-отца и ниспадши в низкое состояние, до того обесчувствела, что забыла бы, что она не в своем месте и не в своем виде, было бы сие жалостно; и тем более что и царский дом в виду, и способ умилоствления царя есть, и готовность царя

опять принять дочь свою и возвратить ей все — известна и объявлена; в таком точно положении наша душа, созданная по образу и подобию Божию, когда она не содержит в мысли своей, какова была она первоначально и какой стала теперь, и не хочет воспользоваться дарованными ей средствами к возвращению в первое достоинство. Была она поставлена в свете ведения, а теперь окружена мраком неведения, сомнения и заблуждений. Была она исполнена мира помыслов, желаний и совести, а теперь в ней борьба помыслов с желаниями, помыслов же и желаний с совестью, борьба, от которой рана за ранюю. Был в ней сладкий покой и полное довольство, а теперь одна страсть за другою поражают сердце, в то самое время как удовлетворением страсти чаёт она достать себе самоуслаждение. От такого внутреннего нестроения — и внешние горести, нужды, болезни, неудачи, нестроения. Это ли рай сладости, в котором следует быть тебе, душа, по роду твоему и назначению? Помяни же, откуда ниспала ты, и покайся! Неестественность настоящего нашего положения должен бы, кажется, чувствовать каждый, бедствуя целую жизнь и испытывая всякого рода неудобства и лишения; между тем бывает не то. Иные так сродняются со своим положением в падении, что и помышления не имеют о том, что сему не

следовало бы быть, доказывают даже, что иначе и быть не должно. Какая жалость!

Жалки все не чувствующие падения и не ищущие восстания. Тем больше жалки христиане и те, кто живут пред лицом христианства. Перед нами дом спасения, и мы в нем причащались уже целительных сил, действующих в нем; жалко, если мы вышли из него, вкусив снедей, сгубивших нас. Но еще более жалко, если стоя вне равнодушно смотрим на потерю и в беспечности не порываемся снова внити внутрь и насладиться тамошних благих. Будите же, братья, души свои, если они уснули. Будите, говоря: «Восстани, спящая и обуморенная в грехах душа, восстани, и освятит тя Христос! Была уже ты освящаема и знаешь, как велико блаженство освященных! Поревнуй снова о том же, и — восстани! Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения!»

Пали мы вкушением, понудим себя восстать постом; пали самомнением, восстанем самоуничижением; пали нераскаянностью, восстанем слезами сокрушения; пали беспечностью и богозабвением, восстанем заботой о спасении и страхом Божиим; пали преданием себя утехам, восстанем жестокостью жития и добровольными лишениями; пали отчуждением от Церкви, восстанем приметанием к дому Божию; пали

слушая срамные песни и позволяя себе пляски, восстанем слушанием церковных песен и частыми поклонами; пали многословием, восстанем молчанием; пали рассеянностью, восстанем уединением и хранением внимания; пали слушанием пустых речей и чтением пустых книг, восстанем слушанием слова Божия и чтением книг душеспасительных.

Вот, еще несколько часов, и настанет спасительное время поста, приглашающее к восстанию. Воспользуемся им по указанию мудрой и попечительной Матери нашей Святой Церкви. Воспользуемся, ибо не знаем, дано ли будет нам еще такое время, а в падении пребыть и падшими преставиться в другую жизнь кто захочет? Может быть, это уже последний год, что мы оставлены в живых для опыта, не принесем ли плода покаяния, не исправимся ли. И стало быть, если уж и теперь не исправимся, посечены будем и ввержены в огонь. Имея это в мысли, отселе положим намерение, вступая в пост, вступить вместе в подвиги восстания от падений. Сего требует от нас Господь; сего чает Святая Церковь, сего желают все святые Божии, попечительно помышляющие о нас и сочувственно призирающие на уклонения путей наших! Аминь!

5 марта 1861 г.

11. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Святая Церковь приводит нам ныне на память падение прародителей. Цель у нее при сем и та, чтобы, помня, что состоим на месте изгнания, мы меньше ширились и высились, а более смирялись и сокрушались; но особенно та, чтобы, переходя мыслию от падения прародителей к своему личному падению, разгорались мы духом ревности к восстанию и возвращению того, что потеряно падением. Затем вспоминать сие и установлено перед началом святого поста, который есть по преимуществу время покаяния и самоисправления. В этом мы должны слышать нежный голос сострадательной о нас Матери-Церкви, которым она будто глашает к каждому из нас: «Пал ты? Встань! Вот отверзается тебе дверь поста и покаяния — ободришь, вступи с дерзновением и потеки сим поприщем без саможаления».

Чад Церкви и не следовало бы много убеждать, чтобы вняли сему призыванию; но что делать нам со своей нерадивой и беспечной душой? Не слушает, или слыша не внимает, или внявши разными изворотами отговаривается от дела, к которому приглашают ее ради ее же блага. Войдемте же к душе своей и будем уговаривать ее не пропустить даром подлежащего

поста, а воспользоваться им к своему покаянию и исправлению.

Как-то у нас так устроилось, что постом только мы немного и остепеняемся, постом только и находим попечительные о спасении помышления. В другое время мы позволяем себе вольности, иногда в очень широких размерах, не без греха, считая их безгрешными; а постом как-то сама собою отрезвляется мысль; желания признают законной обуздывающую их меру и покоряются ей, хоть не всегда без ропота. И заботы многие умолкают, а выступает на среду забота о едином на потребу, хотя, как запуганное дитя, робко предъявляя свои требования. Такое благонастроение обыкновенно навеивает на нас святой пост; и трудно бы поверить, чтобы кто пропустил его бесплодно. Бывает, однако, так, что, несмотря на спасительное влияние поста, несмотря даже на чувствуемое во время его понуждение к самоисправлению, для иных он не причисляется ко дням спасения. Кому не нужно и кто не чувствует потребности исправить в себе неисправное? Но приходит саможаление — подруга беспечности и нерадения — и заглушает те добрые движения. И вот начинаем мы отодвигать исполнение сих требований: сначала с первого дня на второй, со второго на третий; потом с первой недели на вторую или третью, с третьей

на четвертую или последнюю, а на последней что-нибудь помешает или какой-нибудь предлог и отлагательство придумает лукавая леность. Так и весь пост проходит без говения, исповеди и Святого Причастия. Но пропусти только пост, в другое время нечего и ожидать, чтобы мы занялись делом спасения. Если постом, когда все приспособлено к тому, и не церковные только, но и житейские порядки направлены к тому, мы не сделаем этого, куда собраться нам взяться за дело это после поста? Так и придется опять жить в беспечности и нерадении, в тех же греховных привычках и страстях и в том же прогневании Бога до следующего поста. А кто знает: доживем ли мы до него? Что же будет, если умрем в греховном и нераскаянном состоянии?!

До этого поста мы уже почти дожили — возблагодарим Господа за эту милость; но и воспользоваться ею поспешим со всей готовностью. Конечно, спасения ради нашего благоволил так Господь, несмотря на нашу нерадивую и беспечную жизнь. Срок жизни нашей не в нашей власти, а в распоряжении Божиим. Господь же продляет или сокращает дни наши, судя по тому, можно ли ожидать от нас какого добра или нет. Нечестивые и грешные не преполовят дней своих, то есть и половины не проживут того, сколько бы прожили, если б угождали Богу. Всякий из

нас в Церкви Божией — что дерево в саду: богоугодно живущие — это доброплодные деревья, а нерадивые и беспечные суть то же, что деревья бесплодные. Смотрит садовник на бесплодное дерево год, смотрит другой, смотрит третий, а потом срубает и в огонь бросает. Так бывает и с нами: ждет от нас Господь плода покаяния год, ждет другой и третий, а потом, видя, что от нас нет ничего доброго, предает в руки смерти и через нее препровождает к праведному воздаянию, ожидающему беспечных. Припомните притчу Спасителя о бесплодной смоковнице (см.: Лк 13, 6–7). Домовладыка говорит садовнику: *Вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?* Садовник упросил его оставить бесплодную еще на год, авось принесет плод; и если уж и после того не принесет, тогда посечь. Это образ того, как милость Божия вымалывает у правды для нас, беспечных, год за годом, в чаянии — не принесем ли наконец плодов покаяния? Ах, братие, кто знает; может быть, в последний раз уже дается нам пост сей! Может быть, даже теперь вокруг нас ходит правосудие и, секирою своею касаясь корня жизни нашей, требует посечения нас, бесплодных, а милость Божия умаливает его дать нам еще хоть этот пост, не покаемся ли, не исправим ли жизни сво-

ей и не сделаем ли потом какого добра. Поможем же милости превысить правду, положив в сердце своем непременно в сей пост заняться собой как следует и выправить все неисправное в жизни нашей, в делах наших, в наших чувствах и намерениях. Вступая в пост, так и сложимся в мыслях, что это в последний раз дано нам время на покаяние; пропустим — не жди больше подобной милости. Заключим себя в сей тесноте — что или труды покаяния, или смерть и по смерти — суд и мучение вечное! Авось отбежит сон беспечности и хоть чувство самосохранения возбудит дух к свойственной ему напряженности и живости действия! А чтобы это сильнее воздействовало на нас, да звучат постоянно в ушах наших следующие слова апостола: *Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога* (Рим 2, 4–5).

Конечно, многие и очень многие из вас так и расположены действовать; но нет ли таких, кто колеблются духом и расслабляются сердцем? Пожалейте себя, братие! Отбросьте на минуту пагубное невнимание к делу спасения и давайте рассуждать! — Вон те и те — сколько их! — собираются

с первых же дней поднять труды поста и говения, а мы с вами не думаем себя беспокоить и тревожить, но слагаемся как обычно проводить время, творяще волю плоти и помышлений. На вид — будто те теряют, а мы приобретаем, на деле же — мы теряем, а те приобретают! Они получают прощение грехов, умирутворятся в совети, вступят в мир с Богом, соединятся с Господом во Святых Тайнах и начнут вкушать радость жизни в богоугождении, а у нас останется то же смятение и нестроение внутри, та же туга и недовольство, то же бремя грехов и страстей, то же нечаяние и томление, которые, однако, увеличат тяжесть положения нашего в виду тех исправившихся и обрадованных за исправление жизни. Как тень кажется гуще, когда увеличивается светлость прилежащих частей, так те все более и более будут восходить, а мы все более и более нисходить. Чего же ради мы попустим себе это? Не то же ли естество и у нас? Не то же ли и наше призвание? Не обетовано ли и нам все то, что и они получают? Чего же ради мы попустим себе испытать такие лишения? Себя жалеем? О жалости достойное жаление, которым губим себя навеки! Труда боимся? Но что тут за труд? — Труд сей кажется трудным, пока не вступим в него. А как только начнем трудиться, вся трудность его исчезнет, потому что не мы одни будем тру-

даться, но и благодать Божия, помогающая усердным деятелям во всяком благом деле. А хоть бы и в самом деле трудно было кому: можно ли ставить то на вид, помышляя, что дается за сей малый труд?! И как без труда-то обойтись? Вчера Святая Церковь прославляла всех подвизавшихся во спасении. Посмотрите же! Все трудились: юноши и девы, мужи и жены, светские и духовные, пустынные и в мире живущие; и без труда никто еще не вошел в Царствие Божие! Что же и говорить о труде, когда без него можно только пагубу улучшить? Да и погибельные разве не несут труда и тяготы? О сколько, да и какого еще! — Так не выходит ли, что в пагубном труде пребывать мы готовы, а о труде спасительном и слушать не хотим? Иной скажет: дела и обстоятельства мешают. И не говорите; стоит захотеть, и дела все переделаны будут, и обстоятельства улажены благоприятно, и дело говения и пощения совершится душеспасительно. Бог дал человеку свободу, по которой он может заставить все двигаться вокруг себя. Не в делах помеха, а в нашем самолюбии, саможалении и богозабвении, в нашем ослеплении, нечувствии и нерадении. Вот ими, как пленницами и узами, связал нас сатана и бросил валяться во грехе, а мы тому и рады, хоть видимо не ко благу нашему такое положение.

Возникнем же от сих сетей, которыми нас живых уловляет сатана в свою волю. Послушаем лучше гласа апостольского, будящего нас от сна беспечности: *наступил уже час пробудиться нам от сна... Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света* (Рим 13, 11–12). *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения* (2 Кор 6, 2). *Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф 5, 14). Аминь.

1 марта 1864 г.

12. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Слава Тебе, Господи! Еще сподобились мы дожить до святого поста; еще дается нам время опомниться; еще изъясляется готовность принять нас в отеческие объятия помилования. Три недели молитвенно взывали мы: «Покаяния отверзи нам двери, Жизнодавче!» Вот, приблизилось это спасительное покаянное время! Стоим у входа во святой пост — поприще покаяния и милосердования к нам Божия. Приступим же с дерзновением и внидем с желанием. Никто не отказывайся. Никто не уклоняйся в ином месте.

Пост представляется мрачным, пока не вступают в поприще его; но начни — и увидишь, что это свет после ночи, свобода после уз, льгота после тягостной жизни. Слышали, что в нынешнем Апостоле говорилось: *ночь прошла, а день приблизился* (Рим 13, 12.)? Ночь — это время до поста, а день — это пост. Апостол хочет, чтобы мы так же желательно встретили пост, как желательно встречаем день после долгой ночи. Примите только к сердцу то, чего требует, что дает и что обещает пост, — и увидите, что иначе сему и быть нельзя. Ибо чего требует пост? Покаяния и исправления жизни. Что дает? Всепрощение и возвращение всех милостей Божиих. Что обещает? Радость о Духе Святе здесь и вечное блаженство там. Восприими все сие сердцем, и не можешь не возжелать поста.

На пост восстает одна плоть, и неблаговолящие к посту плотские суть, хоть им не хочется ставить себя в этот разряд и они несколько благовиднее объясняют свое отчуждение от поста: не хочется оставить жизнь, привольную для плоти, вот и поднимают жалобы на пост. Духовная же сторона наша любит пост, жаждет поста, ей привольно в нем. Надо бы сказать: возбуди и развей в себе духовную сторону, и будешь с постом в ладу, как с другом своим; но для раскрытия сей-то стороны и узаконен Господом пост.

Вот и необходимо наперед самопринуждение; необходим наперед труд несладкий, чтобы потом вкусить плодов сладких. Пусть рассуждение плотское чуждается поста; ты под иго веры покорись и апостольскому учению внемли: *Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угождать не могут* (Рим 8, 6–8).

Вот с чем граничит отчуждение от поста из угождения плоти и подчинения себя плотскому мудрованию: с потерей возможности Богу угождать и даже с враждой на Бога! Почему у кого есть хоть малая искра страха Божия, тот не станет чуждаться поста и сам, при свете сего страха, отразит все лживые предлоги к его нарушению. Можно бы сказать: оживи в себе страх Божий — и охотно вступишь в поприще поста, и без труда пройдешь его все — от начала до конца; но опять, как оживить страх без поста? Суета, заботы, пустые развлечения, утехи, страстные увлечения, а то и просто одна толкотня заведенных отношений — не дают войти в себя, опомниться и живо сознать свои обязательные к Богу отношения! Надо потому заставить себя вступить в поприще поста и исполнить все его требования. Тогда

улягутся суетные желания, помыслы и страсти, внятно услышится голос совести и живо восстанет сознание Бога и ответственности пред Ним. А после этого, может быть, даже недостаточными покажутся обычные постные труды; ибо страх Божий, ожив этим путем, станет неодолимой, никаких преград не знающей силой, действие которой прямо направляется против всякого угодия плоти, поддерживаемого саможалением.

Когда войдешь в это состояние, тогда сами собою странными и смешными покажутся все права плоти на льготы, какие предоставляем мы ей в обычной жизни; а пока не войдешь, нечего и обличать лживость предлогов к угодию плоти, отвлекающих от поста. Сим обличениям не к чему привиться, чтобы произвести свое действие. Одно можно посоветовать: минуй всю свою жизнь, какую бы долгую ты ни обещал себе; стань у своего смертного одра и рассуди — может ли совесть твоя обещать тебе благой исход, если тотчас застанет тебя таким, каков ты теперь? Если не может, то наперед знай, что в ту минуту ты готов будешь зараз поднять тяготу десяти, сотни, тысячи постов, чтобы только улучшить помилование, и не дано тебе будет сие. Так, вместо того чтобы тогда испытать такой горький отказ, вот дается тебе пост, которого и одного

достаточно для получения помилования; вступи в него бодренно и проведи по намерению Божию. Кто знает, может быть, это последний для тебя пост и последняя тебе милость?

Пропустишь — не жди больше.

И зачем пропустить? Довольно пожили творя волю плоти и помышлений: пора от грех избывшие пожить правдой. *Довлеет вам мимошедшее время, — говорит апостол, — ходившим в нечистотах, в похотях, в пьянстве, в козлогласовании, в лихоимании и полном блуда разлиянии* (1 Пет 4, 3–4). Пора отложить дела темные и облещися в оружия света. Пора начать ходить благообразно, как во дни, и перестать плоти угождать творить в похоти (см.: Рим 13, 12–14). Ибо если будем жить по плоти, то умрем; а если начнем духом умерщвлять деяния плотские, то живы будем (см.: Рим 8, 13). Ныне воспоминается падение прародителей и в них общее всех нас падение. Чем оно посредствовало? Поблажкой плоти и нарушением поста и воздержания. Падение — смерть; восстание — живот. Хочешь внити в живот, вступи в подвиг поста, и тем паче что не можешь не сознать, что и твои собственные падения исходили из того же источника.

Кажется, довольно бы побуждений к тому, чтобы решиться на озлобление плоти в подвигах самоумерщвления в предлежащий пост. Но

странное нечто совершается у нас: кому можно бы давать себе льготы, те наиболее себя озлобляют в посты; а кому следовало бы наиболее озлоблять себя постом, те самые широкие дают себе льготы. Праведники труд на труд себе прилагают, а грешники льготы за льготами себе позволяют. Уж не потому ли, что праведник себя грешником чувствует, а грешники ставят себя в рядах праведников?

А если так, то на что лучше указания на самоослепление, в каком держит нас плотолюбие, и на что более разумного основания к тому, чтобы не слушать его и действовать наперекор ему?

Вступим же мужественно в поприще поста. Да не будет между нами робких плотоугодников, кои за жизнь свою дрожат, если лишат их какого-либо блюда или отстранят какую-либо утеху! Да не будет между нами и суемудренных плотоугодников, кои лелеяние плоти обратили в закон, в силу каких-то особых своих учений. Таких еще вначале посрамил апостол, именуя их врагами Креста Христова: *их конец — погибель, их бог — чрево, и слава в сраме, они мыслят о земном* (Флп 3, 18–19). Ныне много слышится учений, расширяющих пути жизни, и много уже вошло обычаев, в которых привольно нашей плоти. Но будем помнить неложное слово Господа: *Входите тесными вратами, потому что широкі*

врата и пространен путь, ведущие в погубель, и многие идут ими; потому что тесны́ врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф 7, 13–14).

Прилепимся же и мы к тем немногим и в отверзающиеся пред нами врата утесняющего поста вступим бодренно, не позволяя себе суемудрых толкований и своевольных уклонений от того, что узаконено так мудро и что так спасительно исполнилось и исполняется всеми, понимавшими и понимающими цель и цену жизни во плоти не ради плоти (см.: Рим 8, 12). Аминь.

6 февраля 1866 г.

13. В СРЕДУ 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Благодарение Господу, сподобившему нас еще дожить до святого поста и еще начать поприще спасительного говения! Но, братья, позаботимся и воспользоваться этой милостью как следует, чтобы она послужила нам во спасение, а не в осуждение.

Цель говения нашего есть приготовление к несужденному принятию Святых Христовых Таин,

к принятию Самого Господа, Который говорит: *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем.* Как Господь есть пречист, а мы нечисты, то приобщению Святых Пречистых Христовых Таин предшествует у нас очищение совести и получение всепрощения в Таинстве покаяния. Кто чист, с тем уже несомненно сообщится Христос Спаситель. Он любообщителен, Сам ищет общения с нами; и если не общится, причина сему наша нечистота. Стало, главное для нас дело есть очищение совести и получение всепрощения в Таинстве покаяния. Вот на это и обратим ныне всю заботу и попечение.

Очистится в совести и получит всепрощение тот, кто как должно покается. Спрашивается теперь: кто же как должно кается? Тот, кто познает свои грехи и сознается в них искренно; сознавшись, сокрушается о них и оплакивает их; сокрушившись и оплакав, полагает твердое намерение более не оскорблять Бога своими грехами, — а наконец в сих расположениях смиренно исповедует все грехи свои перед духовником, чтобы получить разрешение в них и явиться к чаше Господней оправданным и чистым перед очами Божиими.

Все это вам ведомо и было уже совершаемо вами неоднократно, так что и говорить вам о том нужно разве только для напоминания, что

несмотря на частое прохождение сего пути, он все останется тот же, — другого нет и если б кто стал изобретать новый, предпринял бы бесполезный труд.

Итак, опять озаботьтесь познать свои грехи и сознаться в них. Познать свои грехи значит сказать, что такой и такой грех совершен нами; а сознаться в них — значит осудить себя в них, сказать: «Виноват», не допуская никаких оправданий и извинений. «Согрешил, виноват» — эти два слова надобно произнести прежде всего, произнести искренно.

Посмотрите же, в чем и как согрешили вы? Не думаю, чтобы это было трудно. Заповеди ведомы и совесть есть; заповедь укажет, что следовало нам делать, а совесть засвидетельствует, сделано ли то нами или нет. Страсть, которую надобно одолевать, и грехи, которыми мы наипаче оскорбляем Господа, не могут укрыться от нашего внимания: они стоят на первом плане и неотразимо теснятся в сознании. Это по слову Господа — не спица, а бревно в глазу. Вот на них наляжьте всей строгостью самоиспытания и самоосуждения; ибо есть лукавство в нашем грешном сердце, что оно готово судить себя строго во всем, кроме своей главной немощи — нравственной, между тем как все другое, кроме главных грехов, есть в нравственном отношении малость. И выходит, что при нестро-

гом внимании к делу мы способны только оцездать комара и пожирать верблюда на нашем внутреннем суде. Сию-то неправоту и исправь каждый в себе прежде всего, то есть познай свою главную страсть и свои главные грехи и осуди себя в них, не допуская никаких извинений. А затем уже — обратись к познанию и других грехов, побочных, которые сравнительно с первыми можно назвать малыми, многократными, нечаянными, случайными. Для сего просмотри заповеди Десятисловия и заповеди о блаженствах и смотри, какая заповедь нарушена и каких добродетелей недостает в сердце? Как в зеркале чистом, когда в него смотрятся с незакрытыми и незапорошенными глазами, видны и малые крапленки на лице, так обнаружатся все наши проступки и грехи в словах, делах и помышлениях, когда заставим совесть свою смотреться в зеркало заповедей Божиих, в слове Божиим указанных. Останется только приложить к сему осуждение себя, сознание своей виновности, и это придет, когда отвергнем всякое оправдание себя чем бы то ни было; не станем извинять себя ни темпераментом, ни обстоятельствами жизни, ни родом служения и условиями отношений, ни увлечениями, ни неведением — словом, ничем; а сделаем так, чтобы коль скоро замечен грех, искренно говорить: «Виноват! Безответно виноват!»

Сознав грехи, надобно оплакать их, сокрушиться о том, что они сделаны. Кто искренно сказал: «Виноват», тому недалеко до того, чтобы сказать: «Зачем же все это мною наделано?» — пожалуй о том, устыдить себя, поболеть пред Господом, утрашиться суда Его и беды, ожидающей того, кто останется неоправданным во своих грехах! Не далеко до сего, однако и это требует труда над собой, самоуправления и самопринуждения; ибо есть окаменение сердца, по которому и сознавая грех, и не имея, чем оправдаться в нем, говорят: «Что же такое?» Вот и надобно рукоятю рассуждения взять молот сокрушительных истин Божиих и поражать ими окамененное сердце, пока умягчится, сокрушится и вздохнет. Помяни неизреченные милости Божии, тебе явленные в творении, промыслении и паче в искуплении, и то, как ты оказываешься неблагодарным; помяни совершенства естества твоего, тобою униженные; помяни горькую участь, тобой заслуженную и от тебя, может быть, уже недалекую; помяни прежний покой и теперешнюю тяготу духа; помяни, сколько раз говорил ты: «Не буду! Не буду!» — и все грешил и еще более и упорнее, чем прежде; помяни, что никто тебя не принуждал, сам по злему нраву своему грешил и оскорблял в лице Бога, Который все видит; и руку Его, кото-

рой Он останавливал тебя, ты отривал. Помяни смерть, суд, ад; помяни прочее все, чем надеешься сокрушить свое упорное сердце. Всячески тревожь его, возбуждай и приводи в движение. К этим размышлениям приложи молитву ко Господу, чтобы как Владыка всяческих дал Он тебе возобладать над сердцем своим и, как огонь вошедши, разварил упорство сердца твоего и избавил тебя от окамененного нечувствия. Все употреби, чтобы дойти до вздыханий сердечных, ибо это есть корень покаяния. Предшествует сему познание грехов; последует решимость не грешить. Но и предыдущее бесполезно и последующего не ожидай, если нет сего связующего их звена — печали сердечной о грехах. *Печаль только ради Бога производит неизменное покаяние (твердую решимость не грешить) к спасению* (2 Кор 7, 10). Что за покаяние, в котором нет сей печали, туги и сокрушения?!

Вслед за болезнью сердца о грехах придет и намерение отстать от них, не оскорблять ими более Господа и не губить себя. А за ним последует исповедание грехов самое искреннее и разрешение их самое действенное. И совершится покаяние воистину спасительное.

Даруй, Господи, всем нам во дни эти сподобиться сего дара Божия! А то что пользы, если без чувств, со скукой или рассеянием будем

стоять на службах, досадуя, что долго тянутся; время, свободное от служб, будем проводить в полусне и бездействии; затем холодно проговорим на духу: «Грешен» — про грехи, о которых спросят, и помышления не имея о том, что главной у нас целью должно быть совершенное исправление жизни? Что пользы? Это будет значить — исполнить обычай говения, а не говеть во спасение. Блюдите убо, како опасно ходите, паче в дни сии, когда враг, не искушая грехами, ухитряется делать бесполезными дарованные нам благодатию Божиею средства к очищению от грехов и тем продолжить владычество свое над нами. Аминь.

8 марта 1861 г.

14. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Вот уже не один день проходим мы подвиг пощения и говения: довольно уже смирена плоть; мысли улеглись; внимание установилось. Пора теперь заняться и окончательным приготовлением к покаянию и исповеди. Покаяние с исповедью — сердце говения. Предыдущие подвиги служат приготовлением к ним, а святое причащение увенчивает и завершает все. Без настоящего покаяния и исповеди и

подвиги останутся бесплодными, и святое причащение будет не во исцеление души и тела. Войдемте же в себя и займемся им как следует.

Исповедание грехов не представляет больших затруднений, когда успеет человек совладать с собой и положить намерение оставить грех; но он не совладает с собой, пока не раскается; не раскается, пока не осудит себя, и не осудит, пока не познает грехов своих. Так, исходное дело в покаянии — познание грехов своих.

Войди же теперь всякий в себя и займись прежде всего рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий готов говорить и говорить о себе, что он грешен, и не говорит только, а нередко и чувствует себя таковым; но сия греховность представляется нам в нас в виде смутном и неопределенном. Этого мало; приступая к исповеди, надобно определенительно разъяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно и в какой мере? Надо знать свои грехи ясно и отдельно, как бы численно. Для чего вот что сделай: поставь с одной стороны закон Божий, а с другой собственную жизнь — и посмотри, в чем они сходны и в чем несходны? Бери или свои дела и подводи их под закон, чтобы видеть, законны ли они, или бери закон и смотри, исполнялся ли он как следует в жизни твоей или нет? Например, ты

был оскорблен и отмстил: так ли велит закон христианский? Видел погрешности других и осуждал: так ли следует по заповедям Христовым? Сделал что доброе и высился или трубил пред собою: позволительно ли так делать христианину? Или закон велит в Церковь Божию ходить неленостно и стоять в ней благоговейно, во внимании и молитве: исполнялось ли это? Закон велит не похотствовать, не гневаться, не завидовать, не присвоять чужого и прочее: сообразовалось ли поведение наше с сими правилами? Так пройди и закон весь, и свою жизнь всю. Но чтобы ничего не опустить в сем важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Вообрази себе яснее все обязанности наши в отношении к Богу, ближнему и самим себе и потом точнее и подробнее просмотри свою жизнь по всем сим отношениям. Или перебирай заповеди Десятисловия, одну за другой, со всеми частными предписаниями, содержащимися в них, и смотри, исполнил ли ты все требуемое ими? Читай также, кто может, Нагорную беседу Спасителя, где Он изъясняет закон древний, восполняя его духом христианским, или читай Послания апостольские в последних главах, где излагаются обязательные для христиан дела и распоряжения в общих обозрениях: например, с 12-й главы Послания

к Римлянам или с 4-й Послания к Ефесянам, Послание апостола Иакова и святого Иоанна Богослова первое и прочее. Смотришь во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе какое есть пятно или безобразие.

Вследствие такого пересмотра жизни открывается в числе наших дел, слов, чувств, помышлений и желаний множество или прямо противозаконных или полузаконных, таких, то есть в каких не совсем чисты были намерения, хоть они внешне и сообразны с законом; соберется всего многое множество, и, может быть, вся жизнь окажется составленной из одних дел недобрых, как непрерывная цепь или непрерывный ряд изделий безобразных и отвратительных.

Но в этом только начало самопознания, и останавливаться на этом не должно. Надобно проходить далее в познании своей греховности или глубже входить в свое греховное сердце. Под делами и словами, под частными мыслями, желаниями и чувствами лежат постоянные расположения сердца, служащие для них источниками; совокупность этих расположений составляет личность человека и определяет его характер; их-то потому особенно и надо узнать. Труды тут немного: добросовестность наша пред собою не позволит нам скрыть — чем обладает сердце

наше и какие обитают в нем властители? А то и осязательного можно указать о том свидетеля, именно: какие действия недобрые чаще вырываются, и притом с такой силой, что мы совладать с собою не можем, для тех надобно полагать в сердце соответственную склонность, или страсть, которая и служит постоянным их производителем. Если, например, кто, указывая на другого, в одном случае скажет: «Смотри, что он делает!», в другом — с досадой повторит: «Какая несообразность!», а то и покажет насмешливую мину и вообще охотнее и больше говорит о чужих делах с невыгодной стороны, тому нетрудно догадаться, что он недугует богопротивной страстью к осуждению.

Такое рассмотрение приведет нас к познанию господствующих в нас страстей или одной преобладающей над всеми. Известно вам, что корень всему злу в нас есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корыстность и страсть к наслаждениям, а от них уже и все прочие страсти. Они все есть у всякого, кто грешит, но не у всех в одинаковой степени: у одного гордость преобладает, у другого корыстность, у третьего страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений, но легко одолевает их, когда удовлетворение ими может унижить его; и своекорыстный готов поутешиться,

если это ему ничего не стоит, и проч. Так, у всякого одна какая-либо страсть господствует, а другие стоят как бы в тени и в подчинении ей. Эту-то господственную и надо б увидеть и определить, чтобы потом на нее решительнее и действовать можно было. Один святой отец говорит: «Господь требует от тебя восстановления целомудрия, а ты богадельни да часовни строишь; исправь прежде первое, и второе благоприятно будет!»

Но надо и еще далее идти в познании себя. После всего надо определить общий дух жизни нашей или отличительную черту ее, именно: кому мы служим? Господу или себе и греху? Что имеем в виду? Себя или Господа — Его славу и угождение Ему? За кого всегда стоим? За имя Божие или за свое? Эта черта определяет: что мы такое сами в себе и чего потому ожидать себе должны? Познанием сего возглавляется самопознание. Это — общий вывод из предыдущего, который сам собой скажется в совести, ясно определится в сознании и исповедуется пред лицом Господа всеведущего.

Так наконец вообразится вся картина нашей греховности и вся история нашей греховной жизни: дела, чувства и расположения и главный дух жизни! Вслед за этим надо возболезновать о себе и оплакать свои грехи.

Познав свою греховность, не будь холодным ее зрителем. Не проходи ее мысленно с таким же равнодушием, как ходят по чужому, запущенному и заросшему дурной травой полю. Приблизь то познание к совести и вместе с ней начни возбуждать в сердце спасительные покаянные чувства. Этим чувствам следовало бы, естественно, самим собой происходить в нас, но не всегда бывает так. Сердце огрубевает от греха. Как чернорабочий человек грубеет от свойства своих работ, так грубеет сердце у человека, который сам себя предает на черную работу греху и страстям, копает рожцы и питается ими. Потому нелегко оно умягчается, когда надо бывает возводить его к раскаянию. Вот и еще труд, и труд более значительный, ибо в деле покаяния — все от чувств сердца!

Приступая к сему, прежде всего понуди себя дойти до самообличения, напрягись возбудить в себе чувство виновности так, чтобы во глубине сердца твоего сказалось: «Виноват!» Тут будет борьба с самооправданием или извинениями своих падений и грехов. Чтобы отогнать их, устрани из внимания все, оставь одного себя и Бога-Судию и без укрывательства укори себя: «Знал ты, что не надо грешить, и грешил; мог воздержаться и избежать увлечения — и не употребил своего самовластия себе во благо; и со-

весть претила тебе, а ты с презорством заглушал сей Божий в тебе глас. Затем сообрази места, времена и обстоятельства греховных дел своих и из всего извлеки сведения, которые заставили бы сердце твое и совесть твою проникнуться чувством виновности и воззвать: «Виноват! Ничего не имею в оправдание!» Так переходи от одного греха и от одного нечистого расположения к другому и ко всему, как подпись какую, прилагай: «Виноват!»

Совершая добросовестно сие действие обличения, ты сердечно утвердишь за собой все грехи свои; сознаешься, что и в том виноват, и в другом, и в третьем — во всем виноват; обличешься как бы во грехи свои и почувствуешь, что они лежат на тебе всей своей тяжестью; сознаешь себя безответным в них и воззовешь: «Окаянен аз!» После же того, как это произойдет в твоём сердце, поспеши возбуждать или изводить из сердца, предрасположенного уже к тому, болезненные чувства, составляющие содержание истинного раскаяния, именно: печаль, что оскорбил Бога; стыд, что довел себя до такой неисправности; жаление, что мог воздержаться и не воздержался, и досаду на свой грешный произвол, не внимавший никаким внушениям разума и совести. Чувства эти сами собой готовы будут возрождаться из сердца после сознания

грехов и своей виновности; но ты и сам помогай им развиваться и раздражай их сильнее и сильнее. Пусть горит в них душа, как в огне; чем более будет гореть и чем сильнее будет горение, тем спасительнее. Предел, до которого надо довести болезнование о грехах, есть омерзение к грехам и отвращение от них. В таком отвращении — опора решимости не грешить и надежда самоисправления. Кто возымел отвращение ко греху, тот стал вне его или изверг его из себя и имеет теперь полную свободу действовать не чувствуя его влечений. Вот минута, когда смело можешь приступить к обету — не грешить, который произнесется в сердце твоём пред лицом Господа. Пади тогда пред Ним и скажи: «Не буду! Никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось: только спаси и помилуй!» Сей сердечный обет должен увенчать чувства раскаяния и засвидетельствовать их искренность. Он не в слове, а в чувстве и составляет внутренний завет сердца с Богом, восстанавливает религию сердца.

Доселе только и имел я намерение довести ваше внимание. Начните с распознавания своей греховности, пройдите через обличение себя и болезненные чувства раскаяния и окончите решимостью не грешить, закрепив ее обетом пред лицом Господа — быть прочее время исправны-

ми и в жизни. Кто пройдет весь ряд этих действий, тому никакого труда не будет на исповеди чистосердечно открыть всю свою нечистоту, тот принесет полную, искреннюю, безжалостную к себе исповедь и за то получит вседейственное разрешение от Господа устами духовного отца своего, которое исполнит глубоким миром и обрадованием все его существо. Благодать Всесвятаго Духа, не могшая обитать в грехолюбивом сердце, снова вселится в него, и он явится обновленным, как вначале вышел из купели крещения. Сей великой и неизреченной милости да сподобит всех нас Господь и наш Спаситель! Аминь.

4 марта 1864 г.

15. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Господь и Спаситель наш всех зовет к Себе, говоря: *Покайтесь, приблизилось Царствие Божие!* Послушаем утешительного гласа сего и поспешим ко Господу. *Царствие Божие* — какое великое благо! И *покаяние* — какое легкое, подручное и скородейственное средство! Особенно в эти дни, когда и порядок жизни, и общий голос, и пример, и это трогательное, сокрушенным умилением проникающее богослужение против

воли влекут к слезам и покаянию! Правильно святой апостол пред началом поста, в сыропустное воскресенье, всех оглашал: «Се, ныне время благоприятно! Се, ныне день спасения!» Оно благоприятно потому, что усыпленный грешник никогда так много не слышит возбудительных воззваний: *Встань, спящий, и освятит тебя Христос*, как теперь. И хорошо вы делаете, что, вняв сему приглашению, с таким усердием притекаете к дверям покаяния. Приступайте же дерзновеннее, толцуйте неотступнее! Отверзет Многомилостивый, прострет к вам руки Свои и примет в объятия Свои.

Дело покаяния просто: один вздох и слово: «Согрешил, не буду!» Но этот вздох должен пройти небеса, чтобы стать ходатаем у Престола Правды; и это слово должно изгладить из книги живота все письмена, какими означены там наши грехи. Где же возьмут они такую силу? В безжалостном самоосуждении и в горячем сокрушении. Вот сюда и да будет устремлено все наше покаянное рвение: умягчите и сокрушите сердце свое и потом, в час исповеди, не устыдитесь открыть все, что стыдит вас пред лицом Бога и людей.

В деле говения самым трудным представляется нам идти на дух и открыться своему духовному отцу; на деле же это должно быть самым

отрадным действием. Не отраднo ли покрытому ранами получить исцеление? Запятнанному всякой нечистотой быть омыту? Связанному узами получить свободу? Но в этом и состоит сила священнического разрешения на исповеди. Приходим в ранах, отходим исцеленными; приходим нечистыми, отходим убеленными; приходим в узах, отходим свободными. Таково обетование Божие: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися!*

Оправдишися несомненно; но прежде глаголи беззакония свои без утайки. Ведай, что только открытая рана врачуется, только обличенная нечистота оmyвается, только указанная уза разрешается. Блюда убо, да не неисцелен, неубелен и неосвобожден отыдеши!

Действующий здесь есть Господь. Духовный отец — Его лице представляет и Его слово изрекает. Господь знает грех твой, и ты мысленно не можешь не сознавать его пред Господом; но Господь хочет знать: обличил ли бы ты себя во грехе пред лицом Его, если б Он Сам стал пред тобою, или бы стал запыраться, как прародители. Почему и положил являть тебе лице Свое в отце духовном, исповедающем тебя, повелев изрекать ему от Своего лица и разрешительное слово, которое потому, будучи произносимо на земле слабой тварью, запечатлевается на небе силой Божией.

И другое еще лице представляет духовный отец — лице всего человечества. Кто стыдится обличить себя на исповеди, да гонит стыд сей тем помышлением, что здесь стыд за стыд; стыд меньший за стыд больший; стыд спасительный за стыд безотрадный и бесполезный! Пред лицом всего человечества обличатся некогда все недобрые дела наши и таким стыдом покроют нас, что мы охотнее бы согласились быть заваленными под горами, нежели подвергаться ему. Вот и учредил Господь устыдение пред одним, чтобы чрез то избавить от пристыждения пред целым человечеством.

Есть одно препагубное лукавство в сердцах наших: все грехи раскрывают иногда охотно, исключая своего главного — того, который больше всех срамит и стыдом покрывает лицо наше. Чаще всего это плотский грех, но и всякий другой может стать в этот разряд. В ком есть такая немощь, тот готов бывает и все подвиги подъять и всякие добродетели совершать, лишь бы неприкосновенною осталась любимая болезнь. А у Господа таков закон: не давай мне милостыни, когда страждешь нецеломудрием; не давай поста, когда обременен любостыжанием; не давай труда молитвенного, когда недугуешь тщеславием. Свою рану открывай, чтобы исцелиться и украситься противоположной

добродетелью. Воодушевшись же, всякая душа, преодолеть себя в том особенно, что противится преодолению.

Сей недостойный плод покаяния есть следствие недолжного приготовления к исповеди. Исповеди предшествует говение в трудах пощения, уединения, бдения и молитвословий. Эта часть строгого жития, озлобляющего и сокрушающего плоть, установлена затем, чтобы под этим внешним подвигом зачались и совершились сокрушенно покаянные движения сердца. Она необходима как пособие, но без покаянных чувств цели не имеет и теряет свое значение. Кто сокрушает себя только внешне, о том нельзя еще сказать, чтобы он имел уже силу и к полной, беззазорной исповеди; но кто при этом сокрушает себя и внутренно, у того исповедь бывает чиста, полна, неукрывательна. Кто познал грех свой, сознал себя в нем виновным, оплакал его и стал гнушаться им — тот уже внутренно, настроением сердца изрек пред Богом: «Виновен! Не буду!» Такой бывает готов пред целым светом исповедовать, а не пред одним только духовным отцем. И вот где корень целебности покаяния — в сердечном сокрушении о грехах с омерзением к ним! *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит.* Умягчи же сердце свое, расплавь его сокрушением, и оно само извергнет из себя все

116 нечистое; а исповедь попалит все то огнем стыда и Божия разрешения.

Сердце слезящее и болезнующее мудрость привлекает, которая научает кающегося так в покаянии действовать и внутренно и внешне, чтобы полными рукоятями пожать плоды его, в число которых входит не только помилование и всепрощение, но и полное изменение сердца на лучшее, от которого — исправление жизни. Глубоко сокрушенный полно исповедуется и после исповеди является вполне новым. Помяните примеры Марии Египетской, Таисии, Евдокии, Моисея Мурина, Давида, разбойника и других. О подобном изменении и да ревнует ныне всякий говеющий и готовящийся к исповеди!

Сокрушение и исповедь через разрешение производят сочетание Божеской и человеческой стихии в покаянии, из которых выходит новая тварь как вначале, из купели крещения. Сего и да сподобит Господь многомилостивый всех вас, да изыдете из лечебницы покаяния все во всем исцеленными и совершенно обновленными, во всех чувствах и расположениях вашего сердца; чтобы отныне любить то, к чему прежде были холодны, и ненавидеть то, к чему прежде пристращены были; чтобы любить вместо гнева кротость, вместо гордости смирение, вместо пьянства трезвость, вместо

блуда целомудрие, вместо зависти доброжелательство, вместо ненависти приязнь, вместо скупости щедродательство, вместо сластолюбия воздержание, вместо лености трудолюбие, вместо рассеянности степенность, вместо бранчивости миролюбие, вместо пересуд и клевет доброе речие и блюдение чести ближнего — словом, вместо всякого порока и страсти противоположную добродетель и благорасположение.

Один добрый покаяльник, когда после исповеди товарищи прежней недоброй жизни приглашали его к обычным утехам, с твердостью отвечал: «Я уже не тот!» Вот в каком настроении надобно явиться и нам в конце поприща говения, чтобы когда восстанут обычные страсти с требованием удовлетворения, все кости наши рекли им в ответ: «Мы уже не те!»

И будет так, если познаем грехи свои, признаем их виновность, и оплачем их, и отвращение возымеем к ним, и без утайки исповедуем их духовному отцу своему, положив твердое намерение не повторять их более; ибо тогда сила Божия низойдет в нас и мы явимся созданными во Христе Иисусе на дела благая, да в них ходим, уклоняясь от всякого зла. Аминь.

17 февраля 1865 г.

16. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Вступив в подвиг говения, мы смиряем себя постом, бдением, хождением в церковь, выстаиванием долгих служб, поклонами, домашними молитвами, чтением душеспасительных книг. Благословенны труды сии, обычно подъемлемые всеми говеющими! Они так необходимы, что без них говение не говение; но не надо при сем выпускать из мысли, что все они суть только средства; цель — вне их; и если не будут они направлены к сей цели, то можно потрудиться в них понапрасну. Тяготу понесем, а плода не вкусим. Блюдайте убо, братие, како опасно ходите!

Говеем мы затем, чтобы исповедаться и Святым Таин причаститься; но святая исповедь и Святое Причастие завершают собой дело говения, благодатно запечатлевая те сердечные изменения, которые должны возникнуть, созреть и утвердиться во время говения. Когда исповедуемся, говорим обычно: «Согрешил, не буду». Это внешнее слово должно быть выражением внутренних расположений и чувств, которые должны образоваться в сердце прежде сего. Чтобы искренно сказать: «Согрешил, не буду», надо живо сознать свои грехи и положить твердое намерение не поддаваться более увлечению их.

Только сим сокрушением о грехах и сим твердым намерением не грешить и красна исповедь; только при сем она являет свою благодатную силу; только под сим условием она есть целетельное врачевство болезней душевных и баня, омывающая сердечные скверны. И вот это-то решительное изменение на лучшее, производимое глубоким болезнованием о грехах, и есть цель всех подвигов говения, какие подъемлем мы теперь. Затем пост, затем стояние на молитве, затем устранение от обычных дел, поклоны и прочее, чтобы ими умягчить свою душу и помочь ей взойти в печаль, яже по Бозе, и к покаянию нераскаянному во спасение. Поскольку только при этом исповедь бывает надлежаща, после которой Святое Причастие только и являет все свое спасительное действие, то значит, что эта скорбь о грехах и это решительное изменение на лучшее составляют сердце говения. Сюда должно быть направлено все наше внимание и все говетельное усердие и самоутруждение.

Болезнь о грехах, досада на них и отвращение к ним, кажется, должны бы быть так естественны в душе, что и поминать бы о том не следовало. Грех — рана души. Случись рана на теле, мы чувствуем боль и спешим залечить рану; так бы следовало быть и в душе в отношении ко греху! Бывает, однако ж, совсем не то: грех, рая душу,

приносит еще с собою какое-то одурение, в котором поработившийся греху не видит своей беды, не чувствует ее и заботы избыть от нее не имеет. Ослепление, нечувствие и беспечность суть наследство грехолюбия, которое потом и держит грехолюбцев в области греха в безвыходном положении. Грешник справедливо уподобляется погруженному в глубокий сон, и ему крепко надо кричать: «Восстань, спящий», чтобы он встал.

И вот что предлежит теперь нам сделать со своей душой: пробудить ее от греховного сна; довести ее до того, чтобы она увидела опасность греха, восчувствовала опасность и озаботилась избавиться от нее. Спросите: как же это сделать? Отвечу: этого никто не может для вас сделать, кроме вас самих. Самим вам надо войти внутрь себя и, став пред усыпленной грехом душой, будить ее от этого сна, кто как может и как сумеет. В святилище ваше никакое стороннее лицо проникнуть не может, и того, что там должно произойти, никаким внешним делом и подвигом произвести нельзя: все там совершается сокровенным разглагольствием вашим со своей душой, пред лицом единого Господа, от Которого ничто не сокрыто. Разглагольствие с собой, уговаривание души — это главный прием для пробуждения ее от греховного сна.

Входите же в себя и начинайте действовать добросовестно! Вам ведь все ваше известно: известны ваши страсти и грехопадения. Известно все то и Господу, Которого не можете не зреть из своего сердца. Укрываться нечего. От людей, которые вне нас, можно укрыться; а от себя и от Господа куда укрыться? Вот это яснозрение себя пред Господом и возьмите исходной точкой при разглагольствии со своей душой. Говорите ей: «Уж нечего кривить, душа, и та страсть худа, и это грехопадение страшно, и такая-то привычка дурна! Заповеди ясные и определенные нарушены, и суд за нарушение их ясен и определен. Се, пред сознанием нашим и Господь, давший заповеди и определивший суд! Некуда увернуться: остается или погибать с осужденными, или надо поспешить выйти из сего пагубного состояния». Добросовестно вняв сему разглагольствию пред лицом Господа, вы поставите себя в безвыходное положение во спасение, в противоположность безвыходному положению, в котором держит вас грехолюбие на пагубу вашу. Опасение за себя, за свою участь вечную, будет в ваших руках рычагом, которым повернете вы все свое внутреннее и произведете там спасительное изменение.

Опять повторяю, что это сами вы должны произвести в себе: никто сторонний за вас это

сделать не может. Душа каждого темна для другого. Только для самого человека она становится ясной, когда он войдет в себя и начнет совещаться с собой о том, как быть и что предпринять. Войдите же теперь в себя и там, со своей душой, в сокровенном совете своем, положите: «Что же, душа, все валяться во грехе? Встанем и пойдем твердой ногой к Господу, готовому принять нас!» Чтоб успешнее при сем действовать на себя, обставьте себя возбудительными помышлениями о том, как мерзок грех, как много оскорбляет он Господа, столько к нам милосердого, как много унижает он нас самих, предназначенных к богоподобию, и в какую беду ввергает, здесь лишая покоя и там готовя вечное мучение. Приложите к сему представление, что вы умираете или уже умерли и предстаете на нелицеприятный суд, на котором ни один грех неоплаканный забыт не будет. Все сие представя сколько можете живее, переговорите со своей душой: «Ну что же будем делать, душа, и как решим? Знаешь, что все это истинно. Точно, мерзок грех пред Богом и всеми святыми, как и пред нашей совестью; и точно такая горькая участь в вечности ожидает за него, если не отстанем от него. Из-за чего же мы с тобою будем себя губить? Сладость греха мала и минутна, а горечь его безмерна и вечна — бросим его! Разве мы хуже других или

заделены чем? Или Господь всех не есть и наш Господь? Или спасительные Его учреждения в Святой Церкви закрыты для нас? Что же бросать нам себя на посрамление пред всеми и на утеху злым врагам нашим и Божиим? Бросим грех! Вот на исповеди разрешение получим; в святом причащении Господа к себе примем и потом с Ним начнем жить по заповедям Его, миром душевным здесь наслаждаясь и блаженство вечное себе готовя там».

Так разглагольствуйте и уговаривайте свою душу; авось опомнится, придет в чувство и воодушевится изменить наконец свою худую жизнь и свой Богу негодный нрав. Мужайтесь! Господь близ! Он назирает за движениями вашего сокровенного делания и готов помочь вам. Как только увидит Он, что вы склоняетесь на добро, тотчас закрепит то в вас Своей благодатью. Без Господа ничего не можем мы сделать; но Он ожидает всегда собственного нашего напряжения на добро и только тогда, как заметит его, тотчас готов бывает к нам со Своей помощью. Поэтому, совещааясь со своей душой и напрягаясь произвести добрые в ней движения, поминутно обращайтесь ко Господу в молитве — все там же, в сокровенной клетке вашего сердца. Поговорите душе и ко Господу припадите с болезненным взыванием умягчить душу и воздействовать на ее изменение. Потом

опять начинайте говорить душе и опять обращайтесь ко Господу. Призывайте на помощь Владычицу Богородицу, Ангела своего Хранителя, соименного святого и всех святых. Поминутно так делайте, в храме ли стоите или дома молитесь и рассуждаете, все одно имея в мысли, как бы переломить наконец душу свою и направить ее на лучшее. Трудитесь! Придет помощь! Возникнете от дьявольския сети и скажете с дерзновением, подобно блудному сыну: «Встав, иду!»

И уж идите не озираясь и не слушая никаких внушений, какие будет всевать в вас тогда лукавый. Начнет он разжигать саможаление или навевать на вас то страх за жизнь, то опасение за расстройство быта, то непреодолимость преград ко введению новых порядков новой жизни, чтобы отвратить вас от благого намерения вашего. Не внимайте и решительное изреките в себе определение: «Все приношу в жертву Господу: и состояние, и все труды, и самую жизнь. Не отступлю от своего решения, хоть бы жить мне было, как ходить по иглам». Такое безжалостное решение тотчас разгонит всю тучу смутительных помышлений и положит конец всем покушениям врага. Он бессилен бороться с теми, кто на смерть себя определяет для последования Господу, распнувшемуся за нас. В решении сем видна тень крестной смерти, разрушившей область

его, и он бежит от него, как от огня. Тут смерть за смерть: пагубная смерть во грехе заменяется готовностью на смерть в борьбе с грехом во спасение; и вот семя новой жизни о Христе Иисусе, Господе нашем!

Вот что должно совершиться внутри вас, братья, среди сих видимых трудов и подвигов вашего говения! И тогда только, как это совершится, говение ваше будет настоящим говением. Тогда, получив полное разрешение на исповеди, чистыми соединитесь с Господом во святом причащении и начнете потом жить в обновлении жизни. Что и да дарует вам Господь, всем хотяющий спастись и в разум истинный прийти! Аминь.

9 февраля 1866 г.

17. В ПЯТОК 1-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Прошлый раз говорил я вам, что существо говения составляет сокрушение о грехах с твердым намерением не оскорблять ими более Господа и что когда это будет, исповедь наша будет действительна и святое причащение

спасительно. Ныне скажу вам определеннее о сих двух расположениях, чтобы видеть, точно ли они в нас таковы, каким следует им быть, и через то получить благонадежное удостоверение, что наше говение, исповедь и святое причащение принесут наконец свой спасительный плод.

Сокрушение о грехах не есть простое чувство, а слагается из нескольких чувств. В основе лежит неприятное ощущение от сознания того, что предавшись греху мы попали в весьма дурное состояние. Это ощущение видоизменяется потом, судя по тому, к какой стороне греха обращает свое внимание кающийся грешник. Когда он, исходя из этого ощущения, обратится к себе, то *досадует* на себя и на свой злой произвол: зачем поддался увлечению и зачем склонился на внушение соблазна, когда мог устоять и отворотить беду? Когда обратится к самому греху, то уже не видит в нем той прелести, какой прикрыт он бывает, когда падает в него, а видит его безобразным и гадким и начинает *гнушаться* им и отвращаться от него. Когда обращается к другим людям — членам тела Церкви, то *стыдится*, что не будучи ничем заделен по сравнению с ними, так осрамил себя непотребными делами. Когда обращается к Богу, то или *окаявает* себя, *жалеет* и *печалится*, что столь милостивого к себе Господа оскорбил грехами своими, или

страхом исполняется за свою временную и вечную участь при мысли о правосудии иногда так видимо карающихся грешников. Грешник, искренно сознавший свои грехи и осудивший себя в них, вошедши в себя, переходит от одного из этих чувств к другому и устрояет в своем сердце плач и сетование о грехах, подобно плачу Иеремии на развалинах Иерусалима или иудеев на реках вавилонских.

Досада на себя, омерзение грехом, стыд, страх, печаль по Бозе и окаявание себя пред Ним в деле покаяния и омовения себя слезами сокрушения похожи на разные приемы, употребляемые в нашем быту, когда моют нечистое белье, и у добросовестного делателя скоро достигают они своей меры и производят свое действие в его сердце. Вести, однако же, надобно, что не все сии чувства имеют одинаковую цену: болезнование о грехах из-за страха вечных мучений, из-за стыда пред другими, из-за отвратительности греха, с досадой на свой произвол есть болезнование низшего достоинства — несовершенное; болезнование же о грехах ради того, что ими оскорблен всеблагий Господь наш, есть болезнование высшего свойства — совершенное. Святой апостол именует его печалью по Бозе и ему приписывает соделывание в нас покаяния нераскаянного или решительного намерения не

грешить (см.: 2 Кор 7, 10). К сей-то печали и надобно возводить свое покаянное сетование или им завершать покаянные чувства. Нельзя сказать, чтобы и те несовершенные чувства ничего не значили; и они делают свое дело в покаянии, только на них останавливаться не должно. Можно употребить их как предварительное подготовление, как средство как-нибудь умягчить окаменевшее сердце, а потом от них и через них привыкшее уже к сетованию о грехах сердце надо переводить к печали по Бозе. Тут конец. Только печаль по Бозе делает наше болезнование о грехах Богу приятным и привлекает от Него благодать помилования. Только она полагает твердую основу решимости не грешить. Сторонние виды здесь отдаляются, и сердце начинает оживляться любовью к Богу, которая и дает ему дерзновение положить намерение и дать обет — не оскорблять более грехами своими милосердного Бога, так как она составляет силу, не преодолимую никакими греховными влечениями. Сего-то достигнуть и позаботьтесь, плачевные болезненники о грехах своих! Не думайте, что это труд, который вам не под силу. Сделайте только такой оборот своему сокровенному деланию: воспроизведите посильнее сознание великих к нам Божиих благодеяний и поставьте против него мысль о том, какую неблагодарность являем

мы, когда грешим. Сколько естественно нам чувство благодарности, столько же естественна и печаль, если не угодим чем благодетелям. Вот у вас и возникнет печаль по Бозе, печаль, что оскорбили Бога, от Которого непрестанно получаем одни милости и Который готов не только продлить их, но и увеличить и на всю вечность укрепить за нами.

Поспешите так сделать. Ибо те чувства — стыд, страх, досада, если оставить их одних, развивают одну безотрадную болезненность, которая, пожалуй, может совсем отуманить нас и столкнуть к черте отчаяния. Печаль же по Бозе, при всей болезненности, отраду разливает и благонадежием помилования исполняет сердце. Ибо возбуждается сознанием любви Бога к нам и приемлется нашей любовью к Богу, которая при всей нашей виновности научает нас видеть в Боге отца чадолюбивого, жалеющего Своих неисправных детей и всегда готового миловать их, когда они с раскаянием возвращаются к Нему. Печаль по Бозе, поддерживаемая верой и оживляемая любовью, дает ощутить и беспредельность к нам Божия милосердия, по которому — пусть грехи наши умножатся паче влас главы или даже паче песка морского — Бог готов простить их всякому, раскаивающемуся в них искренно. Каину и Иуде недоставало сего чувства,

и они погибли в отчаянии. От чего да сохранит всех нас милостивый Господь; да сохранит как от окамененного нечувствия, так и от сего погибельного отчаяния! Да дарует нам и глубокое сокрушение, и болезнование сердечное пред Ним о грехах, оскорбляющих Его, и вместе утешительное упование помилования!

Если б кто спросил: как знать, что мы достаточно поскорбели о грехах своих или что сердечное о них сокрушение произвело в нас свое действие? — тому ответим: «Предел сердечного о грехах сокрушения есть твердое намерение не оскорблять более своими грехами Бога». Такое намерение есть прямой плач сокрушения и означает, что сокрушение наше было искренно, полно и угодно Богу. В свою очередь это намерение обратно воздействует на сокрушение: утоляет его жгучесть, и умягчает, и оживляет благонадежие помилования, и возвышает. Все в покаянии связано одно с другим непрерывной цепью; поэтому не довольствуйся чувствами скорби — но в то же время как скорбишь, понуждай себя и к оставлению грехов, располагаясь не впадать более в них и не поставлять себя в такое скорбное и томительное состояние. Какой больной, узнав причину болезни, тотчас же не решится впредь всячески отстранять эту причину? Кто, споткнувшись о камень и разбившись, не даст зарока

не ходить более тем путем? Так, кто почувствует боль от грехов и сознает, как они разбили его, не станет долго разгадывать, а тотчас положит конец своему грехолюбию. Тут же, когда возболзневает о грехах, будет приводить на память все греховные случаи и, видя, в чем где состояла оплошность, положит всячески избегать их, определяя и самый к тому способ. Был, например, в таком-то доме и вот в какой грех впал: не буду более ходить туда. Сдружился с такими-то людьми, и они вот чему меня научили: разорву теперь всякую с ними связь. Пустился на такую-то забаву, и вот что случилось: теперь ни за что уж себе того не дозволю. Так, пересматривая всю свою жизнь греховную, искренно кающийся и скорбящий о грехах своих полагает благие намерения: как, где, что исправить на всем пространстве своей жизни, чтоб не падать в грехи; и тут же распоряжения и порядки делает соответственно таким намерениям, говоря в себе: «Хоть умереть, а уж никак не пойду теми путями, которые завели меня в такое пагубное состояние». Как тот, кто, чувствуя в душной комнате стесненное дыхание, стремительно бежит вон, чтобы подышать свежим воздухом, или как тот, кому стало несносно тесное платье, сбрасывает его при первой возможности, так грешник, возболзновавший о грехах, сбрасывает с себя бремя

их и стремительно бежит из нечистого и тлетворного дома греха в чистую и просторную область богоугодной жизни.

Вот у кого наконец образуются в сердце такие распоряжения и порывы, тот явится совершенным говельщиком. Такой не запнется потом на исповеди и не станет скрывать своих грехов, но с желанием все их извергнет из себя вон, как яд какой. Кто же так исповедуется, тот чистым приступит к чаше Господней и достойно сподобится причаститься Святых Христовых Таин. А кто сего сподобится, тот примет в себя Господа и с Ним все силы, яже к животу и благочестию, и станет прочнее жить в нынешнем веке благочестно, целомудренно и праведно.

Господь и Спаситель наш да расположит всех вас так, чтобы вы оказались достойными принять сие неизреченное сокровище! Аминь.

11 февраля 1866 г.

18. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие. Так говорил Господь о Своем явлении на землю, о том, что Он — Царь спасительного Царства — уже пришел и пребывает между людьми. Об этом же, вразумляя пыт-

ливых, в другой раз Он сказал: *вот, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк 17, 21). Но тогда Он внешне был среди людей, пролагая только и устроая способы к внутреннему в них вселению. Ныне же в тех, кто живой верой через Святые Таинства вступают с Ним в общение, Он входит внутрь, в сердца их, и там царствует Царем желанным и спасительным. Ибо говорит: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин 6, 56). И те, кто сподобился сего блага, исповедуют: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2, 20).

Сие-то вожделенное воцарение Христа Спасителя внутрь нас приблизилось к вам, братие! Вот полдня только уж осталось до той минуты, когда примете вы в себя Господа, — приготовьтесь же сретить Его, принять и упокоить в себе достойным образом.

Невидимо внутрь вас внидет Господь. Войдите же в себя и все там упорядочьте: всякую нашедшую пыль пустых и праздных помышлений сметите вздыханиями и охраняйтесь богомыслием; всякую нечистоту грешных чувств и расположений смойте слезами, хранитесь святым трезвением; все испорченное и изломанное падениями исправьте и восстановите искренним покаянием и оградитесь святой ревностью к исполнению заповедей. Света побольше впусстите

через окна искренней и непоколебимой веры, в созерцании тайн домостроительства нашего спасения. Облагоухайте храмину сердца ароматами молитв и теплого к Богу устремления чувств, наиболее же заготовьте дорогое и любезное Ему покоище в нелицемерной, полно и всецело Ему преданной любви.

Так устроившись, соберитесь еще глубже внутрь себя — и ждите Господа в благоговейном безмолвии, с желанием и страхом, с горячим усердием и бодренным вниманием. Не суетитесь и ничем внешним не развлекайте себя. Всячески сохраните сие теплое внутри пребывание, которое стяжали вы говением и молитвами и которое особенно осенило вас или осенит после полной и искренней исповеди. Об одном только попекитесь: дары приготовить Господу и разложить их все по приличным местам.

Сторонних даров не принимает Он — в себе самих ищите их; и как Он Сам дает Себя вам, то и вы себя, со всеми силами своего естества, готовьтесь принести Ему в жертву. Расположитесь принести Ему прежде всего свое лице — сознание и свободу, чтобы в Нем исчезать и Его воле единой во всем покорствоваться. И этот дар — высший — положите на первом месте под святыми. Затем по правую сторону положите готовность Господу посвятить все силы души:

разум — с обещанием иметь его верным хранителем истин, Господом принесенных на землю; волю — со всеми желаниями, расположениями, обещая не давать ей свободы выступать из пределов, заповедями Господними начертанных; сердце — со всеми чувствами и сочувствиями, обещая заглушить в нем всякий вкус к плотскому, нечистому, страстному и воспитать один вкус к тому, что чисто, свято и небесно. По левую сторону положите готовность Господу посвятить все силы тела, обещая всякое воздержание от чувственных удовольствий, хранение чувств зрения и слуха, обуздание языка, связание вольнодвижений, умеренность в пище, сне и отдыхе, неленость в труде, удаление от пустых развлечений и всестороннюю степень поведеня.

Заготовив все это внутрь себя и расположив богоприлично, держите себя в напряженном внимании, возгревая в сердце теплое и желательное к Господу устремление, делая только одно еще соображение, как в первый раз принять Господа, когда приблизится и внидет. Ведайте, что сие совершается Божеским Ему поклонением, которое должно изречь и исполнить все существо человека; и ведая, готовьтесь к тому, делая предварительные в сем опыты и упражнения.

Вот все приготовление ко сретению Господа! Поверьте теперь себя по сему указанию, которое не есть перечисление произвольно придуманных положений; и если окажется что недостающим, восполните то: время еще есть. Покажите к сему делу все усердие и всю заботу, особенно стараясь избежать небрежения, холодности и одного механического внешнего исполнения при сем порядка действий. Когда будет усердие и забота к достойнейшему принятию Господа, тогда Он не взыщет, если не найдет чего приготовленным, сие усердие приемля взамен недостающего; а когда нет усердия, все будет ни во что; как и между нами бывает, что пышный прием с одной холодной формальностью не удовлетворяет посетителя и приятности ему не доставляет.

Если душа почему-либо станет упорничать в чем-нибудь, вы поставьте ее в тесноту, в которую поставило нас, в отношении к Святому Причастию, благое промышление Божие, в отгнание сна, лености и дремания беспечности. Протолкните ей: «Не хочешь погибнуть? Иди, причастись, ибо Господь сказал, с подтверждением: *истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин 6, 53). Но причастись с должным приготовлением, ибо

если не сделаешь этого, не во спасение, а на пагубу будет причащение твое, как учит апостол, говоря: *кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем* (1 Кор 11, 29). Так, нам тесно от сих двух: не причастишься — живота не будешь иметь; причастишься недостойно — на осуждение себе причастишься». Что же остается делать? Приготовься как должно. Трудно будет это? Ведь не горы переставлять требуется, а произвести изменение в мыслях, чувствах, расположениях, словах и делах, которые все в руках наших. От нас же зависело, что в них прокралось худое; как же будет зависеть не от нас отбросить это худое? Делал худо — решишь перестать и начать делать хорошо. Думал худо — решишь перестать и начать думать хорошо. Расположения были худы — решишь отменить их и напрягись к расположениям добрым. Какой тут труд? Одно желание, и все совершится! Требовалось бы множество дел, уже совершенных, и множество всякого добра, сердечного и умственного, уже стяжанного, можно бы еще отговариваться, а то нет: Господь довольствуется одним благим намерением впредь удаляться от зла и творить благо. Хоть бы ты был весь во грехах, но, как скоро во всем покался и положил твердое намерение во всем угождать Господу, ты готов. Приступи, принося Господу

одну эту решимость — всего себя, все силы свои и всю жизнь на будущее время посвятить Ему единому.

Исполнив же это, с дерзновением да приступаем к Престолу благодати, не тревожа себя ложными страхами и не губя неразумной дерзостью. Господь с милостями идет — возжелаем Его. Идет не судить, а простить; не карать, а миловать; не поражать, а врачевать и восстанавливать. Соединясь с душой, Он исполнит ее благих Своих.

Милостивый Господь да умудрит вас и взыскать Его, и принять так, чтобы, войдя, Он возвечерял с вами и вы с Ним! Аминь.

19 февраля 1865 г.

19. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Вот и суток уже нет до той великой минуты, когда примете вы в себя Господа. Радуйтесь и веселитесь! Но вместе не забывайте и того, что как минута сия есть самая драгоценная в жизни вашей, то она требует всего вашего внимания и всей осмотрительности. Господь Сам хочет датися вам и с Собою принести дары Свои. Сколь неразумно не воспользоваться ею, туне предлагаемой милостью, столь

преступно приступить к приятию ее не так, как подобает. *Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем* (1 Кор 11, 29).

Ведаете то и, конечно, всякий по силам своим, усердствуете явить себя достойными во спасение принять грядущаго к вам Господа в Святых Своих Тайнах. Полагаю, что и теперь вы тем же заняты — и я хочу подойти к мысли вашей со словом своим и вместе с вами до подробности разъяснить, как должно нам расположиться и действовать, чтобы достойно приступить к Святым Пречистым Христовым Тайнам.

Начнемте с сей же минуты и будем идти шаг за шагом, пока приблизимся к самой чаше Господней, определяя на всем протяжении спасительный образ настроения и действия.

При самом первом движении сретает нас святой апостол Павел со своим кратким, но строгим наставлением: *Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей* (1 Кор 11, 28). *Да испытывает себя*: пусть испытает, достоин ли, — и в сей уверенности должен приступить к Святым Тайнам; ибо если приступит недостойно, будет суд себе есть и пить. Ах, братие! Страх наводит слово сие на грешную душу. Ибо кто может сказать, что он точно достоин приступить к трапезе Господней?

Сколько грехов! Сколько нечистот! Сколько явных оскорблений Господа! Страшно приступить; но и не приступать небезопасно, ибо если не вкусим Плоти Господа и не прием Крови Его, живота не имеем в себе. Тесно нам от этого. Что же сотворим? В объятия Самого милосердаго Господа повергнем себя, вопия Ему: «Милостиве Спасе! Пощади нас недостойных и милостию Твоею покрой достоинство наше!» Не слишком, однако же, мнитесь, братие, чтобы не тревожить себя пустыми страхами. Господа оскорбляет не только то, если кто неготовый — с дерзостью приступает к Чаше, но и то, если кто без разбора мучит себя беспорядочной боязливостью. Милосердый Господь не связывает нас невыполнимыми условиями и требует от нас немногого, что всякий, без затруднения, в силах выполнить, если захочет. «Кто, — говорит святой Димитрий Ростовский, — исповедал грехи свои совершенно, ничего не утаив; кто жалеет о них, плачет и кается; кто имеет волю и непременно намерение не возвращаться более ко греху, но блюстись опасно от всякого грехопадения; кто постом и молитвой и другими подвигами благочестия приутрудил себя, умиловляя Господа; кто со всеми примирился и ни с кем не оставил у себя вражды, — тот достойно готов: *и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет!*» Если все сие выполне-

но вами или выполнится — благонадежно приступите к Господу с детским смиренным дерзновением. Мы грешны, кругом грешны, но Господь и пришел грешных спасти. Не грехи — преграда, а упорство во грехах и нераскаянность. Если это есть, не приступайте! Грехи же оплаканные, исповеданные и разрешенные уже не в вас или не на вас. Они то же, что сучья, отрубленные от дерева; когда любили грехи, они были на дереве жизни нашей живыми ветвями и питались от него; когда же мы отвратились от них, стали гнущаться ими, раскаялись и исповедались — этим действием мы отсекали их от себя. В минуту разрешения они отпали от нас. Теперь — это сухие ветки, и Господь идет попалить в нас сие терние прегрешений. Так, преимущественной заботой вашей да будет грехи свои осознать, оплакать, исповедать и положить твердое намерение отстать от них. Сделано ли уже это вами или будет сделано ныне, благодарите Господа. Через разрешение грехов Он приготавливает Себе в нас достойную Себя обитель, очищенную и поместную.

К этому главному действию останется приложить потом еще одно — сохранить неразвлеченным внимание и сердце безмятежным. Блудитесь убо рассеяния и смятенных забот. Если на всю неделю были оставлены обычные дела, то

тем паче обязательно не касаться их теперь и, от всего отстранившись, в себя войти и там пребывать с единой мыслью о Господе, желающем прийти к вам. Всякое движение сторонних мыслей прекратите и, единого Господа созерцая, молитесь Ему умной немногословной молитвой, говоря каждый в себе: «Не отвержи мене, Господи, от лица Твоего! Не погнушайся мной, много оскорбившим Тебя! Не отжени меня от трапезы Твоей как нечистого! Живи же мя по словеси Твоему! Посети мя по милости Твоей, хоть недостойного! Прииди ко мне, погибающему, и спаси мя!» Или просто одно слово тверди: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Или и без слов в сердце припадай к стопам Его, милости чая!

Этим одним можно бы ограничить весь нынешний приготовительный труд. Но если мысль не будет сильна пребывать в сем едином, дайте ей в занятие размышление о самом причащении и чтобы она не блуждала много, связывайте ее словами Господа и святых апостолов о сем Таинстве. Пусть внимает тому, что сказал Господь. Пусть поучается в том, что изрекли апостолы, — и созидает тем душу свою.

Я хлеб живой, — говорит Господь, — сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, ко-

торуя Я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин 6, 51,53–56). Размышляйте об этом и поучайтесь! Или возьмите, что на Тайной Вечери говорил Господь: примите, ядите: сие есть Тело Мое... пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя (Мф 26, 26). Или то, чему учил апостол: Посему кто будет есть хлеб сей или пить чащу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней (1 Кор 11, 27), и прочее, что я приводил уже в начале беседы.

Дайте какое-либо из тех изречений своему уму; и пусть рассуждает, извлекает из него назидаение себе и располагает себя к сокрушенной молитве. Когда придет молитва, падайте пред Господом мысленно или с телом и не отступайте от молитвы, пока есть молитва. Отойдет или ослабеет молитва, размышлением подогрейте ее и опять молитесь.

Так, непременно в богомыслии и молитве, позаботьтесь провести весь остаток нынешнего дня

и особенно вечер, пока не успокоитесь сном. Вот настанет утро. Как только откроете вы очи свои, поскорее возьмитесь за свою мысль и поспешите воскресить в ней сознание величия наступившего для вас дня, — дня, преблагословенного во днях жизни вашей, говоря в себе: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны! Наступила Пасха для души моей!» Но не суетитесь и не развлекайтесь многим; поспешите опять собраться с мыслями и установить внимание ваше на едином на потребу — на том, что должно быть с вами и для вас. И в этом духе готовьтесь во святую церковь к Божественной литургии, поспешая к которой, говорите себе: «Вот, Жених идет, выходите навстречу ему!» И идите так, чтобы не погас светильник, возжженный в сердце вашем.

Блюдитесь! Враг всячески будет покушаться погасить светильник сей, навевая на душу какое-либо недоброе состояние, или рассеяние мыслей, или заботу о чем-либо, или недовольство чем, или неудовольствие на кого и подобное. Всякое из этих движений вносит смятение в душу и расстраивает ее. Сохраните внимание и обращение ко Господу ума и сердца и избежите сего преткновения.

Так, блюдя благое настроение, войдите в храм Господень. Здесь пребывая, так себя чувствуйте,

как бы вы были в Сионской горнице, среди апостолов, которых причащал Сам Господь! Ибо и здесь, как и там, Он есть действующий, Он — раздаваемый, Он же и раздающий. Он то, чем причащаетесь; Он же причащающий. Священнодействующий есть только Его орган. Священнодействие будет приготовлением трапезы именно для вас. Приготавливаемое есть Пречистое Тело и Пречистая Кровь Господа; приготавливающий же есть Господь. Внемлите же и со страхом и благоговением предстаньте.

Внимайте более чем когда-либо всему читаемому и поемому и все направляйте к тому помышлению, что это для вас готовит Господь спасительную вечерю, и возгревайте соответственные тому чувства и расположения, принося их как жертву в сердце всевидящему Господу.

Возгревайте *веру* в действительное присутствие в Святых Тайнах Самого Господа и Спасителя, Который, на небе во славе одесную Бога и Отца сидя, здесь невидимо пребывает и благоволит сокровенно, под видом хлеба и вина, даваться верным для приготовления их к небожительству. От этой же веры исходя и мысленно созерцая Господа, грядущего с неба посетить вас, *самоуничженно* взывайте по примеру праведной Елисаветы, посещенной Матерью

Господа: «Откуда нам сие, что Сам Господь хочет прийти к нам?» Или словами пророка Давида: *Что есть человек, яко посещаеши его?* Или сотника: *недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой!* От самоуничижения переходите потом к *сыновнему страху*, не отревающему, а приносящему благоговейную трезвость и поставляющему дух наш в состояние бесплотных, в страхе лице свое закрывающих, но не бегущих от Престола Божия, а только велегласно взывающих: «Свят! Свят! Свят!» Ибо воистину здесь Господь. И Господь внидет в вас. Какая душа не готова была бы воззвать с апостолом Петром: «Изыди, грешен я», если б, по заповеди Господа, самая сия грешность не обязывала и искать и чаять сего посещения Господня? Этой-то волей Господа и воодушевляйтесь к дерзновенному *желанию, жажданию* Господа; и с некоторой стремительностью, нетерпением и неудержимостью порывайтесь принять Его, как стремительно олень бежит на источники водные, помня слово премудрости, глашающей: «Идите, вкусите хлеб, который я приготовила вам, и пейте вино, которое растворила вам», и слово Самого Господа, зовущего: *жаждай да грядет ко Мне! «Се, жажем, Господи, — скажите в сердце своем, — и благонадежно течем к Твоей щедродательности! Ущедри нас,*

Многомилостиве, и подаждь душам нашим здравие как больным; очищение как прокаженным; свет как омраченным; крепость как расслабленным; утешение скорбным, мир смятенным! Чаем, Господи, что все сие будет нам вместе с приятием Тебя, источника всех благ!» От этого же чаяния, которое не посрамит, опять переходя к себе и свою готовность сретить и принять Господа свидетельствуя, снова сильнее возгревайте сердечное *сокрушение* и *обещание* не поблажать греху, хотя бы сего ради умереть пришлось; и, оплакивая прошедшее, Самого Господа молитесь омыть, очистить, убелить вас в светлое жилище Себе, вопия к Нему: *Наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя!.. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!*

Так, переходя от одного чувства к другому, от веры к самоуничижению, от самоуничижения к страху, от страха к желанию, от желания к надежде, от надежды к сокрушению, — вы составите внутри себя песнь — затрапезную, которая Господа усладит и привлечет внимание небожителей!

В сем-то благодатном настроении и небесном осенении приступите наконец к чаше Господней, видя которую, воздайте поклонение приближающемуся к вам Господу, воззвав с апостолом

Фомой: «Господь мой и Бог мой!» И, отверзши уста и сердце, примите Господа смиренно и благоговейно, трезвенной мыслью молясь Ему словами святителя Димитрия: «Вниди, Свете мой, и просвети тьму мою! Вниди, Животе мой, — и воскреси мертвость мою! Вниди, Врачу мой, и исцели язвы мои! Вниди, Огню Божественный, и попали терния грехов моих, и сердце мое пламенем любви Твоей разжги! Вниди, Царю мой, сяди на престоле сердца моего и царствуй во мне — Ты един Царь мой и Господь!» Приготовьтесь, как сретить Господа, и Он внидет в вас несомненно и возвечеряет с вами в сердце вашем. Тогда не востребуете, да кто учит вас; ибо единый всех Учитель будет в вас. Ему и внимайте ухом сердца и на хартии ума печатлейте глаголы Его. Он всему научит вас, только попекитесь удержать Его в себе со всей заботливостью и всем вниманием, предлагая Ему то одно, что Ему угодно видеть в вас. Аминь.

6 марта 1864 г.

20. В СУББОТУ 1-й НЕДЕЛИ ПОСТА

О пять слезы и всепрощение! Опять возвращение и отчи объятия! Опять вечера и брачный пир! Слава долготерпению Твоему, Господи! Слава снисхождению Твоему, Владыко! Слава щедродательности Твоей, Святой! Се, братие, с нами воистину делом совершилось то, что в притче только предобетовал Господь. Человеколюбивый Отец Небесный, исшед из внутреннейшего и сокровеннейшего чертога Своего, издавеча узрел нас, сокрушенно возвращающихся к Нему, и, притекши, милосердо пал на выи наши и облобызал нас и в знамение совершенного примирения облек нас в одежду оправдания первую, дал перстень обручения преискренного, напитал пищей нетленной и повелел веселиться о нас всем Ангелам и святым.

Вот чего сподобились мы; а много ли потрудились? Да и то, что потрудились, наше ли было? Господь призвал нас к говению — это дело Его благодати. Мы вняли сему призыванию; и это не без Его содействия. Затем потрудились в говении; и это с помощью Его благодати. Свое ли было и то, что добросовестно проследили мы жизнь свою, обсудили ее при свете заповедей

Божиих, осудили и оплакали все не согласное с ними и, повергнув все бремя грехов к ногам Христа Спасителя, невидимо принимавшего исповедь нашу, положили твердое намерение более себя не осквернять грехами и Господа не прогневлиять ими? Только в сем последнем решении совместно действовало наше произволение и сила. И вот за эту малость — все милости. Ибо собственно этим решением отверст вход в сердце Ему, толкавшему в него. И се, Он вошел и вечеряет с нами, пришел и обитель сотворил в нас, по неложному слову Своему: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин 6, 56).

Так мало труда, и сколь велико дарование! Но это-то тем более и обязывает нас позаботиться о том, чтобы явить себя достойными дара. Блудный сын, ради сердечного раскаяния принятый опять в милость отчую и в права сыновства, не бросался уже более опрометчиво разматывать достояние, в обладание которым был снова введен. Память о прошедшем неразумии научила его осмотрительности и вниманию. Будем подражать ему и поревнуем удержать себя в доме Отца, в воле Его, в трудах послушания и благоугождения Ему. Будем внимать себе и свято блюсти слово, которое так часто повторяли мы пред Ним: «Согрешил, не буду! Согрешил, не бу-

ду!» Не дадим себе послабления и не допустим поблажки снова поскользнуться на то, что совестью уже осуждено и оплакано сокрушенным сердцем.

Простираясь мыслью вперед, не послабления и поблажки себе обещайте, а приложения труда к труду и подвига к подвигу. Не уподобляйтесь тем, кто, кончая говение, как бы сбрасывают с себя какие невольнические узы и предаются снова всей беспечности и всей свободе невнимательной к себе жизни. Не конец видите в сподоблении Святого Причастия, а начало трудов и подвигов. Так, себя считайте, что вы то же, что расстроенная машина, ныне только окончательно исправленная. Настало время работы, а не конец ее. Положили намерение быть исправными во всем пред лицом Господа, и трудитесь над сим, вспоминая все, что что обещал Ему в час раскаяния, и понуждая себя неотложно исполнять то. Кто молитву обещал — молись; кто пост — постись; кто благотворение — благотвори; и всякий, кто что благое предлагал в своем сердце, делай то не жалея себя, чтобы всегда с дерзновением несмущенно обращать нам очи ума своего ко Господу, испытующему сердца и утробы.

Приняли мы Господа, позаботимся же удерживать Его в себе, всеми силами существа своего. Обыдем Его непрестанной памятью о Нем,

посвящением славе Его всякого дела нашего и труда, сладостным пребыванием во всех священных чинах, которыми Ему было угодно облечь нашу жизнь. Делая так, мы дадим Ему возможность поглощать в нас часть за частью, силу за силой, чтобы, сорастворившись наконец всецело с нами, соделать нас едино с Собой. Как лекарство, воспринятое телом, сначала оживотворяет центр жизни, а из него потом уже и все тело, исцеляя в нем член за членом, так постепенно воздействует в нас и Господь, принятый ныне, пока исполнит Собою все в нас, — под одним, однако ж, условием: если всякое напряжение сил в нас будет совершаться не иначе, как по Его воле, на угождение Ему.

И сбудется над нами то, что Господь будет всяческая во всех нас, по обетованию, Им Самим данному: вселиться и ходить в нас (см.: 2 Кор 6, 16). Будет Он ходить в нас, носимый нами, и держа нас, и движа. Как столп облачный, бывший среди израильтян, управлял всеми их движениями; или как в видении пророка Иезекииля животные и колеса двигались по направлению восседавшего на них, так и в нас будет все Господь и «еже хотети, и еже деяти о благоволении». О даруй, Господи!

Но это — блаженная страна обетования; а доколе — труды и поты во славу Господа, на кото-

рые и обречем себя отныне, моля Его, давшего нам плоть Свою ясти, пройти во уды наши, во все составы, во утробу, в сердце; попалить везде в нас терние прегрешений и все в нас очистить, освятить и удобрить, да будем селение Его единого, и не ктому селение греха.

Буди сие всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцем и Святым Духом вовеки! Аминь.

16 февраля 1863 г.

21. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Ныне сподобились вы трапезы Господней и чрез святое причащение приняли в себя Господа. Какая великая милость Божия! И не место бы теперь слову; но не могу удержаться, чтобы не пригласить вас исповедать сию великую милость и воспользоваться ею как следует.

Душа наша есть тварь жаждущая, а Господь есть всенасыщение. Придя в вас, Он принес вам вседовольство. Вот вода, от которой пьющий не возжаждет вовеки, по Его обетованию. Господь в вас — свет ведения; Господь в вас — широта любви; Господь в вас — радость и мир; Господь в вас — упование славы. Чего еще искать? И куда

еще устремлять свое сердце? Удержите даровавшего вам Себя Господа, и довлеет вам.

Удержите Господа и насладитесь им. Не скоро обращайтесь к другим предметам. Не давайте ни мыслям рассеяния, ни желаниям поблажки, ни чувствам послабления. Продолжайте духовное удовольствие молитвенного пребывания с Господом. Душа ваша искала Господа, и Господь желал души вашей; вот вы вместе теперь, не отходите же от Господа.

Когда приходит дорогой гость, чего не готовы бываете вы сделать для него, чтобы ему было приятно у вас и он не скоро ушел от вас? Се, Господь посетил вас: а кто дороже Него? Истощитесь же в средствах усладить Его в вас пребывание и не отгоните от себя. Знаете, что Ему угодно, — все то и предлагайте Ему; все же неуютное Ему отстраните от себя. Любит Господь смирение, кротость, правоту, миролюбие, чистоту, терпение, благопокорность, трудолюбие, всякое воздержание — все то и позаботьтесь возыметь и предложить Ему. Не любит Господь зависти, вражды, гордости, пересудов, тщеславия, рассеянности, лености, гнева, невоздержания — от всего этого и удерживайтесь. И Он навсегда пребудет с вами, а с Ним и всякое довольство.

Мы ищем вседовольства сердечного — так уж устроены; но найти его нигде нам нельзя,

кроме Господа. Господь есть все для нас: Он живот наш, Он свет наш, Он покой наш, Он радость наша, Он сила наша, Он ограда наша, Он все наше. Ныне Он пришел, чтобы исполнить нас всех благ. Вкусили вы Господа — увидьте же, как благ Господь. Увидьте и не обращайтесь инуды сердца своего. Подражайте душе, в виде невесты изображенной в Песни Песней. Та душа, обретя Господа, вот как описывает свое всеблаженство: «Ощутила я, — говорит, — приближение Его, и вострепетала вся внутренность моя; услышала голос Его, и сердце мое изыде в слово Его. Имя Его есть для меня миро изливанное, и Он — весь желание и сладость!» (см.: Песн 5). Вот к этому призваны и вы ныне — упокоиться сердцем своим в Господе.

И да не искушает вас искушающий искать довольства сердцу своему в чем-нибудь ином! Та же душа Песни Песней, тщетно искавшая вне Господа того, чего желало сердце, вот как в урок нам исповедует свою ошибку: «Искала я Его, — говорит, — в себе самой, в своих совершенствах внутренних и внешних и не находила. *На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя; искала, но не нашла.* Тогда сказала я в себе: *Встану... пойду по городу, пущусь в удовольствия общественные и насладусь всеми благами мира; но и там искала — и не нашла*

того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его! Пойду на торжищах и на стогах поищу, которого любит душа моя; поищу довольства в сделках общежития и в приятностях семейной жизни; но и там не нашла я того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его!» Как же наконец она нашла его? «Едва, — говорит — я отошла от них, как нашла. Лишь отстранилась я от всего и устремилась к единому Господу, как нашла того, которого любит душа моя. Нашла и ухватилась за него, — говорит, — и не отпустила его» (см.: Песн 3, 1–4).

Видите, как, обретя после тщетных исканий, крепко держится она Того, в Ком нашла свое успокоение и довольство. А нам, и без особого труда, и без испытательных уклонений, дает Себя Господь. Будем же уроками других ограждать себя от покушений — делать опыты искания довольства где-нибудь на стране, когда по милости Божией обладаем уже источником всякого довольства. Господь говорит: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр 3, 20). Эта вечеря есть всеуспокояющее вседовольство. Наслаждайтесь же сей вечерей и не ищите других сластей. Препояжьте чресла помышлений ваших и приобретите

те навык сосредоточивать все в едином Господе. Затем и пришел Он к вам ныне и так преискренне приобщил вас Себе, чтобы, дав вам вкусить Себя, отнять у вас все другие желания. Вонмите сему призванию и в глубине сердца скажите: «Отныне мы Твои, Господи, и ничего не хотим, кроме того, чтобы только быть всегда в Тебе и с Тобою!» Аминь.

9 марта 1863 г.

22. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Слава Тебе, многомилостиве Господи! Много ли потрудились, а какую милость получили! Сам Господь с нами и в нас. Сам дал нам иметь то, что обещал: *вселюсь в них и буду ходить [в них]* (2 Кор 6, 16). *Вопрошать ли и вас: Разве не знаете, что отныне вы храм Божий?* (1 Кор 3, 16). Если верующий имеет свидетельство в себе, не тем ли паче приявший Господа? Держа на руках Младенца Иисуса, праведный Симеон исповедал: *Ныне увидели очи мои спасение Твое* (см.: Лк 2, 30). Вам ли не увидеть и не ощутить спасение, когда не руками, а душой и сердцем восприняли вы не уничиженного, а прославленного Господа Иисуса? Когда царя ждут в город, знают все, что его нет еще, и желательные свои взоры

обращают туда, откуда ждут его; а когда приедет он, все в один голос говорят: «Прибыл! Здесь уже!» Вот и мы со страхом и трепетом ждали Господа и со многой заботой готовились к достодолжному принятию Его. Се, пришел Он и принят нами. Да изрекут же все силы естества нашего это радостное и торжественное исповедание: «Здесь уже!»

Здесь уже, во внутренней храмине души вашей. Не возмутим же покоя Его! И от Него не отойдем и тревожить Его не станем нестройными движениями! На Нем сосредоточив безмятежное внимание, обратим любительное попечение на то, чтобы отстранить все неприятное Ему и окружить одним благоугодным и через это удержать Его навсегда в себе.

Здесь уже и с Ним все спасительные Его щедроты, которые Он приносит с Собой во всякую душу, приявшую Его. С Ним — всепрощение, всыновление и несомненный залог вечного блаженства. Свидетельство чему в осязательном ощущении духовных благ, составляющих всегдашний след Его присутствия в душах и сердцах, каковы: *мир*, глубокий мир, который привлекает душу внутрь себя и там удерживает ее так, что ей не хочется смотреть ни на что, ни в себе, ни вне себя, кроме Того единого, Который наполняет теперь Собой всю ее; *духовное обра-*

дование, сладость духовная от вкушения Его Самого, Которым отсекаются все иные сладости и производится не только равнодушие, но и отвлечение ко всем земным утехам; *духовное просвещение*, всякой душе нужное вразумление, в котором ясно печатлеется в сознании то определение истины, забытой или покрытой сомнением, то правило жизни, которому нужно дать больше места в делах наших, то предприятие, которое надо начать или кончить с большей энергией; *нравственная сила*, чувство мужества, готовность на все дела богоугодные, не жалея сил и не страшась препятствий, по которой душа чувствует внутри себя безмолвно произносимое слово апостола: кто отлучит меня от любви Божией? Никто и ничто, ни муки, ни самая смерть (ср.: Рим 8, 35).

Все это дарует Господь каждой душе-причастнице в большей или меньшей мере. Ни одна не заделывается; всякая получает свое по мере труда, сокрушения и намерения угождать Господу. И это — только семя, только еще слабое предначертание того, что обетовано нам. Не развлекайтесь, не предавайтесь суете, не возвращайтесь вспять. Потерпите Господа, и Он еще щедродательнее исполнит вас благих Своих. Нельзя нам всего дать вдруг, потому что не раз уже оказывались мы неверными. Покажем

более решительные опыты верности, и к данному теперь в мале придано будет и преизбудет. Господь не мимоходом хочет заходить к нам, но, вселившись, всегда хочет ходить в нас и с нами, как обетовал. Удержим же Его; и дары Его возрастут в нас в меру, до меры полноты их в Нем Самом (см.: Еф 4, 1). Удержим — отстранив все, что могло бы понудить Его оставить дом души нашей пустым, и окружив Его тем, что могло бы расположить Его такое милостивое изречь о нас решение: «Здесь покой Мой! Здесь вселюся!» А для сего вот что сделаем: хвалебную воздадим Ему благодарность за настоящий неизреченный дар, венец всех даров Его к нам, недостойным, в порядке естества и благодати; себя самих Ему предадим, как Он дал нам Себя; принесем Ему в жертву все способности души, все силы тела, все достояние внешнее, чтобы и на нас, на всем нашем светлелось Его поклоняемое имя и ничего не оставалось, что принадлежало бы не Ему, и чтобы потому всякий из нас мог неленостно сказать: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2, 20).

Отселе уже начнем порываться на исполнение того, что обещали Ему в духе сокрушения; на исправление всех своих нравственных недостатков: и в делах, и в чувствах, и в расположениях. Во свидетельство чего и для верности

успеха теперь же откажемся от суетных обычаев, бросим дурные привычки, прекратим не ведущие к добру связи, все порядки изменим в жизни своей, чтобы иначе уже держать себя и дома, и в обществе. И это не на малое время, а на всю жизнь; и не в виде пробы, а в силе неизменного закона для всегдашнего нашего поведения. И в решимости нашей, в сем отношении, не попустим колебаться даже на волос, чтобы и легкого помышления не было изменить когда-либо положенному по каким-либо человеческим уважениям.

Паче же всего не будем отходить от Него вниманием и, непрестанно зря Его в своем сердце, непрестанно будем обращаться к Нему молитвой, освящающей всякое дело, и посвящая Господу, Ему единому предавая вседействие в нас и испрашивая от Него сил на всякое угодное Ему дело.

Так настроившись, мы при помощи Его явим наконец самое угодное и самое желательное Ему действительное изменение и исправление жизни — цель всех благодеяний Божиих, цель всего устройства нашего спасения и всех наших трудов и подвигов. Не допустим, братие, быть нарушену этому желанию Господа и не отщетим этого ожидания Его от нас. Не допустим, чтобы эти ноги, учащавшие в храм, снова

блуждали по путям стропотным; чтобы эти руки, воздевавшиеся на молитву о помиловании, снова простирались на запрещенное; чтобы эти очи, видевшие страшное Таинство, опять стали зреть неправо; чтобы эти уста, принявшие Тело и Кровь Господа, опять стали пустословить, срамословить и хульничать; чтобы это сердце, Господом посещенное, опять предалось непотребным желаниям и стремлениям. На то и Господь с нами, и на всякий час помощь Его готова нам. Если мы не отщедим желания Его, то и Он не отщедит желания нашего; и будет плод — освящение наше здесь, а за него вечная радость там.

Если лукавый грех начнет подступать к нам с искушениями, — не поддадимся ему; и если усугубит нападения, — отвратим себя от него грозным словом апостола, который говорит: *если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников. [Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто ска-*

зал: у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь... Страшно впасть в руки Бога Живаго!
(Евр 10, 26–31).

Итак, со страхом и трепетом приступив к Святым Тайнам, со страхом и трепетом будем житьствовать и все прочее время жития нашего, чтобы всегда с нами пребыл Господь и мы с Ним. Простирай каждый на всяк час усердную молитву к сладчайшему Господу, говоря Ему с горячей верой и преданным сердцем:

«Величие души моей! Радосте духа моего! Сладость сердца моего! Сладчайший Иисусе! Будь со мною и во мне выну, и мене всесильною Твоею десницею удержи с Тобою и в Тебе! Да прилеплюсь Тебе, Господеву моему, во един дух с Тобою, да в Тебе, и о Тебе, и Тобою будут вся помышления моя, словеса и деяния; без Тебе бо не могу творити ничесоже! Да не ктому себе живу, но Тебе, Владыце моему и Благодетелю; да вся чувства моя душевная и телесная не мне, но Тебе, Создателю моему, работают; и вся силы моя душевныя и телесныя Тебе, Искупителю моему, да служат; и все житие мое, до последнего моего издыхания, будет во славу преславного имени Твоего, Боже мой!»¹ Аминь.

7 марта 1864 г.

¹ *Свт. Димитрий Ростовский. Ч. 1. С. 273.*

23. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Великой милости Божией сподобились вы ныне, причастившись Святых Животворящих Христовых Таин. Потому что в причащении Сам Господь вошел в вас и стал обитать в сердцах ваших. Какое это великое и неизреченное благо! И подумать о нем не посмели бы мы, если б Господь Сам не сказал: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин 6, 56). То есть кто вкушает Плоть Мою и пьет Кровь Мою, тот во Мне, и Я в том. Так оно и бывает, по слову Господню, со всяким, кто, поговев и исповедавшись, причащается Святых Христовых Таин. Так оно есть и с вами.

То, что вы приняли, есть Тело и Кровь Господа; а где Тело и Кровь Господа, там и Сам Он. По виду вы приняли хлеб и вино; а самым делом это есть Тело и Кровь Господня. Когда Господь в первый раз причащал святых апостолов, то Он тоже подавал им хлеб и вино; но, подавая хлеб и вино, к хлебу сказал: *Сие есть Тело Мое*; а к вину: *Сия есть Кровь Моя*. И как Он есть Бог, то как сказал, так и сделалось: хлеб стал Телом, а вино Кровью; по виду только казались они хлебом и вином. Но Господь Иисус Христос как тогда был, так и теперь есть тот же Господь. Как

тогда причащал Он святых апостолов, так потом Он же причащал и причащает всех верующих. На литургии — это Он приходит и совершает Таинство: архиерейские или священнические тут только руки и язык, а совершитель Сам Господь. Сам Он здесь говорит хлебу, чтобы он стал Телом, и он становится Телом; говорит вину, чтобы оно стало Кровью, и оно становится Кровью. Потом Он же Сам и причащает: наши только руки и лжица, а причащает через них Сам Господь. И вас Он Сам причащал истинным Своим Телом и истинной Своей Кровью. И вместе с этим Сам вселился в вас и стал обитать в вас.

Видите, какая великая милость Божия является к нам во Святом Причащении! О сей-то великой милости и рассуждайте теперь с сердцем, полным благодарности и благоговения.

Может быть, вам робко думать, что Господь в вас, или вы затрудняетесь думать, как это Он в вас? Но так есть; ибо это Он Сам сказал, а не люди придумали; почему и именуется оно дивным и предивным Таинством.

И не это одно дивно, а еще и то: Господь есть в каждом из вас не какой-то частью, а весь, так что хотя Он и есть в каждом из вас, все же Сам не разделяется и не размножается, а цел и неразделен пребывает. Все одно как вот теперь я говорю какое-либо слово; каждый из вас слышит это

слово и принимает его. Слово мое одно, и один раз я говорю его; а входит оно в каждого из вас, и входит всё, не часть его, а целое слово. И хоть бы тут стояла тысяча народа, то слышали бы они и приняли всё мое слово, а не какую-то его часть. Так и в Святом Причастии: сколько бы ни причащалось людей, все причащаются от единого Тела и все имеют его всё, а не какую-то его часть. И Господа имеют они в себе всего, а не часть. Сам же Господь через это не разделяется, а пребывает цел и неразделен. Возьмите вы, например, несколько зеркал и поставьте их против солнца. В каждом зеркале будет видно все солнце, а не часть его; и сколько ни поставь зеркал, хоть числа им не будь, в каждом будет все солнце. Солнце же само не истратится через это, не пропадет, а останется цело и нераздельно и одно и то же. Так и во Святом Причастии: сколько вас ни есть, у всякого есть весь Господь. И Сам Он цел и неразделен; всюду есть и все исполняет.

Так видите, чего сподобились вы: Господь в вас! Благодарите же Господа за милость сию, говоря в сердце своем: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» И о том подумайте, как бы не обеспокоить Господа. Как приходит какой гость большой, вы держите себя скромно, говорите чинно; вот Господь посетит вас, а кто больше Господа? Смотрите же, не сует-

титесь и не развлекайтесь, а благоговейно и со страхом себя держите, особенно ныне. И не об этом только думайте, но и о том, чтобы приятное что-либо доставить Господу. Когда гость приходит, вы стараетесь успокоить его и предлагаете ему только то, о чем знаете, что приятно ему; вот и Господу теперь предлагайте то, что Он любит. А что Он любит? Любит все доброе и благословляет его, а от всего худого отвращается и поражает его гневом. Приносите же Ему что каждый из вас придумает доброго. Один приди и скажи: «Вот, Господи, я перестану серчать и браниться, но буду тих и кроток». Другой скажи: «Я, Господи, перестану лежать и лениться, а начну усердно работать и трудиться». Третий скажи: «Я, Господи, не стану гордиться и презирать других, а буду смиряться и почитать себя хуже всех». Четвертый скажи: «Брошу, Господи, питье и гулянье, а стану жить воздержно и степенно; излишек же какой будет, стану отдавать на милостыню или на церковь». Так каждый свое добро принеси Господу и предложи Ему как дар. Когда предложите что такое Господу в сердце своем, Господь будет радоваться тому и утешаться тем. Приятно Ему будет быть у вас, и Он пребудет в вас, и благословит вас, и всякое вам благо подаст — и душевное и телесное. Видите, какое у вас в руках благо!

Смотрите же, не потеряйте его каким-нибудь неразумием и непотребным делом! И день этот чаще поминайте: что вот были вы на трапезе у Господа и Он Сам вас напитал Своим Пречистым Телом и напоил Своей Пречистой Кровью. Поминая же это, помышляйте, как это велико, как радостно, и самим делом радуйтесь, пока доживете до другого причащения. Аминь.

20 февраля 1865 г.

24. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Вот еще сподобились вы причаститься Святых Пречистых и Животворящих Христовых Таин. Говорите же от всей души и от всего сердца: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Кто причащается, тот приобщается Христу Господу. Кто же Христу Господу приобщается, тот силы и жизни Его вкушает. А кто силы и жизни Его вкушает, в том оживают все духовные силы или тот и сам начинает жить настоящей жизнью. Об этом Сам Господь говорит, что кто будет вкушать Его Плоть и Кровь, тот будет жив Его ради или будет иметь жизнь в себе; а кто не будет вкушать Его Плоть и Кровь, тот живота не будет иметь в себе (см.: Ин 6, 48–58).

Полагаю, что вам не так трудно это понять; а хоть бы и трудно было, вы так на веру примите сию истину, что кто причащается, тот живет истинною жизнью, а кто не причащается, тот не живет истинною жизнью. Примите это и заучите. А я постараюсь пояснить вам это следующим подобием.

Посмотрите на дерева. На каждом дереве есть много ветвей, больших и маленьких; всякая ветка, которая держится на дереве, жива, зелена, имеет листья, дает в свое время цвет и плод; какая же ветка отломится от дерева, та сначала завянет, потом совсем высохнет и умрет; ни цвета, ни плода уже не ожидай от нее. Отчего это ветка зелена, жива, цвет и плод дает, когда она держится на дереве? Оттого что, держась на большом дереве, в котором много соку, она пьет себе этот сок, питается им и живет. Отчего ветка засыхает и умирает, когда отломится от дерева? Оттого что, отломившись от дерева, она уже не может получать из него сока, а тот, который был в ней, то вытекает, то высыхает; без соку же нечем ей питаться и жить — вот она и умирает.

Применим теперь это к себе. Что ветки на дереве, то все мы — православные христиане; и что само дерево, то Господь и Спаситель наш. Как ветки тогда только живут и плод приносят, когда соединены с деревом, так и мы тогда только

истинно живем и истинный плод приносим, когда соединены бываем с Господом нашим Иисусом Христом. Так сказал Сам Он. Я, говорит, лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода. Кто же не пребудет во Мне, извержется вон, как ветка, и засохнет (см.: Ин 15, 5–6). Как ветка, соединенная с деревом, берет из него сок и тем живет, так и мы, когда соединены с Господом, приемлем от Него силы и жизнь и живем; а когда не соединены с Господом, не живем, хотя кажемся живущими.

Когда же и как соединяются с Господом? С Господом соединяются через причащение Пречистого Тела Его и Пречистой Крови Его. Кто причащается Тела и Крови Христовых, тот принимает в себя Самого Господа и сам бывает в Господе. *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем*, — говорит Господь (Ин 6, 56). Святое Причастие похоже на прививание у садовников. Видали вы, как прививают деревья? Берут веточку, влагают ее под кожу другому дереву и завязывают; она начинает брать соки из того дерева и срастается с ним; так и мы через Святое Причастие берем от Господа силы, как бы соки из дерева, и срастаемся с Ним, или соединяемся, и начинаем жить Его жизнью, — жизнью истинной, которая из Него. Видите теперь, как справедливо, что кто прича-

щается, тот живет подобно ветке, которая держится на дереве; а кто не причащается, тот не живет, а подобен ветке, отломившейся от дерева и засыхающей или уже засохшей.

Благодарите же Господа, причастившись Святых Христовых Таин, зная, какое великое благо вы через это получили. За нынешнее причащение благодарите и будущего причащения желайте и, помышляя о нем, говорите: когда-то придет пост, чтобы нам еще поговорить и причаститься? Ибо чем чаще кто причащается, тем ближе бывает к Господу, тем ему лучше бывает и сам он лучше становится. Работающий лучше работает, хозяин лучше хозяйничает, начальник лучше начальствует — всякому лучше бывает и всякий лучше становится от святого причащения, становится живее, добрее, умнее!

Так и с вами будет; только смотрите, сами себе не повредите чем-либо недобрым: не обижайте никого, не ссорьтесь, будьте кротки, воздержны, трудолюбивы, начальству послушны, страх Божий имейте, часто молитесь и всякому добру прилежите. Много помощи от Святого Причастия тому, кто после причащения не позволяет себе делать ничего худого, только об одном добром думает и одного доброго желает. А кто после Святого Причастия сделает недоброе, тот портит и уничтожает силу его, тот опять отделяется от

Христа Спасителя, подобно тому как от дерева отламывается ветка. Через причастие он привился ко Христу, а чрез какое-либо дело недоброе опять отпадает от Него. Такому причастие не в причастие.

Вот об этом теперь и озаботьтесь — о том, то есть чтобы, причастившись, не лишиться плода Святого Причастия. Уж оно вам несомненно будет помощно, только вы не испортите его чем-либо богопротивным. О сем теперь и молитесь Господу и Матери Божией и всем святым. И мы будем молиться о вас: да утвердит в вас Господь все дары Свои, подаваемые ради Святаго Причастия, молитвами Пресвятыя Богородицы, Ангелов Хранителей ваших и всех святых. Аминь.

1865 г.

25. В 1-ю НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Господь наш Иисус Христос сказал: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин 6, 56). Возрадуйтесь, благоговейные причастники! Сколько неложно слово Господа, столько же несомненно, что Господь в вас, по причащении

Святых Пречистых и Животворящих Его Таин. Но, братие, Господь, пришедши и вселившись в нас, не может оставаться несвидетельствованным в сем внутреннем в нас действовании, как не оставляет Он Себя несвидетельствованным во внешнем о нас промыслении, *подавая нам с неба дожди и времена плодоносные* (Деян 14, 17). Сам Он говорит: *Кто... отворит дверь сердца, Я войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр 3, 20). Итак, вечеряете ли вы с Господом и Господь с вами? Сей вопрос предлагаю вам ради того, что из вас, присутствующих здесь, может быть, нет ни одного, кто бы не причастился уже Христовых Таин. Что же, началось ли в вас то, что должно быть очевидным плодом сего преславного Таинства?

Господь, придя, приносит вечерю с Собой: приносит все духовные блага во спасение, которых Он есть единственный источник, и дает их вкушать душе. Войдите же внутрь и смотрите.

Господь Свет есть. Свет приносит Он с Собой и в душу, приявшую Его. Как когда в темную комнату вносится светильник, обильно светящий, комната та и все находящиеся в ней предметы, от большого до малого, становятся видимыми, с самим светильником и с тем, кто принес его; таким же образом свет духовный облистает душу, приявшую Господа. Это — свет ведения и

разумения всего домостроительства нашего спасения. Ясно сознаются в ней наша ничтожность и беспомощность и великое Божие к нам снисхождение, спасающее нас со всеми соприкосновенными тому истинами: о Единосущной Троице, о творении и промыслении, нашем падении, воплощении Бога Слова, Его крестной смерти и воскресении, об устройении Святой Церкви, общении небесных с земными и наследии, уготованном на небе верующим и труждающимся в жизни по вере — словом, со всей совокупностью спасительных истин. Истины эти ведомы нам и всегда как христианам; но пока мы не вступаем в жизнь по Христе, ведение это пребывает внешним. Господь же, придя, сорастворяет их не с умом только, но со всем существом духа нашего до того, что после этого не остается ни тени сомнения, ни момента забвения. Но как верно, что свет теперь окружает нас и освещает все окрест нас и мы то сознаем неотразимо, так приявший Господа умом сознательно стоит в тех истинах и неотходно пребывает в них, действуя в собственном ему кругу. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Таин, приявшем в них Господа. Но так ли это и у нас с вами, братие?

Господь есть сила всеоживляющая. Силу духовную приносит Он с Собой и в душу, Его приявшую. Больной, расслабленный, лежа в постеле

ли, едва поднимает руки, едва говорит, едва помавает очами; но получив исцеление, в чувстве силы и крепости начинает ходить и действовать не только без боли, но и с охотой, подобно расслабленному, исцеленному Спасителем, который, взяв одр, ходил скача и хваля Бога. Так и душа грешная — нравственно расслаблена, но когда принимает в себя Господа, чувствует в себе духовную крепость и силу, то есть ощущает воодушевленную ревность о всяком добре и об исполнении всякой заповеди Божией, не одолимую никакими препятствиями — ни внешними, ни внутренними, воздвигаемыми от страстей и худых привычек, и не пресекаемую ни нерадением, ни отлагательствами. И всегда мы делаем понемногу добро; но делаем, когда оно само, так сказать, попадетса под руки и в исполнении не требует пожертвований и особых усилий. Но тут возрождается сильная энергия с направлением всех помышлений, желаний и намерений на одно богоугодное, что выражается не только живостию, но некоторой неудержимостью в трудах доброделания и благочестия, не чувствующей усталости и сытости. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Таин, приявшем в них Господа. Но так ли это у нас с вами, братие?

Господь есть мир. Мир приносит Он с Собою и в душу, Его приявшую. Как на море Тивериадском

поднявшуюся бурю зельную, взволновавшую море и приведшую в смятение апостолов, Господь, укротив всеильным Своим словом, водворил велию тишину, успокоившую и обвеселившую всех, так и в душе, обычно волнуемой множеством помышлений, желаний, предприятий и движений сердечных, по пришествии в нее Господа водворяется глубокая духовная тишина, ничем не возмутимая ни совне, ни изнутри, — тишина, дающая возможность внятно слышать и легкий глас, с неба ли то или с земли. Это не неподвижность, но стройность и мерность всех действий нашего духа, во всех его видах, которые, являясь внутри, выражаются и вовне степенностью всех движений и устроением дел своих без всякого возмущения встречаемых порядков. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Таин, приявшем в них Господа. Но так ли это и у нас с вами, братие?

Господь есть огонь согревающий. Духовную теплоту приносит Он с Собой и в душу, Его приявшую. Как с холода внешнего входящий в теплую комнату чувствует теплоту, приятно охватывающую его по всему телу, так духовной теплотой, как какой одеждой, одевается душа по приятии Господа в Пречистых Тайнах. Свыше — благоволение Бога примирившегося, позади — заглаждение грехов, в будущем — уверенность в неизреченном насле-

дии, от окрест — мирное общение с невидимым и видимым; это лучи сей духовной теплоты, которые, сходясь в сердце, производят в нем горение духа, привлекающее туда все силы нашего естества, чем устрояется в нем крепкое обиталище для вмещения невместимого. Сия теплота дает сладость, рай сладости, сокровище духовное, ради которого человек готов отдать все, лишь бы не потерять его, а всегда обладать им. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Таин, приемлющем в них Господа. Но так ли это у нас с вами, братие?

Так, свет ведения, сила воодушевления на добро, мир душевный, сладостная теплота — это главные свидетели водворения Господа в сердца истинных причастников, вечера, которой напитывает Он приявшую Его душу. Слыша это, не один, может быть, из вас возмутится духом и спросит: что же, если не видит кто в себе таких свидетельств, в том нет и Господа? Не буду ложно успокоивать вас; да, нет в том Господа. И еще далее проведу это слово, что как нет в том Господа, то нет и спасения тому.

Однако ж смотрите, не тревожьте себя и ложными страхованиями. Может быть, нет в совершенстве сих благ, но они есть в начатках. Тогда все же надобно сказать, что они есть. Не вдруг воссиявает день, но едва только начинает

брезжаться, все знают, что ночь прошла и настает день. Не вдруг вырастает цвет или дерево, но едва только семя дает росток, знаем, что жизнь нового растения уже началась. Не вдруг поднимается на ноги больной, однако коль скоро найдено лекарство и восприяло силу, знаем, что выздоровление уже в действии. Так разумейте и о плодах принятия Пречистых Таин, свидетельствующих о вселении в нас Господа. Нет их в силе, но, может быть, они есть в начатках. Потерпите и пребудьте в том порядке, при котором можно ожидать явления их в совершенстве, и получите чаемое. Спросите: как же узнать, есть ли в нас хоть эти начатки? Отвечаю: если есть забота о спасении с трудами по исполнению всего, чем обуславливается спасение, ведайте, что Господь начал уже в нас Свое дело. Продолжите начатый труд с терпением, и узрите, что начавший совершит. Но если уж и сего нет, значит, нет и начатков. Нерадение и беспечность о спасении явный признак, что жизнь духа еще не начата. И надобно все сызнова переделать. Не отчаивайтесь, впрочем, и в сем случае. Затем и жизнь нам еще дается, чтобы мы пришли в чувство и раскаялись. Это и надо сделать. Время благоприятное святого поста еще есть. Воспользуемся им и позаботимся пройти курс врачевания своего в говении

уже надлежащим образом! Тогда, примирившись с Господом в Таинстве покаяния и прияв Его в Пречистых Тайнах, начнем мы труд жизни, который приведет наконец во свет и совершенство духовные блага, свидетельствующие, что Господь в нас и мы в Нем. Аминь.

19 марта 1861 г.

26. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Так, прошли мы наконец поприще своего говения. Благословил нам Господь потрудиться в приготовительных к Святым Таинствам подвигах и за сей малый труд простил нам все грехи, нами исповеданные, и в чистую и пометенную таким образом клетвь сердца нашего благоволил Сам прийти и вселиться через принятые нами Его Пречистое Тело и Пречистую Кровь. *Что же воздадим Господеву о всех, яже воздаде ми?* (Пс 115, 3).

Воздадим то, что Он теперь ожидает от нас. А Он ничего более не ожидает, кроме того, что сами обещали Ему, когда испрашивали прощение во грехах. Обещали мы не поблажать более грехолюбию своему и все употреблять усилия к неуклонному пребыванию в исполнении святых Его заповедей. И будем делать так. И если будем

в точности исполнять сие обещание, то и Господь будет исполнять в отношении к нам что обещал всем истинным причастникам Пречистых Таин: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин 6, 56).

Господь неложен в слове Своем. Как сказал, так и будет. Но наше слово не всегда бывает верно. Как ни искренни бываем мы, когда даем его, всегда остается место сомнению, будем ли исполнять его. Сначала решимость наша бывает тверда, но потом расшатываются мысли и падает наша крепость. Сколько ведь уже раз обещали и все падали снова! Вот почему надо нам уговаривать себя самих употреблять заботу и труд к тому, чтобы устоять, по крайней мере в нынешний раз. Авось, при помощи Божией, в сей раз устоим. Бывают же люди, которые устаивают и не поддаются прежним влечениям. Отчего же нам наконец не достигнуть сего блага? Господь близ. Помощь Его готова. Остается только нам со своей стороны сделать все к тому потребное.

Мне кажется, что можно очень легко в этом успеть, если будем хранить неугасимым жар ревности о богоугождении, которым теперь исполнено благодарное ко Господу наше сердце. Если б всегда в нас было это ревнование, никакой помысл худой не смутил бы нас, никакое искушение не поколебало бы нас, никакое препятствие

не положило бы преград добрым начинаниям нашим и трудам. И враги далеко бежали бы от нас, и страсти не спешили бы являться со своими требованиями.

Что такова точно сила ревности, об этом пространно пишет святой Исаак Сирианин в 60-м слове о различных способах брани¹:

«Которые, — говорит он, — мужественны, сильны, ни во что вменяют смерть, исходят на дело с великой ревностью, предают себя на всякое искушение и на смерть, пренебрегают жизнью мирской и телесной и всеми искушениями; навстречу тем не вдруг выходит диавол, и долго не показывает себя им, сдерживается, дает им место, и не встречается с ними, при первом их устремлении, и не вступает с ними в брань. Ибо знает, что всякое начало брани бывает горячее; и известно ему, что подвижник имеет великую ревность и ревностные воители нелегко побеждаются. Делает же сие диавол, не их самих устрашаясь, но боится он окружающей их, страшной для него Божественной силы. Посему пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладели они в ревности своей».

¹ Святаго отца нашего Исаака Сирина Слова духовно-подвижнические. — Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2004. С. 361–364.

Видите ли, какова сила ревности о святом и богоугодном житии? Божественная сила окружает ее и далеко отражает всякое вражеское действие. Чье сердце исполнено такой ревности, с тем Господь; а с кем Господь, в том сила на всякое добро и мужество против всякого зла. Так верно храни ревность, и исполнишь обещание свое не поблажать греху и ходить в богоугождении. Напротив, как только попустишь охладеть ревности, не избежишь падения. Ибо вот что говорит далее святой Исаак:

«Во время же лености их (то есть когда разлениятся охладевшие ревнители) враг обращает на них внимание, когда уклонятся несколько от первых горячих помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их в них же источающимися ласкательствами мудрования их, и сами от себя душам своим искапывают ров погибели от лености происходящим парением помыслов, от которых в них воцаряется холодность».

Вот вся тайна! Если сохраним ревность свою в силе, то избежим новых падений, а в добре преуспеем и укрепимся. Напротив, коль скоро ослабеет и охладет наша ревность, ослабеет внимание к себе, начнется парение помыслов, станут возникать движения страстей, появятся внутренние на них согласия, а затем недалеко и дело.

Вот и опять пали. И опять мрак, и смятение, и отпадение от Господа, и опять пагуба в рабстве греху и сатане. Почему вот что затем советует каждому из нас святой Исаак:

«А ты, человек, исходящий во след Бога, во всякое время подвига своего помни всегда первую ревность и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты и вступил в воинские ряды. Испытывай себя каждый день, чтобы горячность души твоей не охладела в ревности, воспламенившейся в тебе при начале, и чтобы не лишиться тебе орудий, в какие облечен ты в начале подвига».

Полагаю, что при сих словах в душе вашей рождается желание знать, как же бы в самом деле сохранить нам свою ревность, и коротким ответом хочу удовлетворить вашему желанию. Вот что делайте.

Каждое утро, как только откроете глаза, первым делом считайте всегда — восстановить эту ревность во всей силе. Произвести это может и одно собрание себя внутрь и умственное обращение ко Господу. Если это слабо, приложите поклоны, большие и малые, и в соразмерном количестве. Если и это не произведет полного действия, станьте и пройдите воспоминанием все, как в нынешнее говение дошли вы до решимости переменить жизнь, стараясь воспроизвести все те мысли и чувства, какие тогда были

и действовали на вас, и особенно ту мысль, которая больше всех поразила вас. При этом поставьте себя в час смерти или на Суд Божий, когда из уст Божиих готово изыти решительное о вас определение. Если искренно будете производить эту мысленную работу, искание ваше и молитва ко Господу принесут плод, восстанет ревность ваша, с которой потом благонадежно исходите на дела свои и на делания свои до вечера.

Если почему-либо, и вернее по вражескому навету, в душе явится позыв сделать себе в сем отношении какую-либо поблажку, не утруждать себя предложенной работой, то отрезвите ее страхом падения. Ибо если утром оставите ревность невозстановленной, то за делами дня совсем охладете! Не дивно, что и падете. Падете? Потеряете благодать, и Бог знает, возвратится ли она к вам и восстанете ли вы снова. *Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь, и производящая терния и волчцы негодна и близка проклятию, которого конец — сожжение* (Евр 6, 7–8). Это страшное слово *близка проклятию*, то есть что Господь бросит вас совсем и оставит вас в руках падения вашего, если еще попустите себе охладеть и пасть, пусть чаще звучит в ушах ваших. Оно будет воскрешать всякий раз чувство опасения за себя и приводить в напряжение ослабевающие силы.

Воскресив утром жар ревности вашей, поддерживайте его потом и в продолжение всего дня. А для сего храните внимание ваше нерассеянным. Стойте умом вашим в сердце пред лицом Господа и не попускайте мыслям вашим блуждать попусту в мечтательных представлениях. Блуждающие помыслы отдаляют человека от себя самого и тем самым охлаждают; а сверх того легко могут навести на предметы вашей страсти и, прежде чем опомнитесь, разбудить уснувшую страсть и, может быть, выманить и согласие на нее. А после того далеко ли до падения?

В пособие сему внутреннему настроению озабьетесь всю свою жизнь перестроить по требованиям новой жизни, причем всем своим делам и занятиям дайте свое место, свое время и свою меру. Пусть все у вас будет определено: как вам быть одним, как с домашними, как со сторонними, как устроить дела своего ремесла, звания и должности, — и все направлено к одному тому, чтобы всем угождать Господу и во всем исполнять одну святую волю Его. Все же то, что может раздражать вашу страсть и ваши прежние дурные привычки, решительно отстраните. Учреждением такого порядка вы оградите жизнь свою от всех случаев к падению и сделаете, что вся она будет протекать у вас стройно, не нарушая, а более и более укрепляя ваш внутренний строй.

Так устроясь, внутренне и внешне, вы будете непрестанно ревновать о богоугождении или от одного богоугодного дела переходить к другому. Останется только еще борьба со внезапно возникающими помыслами, желаниями, страстными движениями и внешними препонами благим начинаниям вашим. При внимании и неослабном усердии и это не поставит вас в большое затруднение и не только не ослабит вашей ревности, напротив, постоянно будет раздражать ее и тем самым возвысит и укрепит, подобно тому как война не охлаждает, а разгорячает борьба с врагами, нападающими на него.

Я не поминаю о том, что не должно никак вдаваться в пустые развлечения и всячески избегать соблазнов или близких и далеких поводов и случаев ко греху. Это отстранится само собой, когда перестроите вы все порядки своей жизни по духу новой жизни. Что же касается до частных обстоятельств и дел, могущих подвергнуть опасности доброту вашей жизни, ищите относительно их вразумления в святых книгах и в отеческом совете или братском. Положите вы законом чаще обращаться к духовному отцу, которого изберет душа ваша, и с ним пересматривайте все, что бывает в душе вашей и что встречается в жизни вашей вовне. «Спасение, — говорит Премудрый, — во многом совете». Кто умеет читать, имейте под

руками душеспасительные книги и в них ищите себе вразумления и просветления мыслей ваших в нужное смутное время. Они во многих случаях могут заменить недостаток опытного внешнего руководства.

Вот общее начертание того, как надо держать себя, чтобы сохранить свою ревность и избежать новых падений во грехи. Действуя так, вы верно исполните что обещали Господу, когда говорили: «Согрешил, не буду!» Видя же труд ваш, и Господь исполнит Свое обетование быть с вами и действовать в вас во спасение ваше, по всей широте, долготе и высоте вашей Ему преданности и готовности все обращать во славу Его. Аминь.

12 февраля 1866 г.

27. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою что хуже, — сказал Господь расслабленному по его исцелении (Ин 5, 14). Сей же утешительный и вразумительный глас и слышали мы все, когда на исповеди получили разрешение в своих грехах. Теперь всем покаявшимся и разрешенным возвращено здоровье душевное и все пришли в свой порядок

и чин. Что прочее требуется? Требуется блюстись, чтобы опять не впасть в ту же беду. Бросил грех — не возвращайся на него. Получил помилование — не подвергайся опять гневу и осуждению. Вступил на правый путь — не уклоняйся с него. Снова будет враг влечь тебя в свою область тьмы — не поддавайся. Будет он ухитряться, чтобы отуманить тебя льстивыми обещаниями — не вдавайся в обман. Знаешь, как зол грех; знаешь, как трудно одолеть его — не входи же снова в содружество с ним. Помог тебе Господь, встал ты — стой же и мужайся, и да крепится сердце твое.

Враг будет нашептывать тебе: «Падешь, опять встанешь». А ты противопоставь ему свою речь: «Встал я теперь, благодарение Богу! Но если снова паду, не могу сказать, встану ли. В руках же падения навсегда оставаться не хочу, не хочу быть рабом греха и жертвой геенского пламени». Так отражай лесть врага. И сим страхом нового падения в грехи отрезвляй душу свою и воодушевляй ее на шествие путем начатого самоисправления.

Утверди ты в себе то очень вероятное помышление, что если падешь снова, кто знает — встанешь ли? А останешься в падении — погибнешь. Враг будет сбивать уверением, что Господь милосерд. Помиловал и опять помилует. Точно, милосерд Господь; но этой милости Его к нам есть

мера. Есть мера долготерпению Божию. Прощает-прощает, а наконец, видя, что грешник все снова отдается греху, совсем оставляет его в руки падения его. Разверните книгу пророка Амоса и начинайте читать. В первой и второй главах изображаются у него суды Божии на Дамаск, Газу, Идумею, на иудеев, израильтян и другие народы. Ко всем им одинаково слово Господне. Раз, два и три согрешил Дамаск; прощал Я его. Когда же теперь и в четвертый раз он оказал свое нечестие, не отвращусь ли его? Отвращался и посылал наказание. Раз, два и три прощал Я Газу; в четвертый не отвращусь ли ее? Отвращался и посылал казнь. Раз, два и три щадил Я иудеев и израильтян; в четвертый не отвращусь ли их? Отвращался и наказывал. Так бывает и с нами. Согрешит кто и покается; простит Господь. Еще согрешит и покается; еще простит. И еще простит. И еще простит. Наконец, видя, что у нас все то же и то же, полагает такое решение: столько и столько прощал; если и еще то же начнет делать, отвращусь от него. Сей-то суд и да напишет в сердце своем всякий, опять влекомый на грех. Прощал Господь доселе; а теперь, если падешь, страшись, не отвратился бы Он от тебя вконец. Фараону сколько раз прощал Бог его упорство? Наконец бросил его и сделал распоряжение о выходе израильтян, не дожидаясь его

согласия. И хоть потом опомнился фараон и поспешно приказывал: «Подите, скажите, чтобы скорее выходили», это не помогло ему и суда о нем Божия не отвратило. Так и ко всякому может истощиться наконец Божие милосердие. И то наиболее страшно, что мы не можем сказать, когда именно ударит час сего истощания. То отвержение Божие по четвертом преступлении, что значится у пророка Амоса, и эта казнь фараону после десятикратного противления Богу не означают, что можно спокойно предаваться в узы греха с нарушением обета до двух и трех раз, а показывают только, что есть предел милости Божией; когда же он застигнет кого, неведомо. Утверди лучше в мысли твоей, что для тебя он последует тотчас после падения, которому готов ты предаться, и тем отрезвляй мысль свою и придавай мужества сердцу на сопротивление возникающим порывам. Приводи себе на память несчастье Сампсона. Однажды и дважды входила в него сила разорвать узы, которыми опутывали его филистимляне по предательству Далилы; но и в последний раз, когда острижены были волосы его, он не ожидал, чтобы не пришла к нему та же сила, а вышло иначе. Отступил от него Господь и предал его в руки врагов его. Сам же Сампсон и не думал, что уже постигло его Божие отступление; напротив, проснувшись говорил:

пойду, как и прежде, и освобожусь, то есть стряхну эти узы. А не знал, что Господь отступил от него (Суд 16, 20). Вот и народ иудейский миловал-миловал Господь, а наконец что изрек? *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф 23, 38). Но ни первосвященники, ни старцы, ни книжники и никто другой думать не думали, что уже постигло их это грозное определение.

Сего-то грозного суда бойся, когда начнет тебя снова влечь грех. Бойся, чтобы и о тебе не сказал наконец Господь: «Се, оставляется дом твой пуст». Милостив Господь ко всем грешникам и с клятвой уверяет, что «не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему». Но ты сам частыми своими падениями доведешь себя до того, что с тобой ничего нельзя будет сделать.

Восстание от падений есть то же, что починка платья, или дома, или другой какой вещи. Бывает же так, что иную вещь чинят-чинят, а наконец бросают, оттого что уж и чинить ее нельзя, не к чему рук приложить. То же может случиться и с душой. Исправляет ее Господь, исправляет, а наконец совсем бросает, оттого что своими частыми падениями она наконец так расстраивает себя, что ее и поправить нельзя. Ибо на чем основывается возможность восстания нашего? На добре, в нас остающемся, несмотря на то что

работаем мы греху. На добро нисходит благодать, оживляет его и дает ему перевес над злом. И встает человек. Но каждое новое падение все более и более сдает наше добро, после каждого падения все менее и менее остается его в нас и, следовательно, менее и менее остается места, куда низойти может благодать, чтобы восстановить нас. Что дивного, если наконец и все свое добро истратим мы в рабстве греху и потеряем, таким образом, возможность восстания. Не останется для нас никаких к тому средств.

Припомните, как опомнились вы в последний раз и встали. Пришли спасительные помышления и отрезвили. Или страх смерти и Суда, или пагубность греха, или стыд перед Господом Спасителем, или другое, что сильно подействовало на душу, поразило ее. Душа пришла в себя и при помощи Божией бросила грех, покаялась и стоит теперь в намерении не оскорблять более Бога грехопадениями. Если же снова падете вы в грех, то какими потом мыслями потрясете вы себя, когда уже все могущие потрясать перепробованы и свою потрясающую для вас силу истратили на теперешнее ваше восстание? Для следующего возбуждения вас силы в них не осталось. Со спасительными помышлениями бывает то же, что с лекарствами. Как от частого употребления лекарств в теле притупляется к ним чув-

ствительность, так и в отношении к потрясающим и возбуждающим истинам душа теряет наконец всякое чувство. Ни угрозы, ни обещания, ни смерть, ни ад, ни рай, ни яд и горечь греха — ничто не поражает и не приводит в движение души. Она делается как камень. И что же тогда с нею будет? То же, что присуждает апостол земле, пившей множицей сходявший на нее дождь и износившей одни терния и волчцы: *негодна и близка проклятию, которого конец — сожжение* (Евр 6, 8).

Приложите к этому, что частое падение в грех образует привычку грешить, которая вяжет бедную душу и тирански держит ее у себя в рабстве. Пусть даже один грех обратится в привычку, он всю душу пленяет и во всей мучительски властвует. Посмотрите, что делает паук со своей добычей? Часть за частью опутывает у нее тонкой паутиной, пока запутает ее всю; после чего она хоть и делает еще некоторые движения, но они бессильны освободить ее. Так и грех, к которому частым падением привыкает человек, силу за силой в него проникает, пока исполнит собой и душу и тело и на все отправления их наложит узы рабства себе. Хотя потом и приходит иногда человеку на мысль бросить свой грех, но душа, видя, как многоплетенно запуталась в нем, не решается поднять руки, чтобы распутаться,

и совсем предается безнадежиию одолеть грех, как пишет апостол о язычниках, что *они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью* (Еф 4, 19); и как евреи, заморенные рабством египетским, даже тогда, когда от лица Божия принес им Моисей обещание свободы, не верили, что это могло совершиться.

Итак, покаявшиеся и вступившие в добрый путь, бойтесь снова впасть в грех. Увидьте сквозь прелесть греха, покушающегося снова увлечь вас, решительную свою пагубу. Не смотрите на него легко, а как на пропасть зияющую, на ад отверстый и готовый поглотить вас безвозвратно. И опасением такой горькой участи отрезвляйте свою мысль и чувства сердца отвращайте от греха. Борьба, конечно, неизбежна. Но стоящему легче бороться, чем падшему. Встали? Стойте же и боритесь. Господь будет вам помощник. День ото дня все легче будет становиться борьба. Наконец она и совсем стихнет. Добро возьмет преобладающий верх — и потечет ваша жизнь мирно, путем богоугодного делания и приведет вас к блаженному исходу отсюда в вечные, райские обители. А если снова падете, опять пойдет смятение мыслей и чувств, опять мрак и томление, опять страхи и мучения совести, опять туга и всякое нестроение. Начнете опять маяться в рабстве греху и,

может быть, без конца; и, промучившись здесь, ввержены будете в нескончаемые муки по смерти, в грехах неоплаканых и неисправленных.

Господь, давший нам возникнуть от диавольской сети, *Сам... да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми* (1 Пет 5, 10)! И будет так, если и вы сами будете трезвиться и бодрствовать, ведая, что *противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1 Пет 5, 8). Аминь.

20 февраля 1866 г.

28. ВО 2-ю НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Вот уже для многих из вас минула неделя, как, примирившись с Господом, идете вы путем новой богоугодной жизни. Уяснилось, полагаю, для вас, что наибольшее время в занятиях ваших делом спасения проходит в борьбе. Так и должно быть. Враг, из области которого вы ушли, не теряя надежды снова захватить вас в свои руки, строит козни; и страсти, которым положили отказывать и отказываете, которые, однако ж, не замерли и даже не слишком обессилены, восстают снова в большей

или меньшей силе и требуют удовлетворения. Эти нападки с той и другой стороны приражаются и бывают чувствуемы. Почему должны быть отражаемы и давать место брани. Таков уж закон жизни о Христе Иисусе! Всякий христианин, ищущий спасения, необходимо должен пройти три степени, именно: начать покаянием и к Богу обращением, а потом через борьбу со страстями вступить в область чистоты. Покаяние есть исходный пункт, чистота — последний конец; борьба со страстями наполняет все пространство между этими двумя пределами. Вы начали уже и — теперь, по неизбежному закону, состоите в борьбе.

Мужайтесь, и да крепится ваше сердце! Вы — воины. Как воинам вам нужны оружия. Хочу указать их вам, чтобы, зная, чем сражаться, не затруднялись вы соображениями о том в час брани.

Святой апостол Павел, вооружая христиан на брань, заповедал им: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать* (Еф 6, 11). Облекитесь не в одно какое оружие, а во все, чтобы ни одна часть не была открытой и невооруженной. Как воины, идущие на войну, в руки берут меч, копьё или ружье, голову прикрывают шлемом, лицо сеткой, грудь броней, прочие части щитом — словом, против всякой части име-

ют соответственное защитительное оружие, так и в духовной брани нам как воинам всякую часть естества своего должно вооружить соответственным оружием. На всякую часть естества нашего враг делает свое нападение, ко всякой из них приражается своя страсть и свой грех. Защищающемуся надо, в противоположность нападению, всякую часть свою защитить своим оружием.

Вот, смотрите, какие у нас части, какие на них нападения и какие против них орудия. Станем перебирать состав естества нашего часть за частью и прилично вооружать.

Имеем мы тело. Жизнь тела поддерживается стройным действием разных частей его и отправлений. Удовлетворение потребностей тела есть закон естества; но подходит к ним страсть, оно теряет меру и должный образ и становится грехом.

Тело наше должно быть питаемо. Органы питания суть вкус с гортанью и желудком. Страсти, нападающие на эту часть, — это: многоядение, сладкоядение — роскошь в столе и приправах его, обжорство и пьянство. Орудие, которым надо отразить эту часть, — это *воздержание и пост*.

Тело наше чувствует. Органы чувствительности — нервы с чувствами. Страстей, нападающих

на эту часть, много. Каждое чувство имеет свой соблазн: глаз — свой, ухо — свой, вкус — свой. Общая же всем — страсть к приятному раздражению чувств, или к чувственным удовольствиям. Орудие, каким надо вооружить эту часть, у святых отцов называется *хранением чувств*, наиболее же зрения и слуха, от всех соблазнительных впечатлений, более всего посредством *уединения* и уклонения от встречи с соблазнительными вещами, лицами и местами.

Тело наше имеет движение. Органы этого отправления — это мускулы с руками и ногами. Страсти, нападающие на сию часть, — это, с одной стороны, леность и сонливость, с другой — ветренность, непоседство, страсть к играм и забавам, танцорство, актерство, драки и прочее. Орудие, каким надо защищать сию часть, — это: труд, бдение, поклоны, степенная регулярность движений.

Есть в теле язык — орган слова. Страсти, нападающие на него, — это: пустословие, празднословие, пересуды, свары, кощунны. Орудие, каким надо оградить его, есть *благоразумное молчание уст*.

Таково наше тело; таковы его страсти; и таковы орудия против них. Совокупность сих орудий у святых отцов называется *телесными подвигами*. Так-то тело надобно взять в руки и обучать

его благочестивой жизни. *Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал 5, 24).

Перейдем к душе. Тут на первом месте стоит воображение с памятью — магазин душевный с показателем его сокровищ. Страсти, смущающие сию способность, — это: мечтательность, рассеянность, или расхищение ума, фантазерство, разжигаемые чтением романов и пустыми беседами. Орудие против них есть внимание, или трезвение, и бодренность духа.

За воображением следуют рассудок с разумом, которых дело все распознавать. Враги, действующие на них неблагоприятно, — это: пытливость, сомнение, гордость, себе только доверие, упорство мнений, отсутствие убеждений. Орудия, какими надо их вооружить, — это: чтение Слова Божия и отеческих писаний, беседа с опытными в духовной жизни людьми, собственное размышление в подчинении голосу Церкви.

Наряду с рассудком стоит воля — деятельная способность желаний и предприятий. Страсти, мучающие ее, — это: многозаботливость, своекорыстие, своенравие, непокорливость, дерзость и вольность. Орудие против них есть всестороннее послушание, или покорность, подчиненная законным порядкам и уставам, — житейскому,

200 гражданскому, церковному и тому, который дается духовным отцом.

Далее в том же ряду стоит вкус — способность эстетических удовольствий. Страсти, одолевающие его, — это: модничество, щегольство, страсть к увеселениям, балам, театрам. Духовные орудия на ограждение его суть: духовное пение, иконы, более того хождение в храмы, которые представляют самое полное удовлетворение потребностей неразвращенного вкуса.

Такова душа; таковы ее страсти; таковы орудия против них. Совокупность сих орудий составляет круг душевных подвигов, посредством которых прославляем мы Бога и в душах наших (см.: 1 Кор 6, 20) и души свои спасаем (см.: Евр 10, 39) и очищаем (см.: 1 Пет 1, 22).

Наконец, выше души — дух, сила, обращенная к Богу и вещам Божественным. Враги здесь — это: неверие, богозабвение, бесстрашие, сожжение совести, нелюбовь к священному, отчаяние. Орудия против них: вера и Богу преданная любовь, оживляемые надеждой и действующие в хождении пред Богом, непрестанном обращении ума и сердца к Богу, или в непрестанной молитве.

Сокращаю указания, чтобы дать свободу утомленному вниманию вашему, заведенному в непривычную область предметов. Перечислю

только подряд все орудия духовного нашего воинствования. Они суть именно: вера, молитва, хождение в церковь и пребывание во всем церковном чине, всестороннее послушание, чтение слова Божия и святых отцов, живая беседа с опытными людьми и богомыслие, трезвенное внимание к себе, телесный труд, бдение, поклоны, уединение, хранение чувств, молчание, воздержание, пост.

Те же самые орудия, не по букве, но по духу, указывает и святой апостол Павел, когда, заповав христианам облекаться во все орудия Божии, потом перечисляет их. *Станьте, говорит, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие. Всякою молитвою и прошением молитесь на всякое время духом* (Еф 6, 14–18).

Так — и апостольское наставление, и рассмотрение частей естества нашего указывают нам как необходимое условие успеха в духовной брани все перечисленные орудия. Иначе они именуются подвигами и бывают телесные, душевные и духовные. И вот вы видите, что все богоугодные мужи и жены, искавшие

202 спасения, проходили эти подвиги неуклонно; и потому что проходили, одолевали страсти, являлись чистыми и спасались. Хочешь ли устоять в ведомой тобою брани? Начни и ты подвизаться добрыми подвигами. Каждый подвиг есть стеснение противоположной ему страсти, а все в совокупности — стеснение всех страстей, которым последние держатся, как в осаде; и отчасти замариваются недопущением к ним пищи, а наиболее прямо поражаются противодействием.

Будь постоянен, тверд и неуступчив, и скоро увидишь успех. Не смотри на тех, кто бегают подвигов, считая их делом произвола. Между таковыми не найдешь победителей. Ибо, бегая их, что они делают? Сами себя со всех сторон открывают ударам врагов. Они подобны воинам, которые без всякого оружия, раздетыми и разутыми ходят среди врагов. Враги бьют их где и чем попало, и всюду наносят им раны, и убивают. Нет. Желаящему устоять в брани без отлагательства надобно облечься в исчисленные оружия и облечься во все, ни одного не оставляя. Ибо опусти хоть одно, откроешь тем какую-нибудь часть свою ударам врагов, получишь рану, может быть нелегкую, рану на смерть. Пусть воин весь прикрыт, а голова открыта; в голову нанесет ему рану враг и убьет. Пусть ноги от-

крыты; ноги подобьет враг и возьмет его в плен, хоть он во всех прочих частях вооружен. Так и в духовной брани: опусти хоть только одно оружие, один подвиг — враги и устремятся туда, как в пролом какой в стене города, и произведут опустошение, соответственно оплошности воителя. Не сходи в церковь, нарушь пост, дай волю очам и слуху: сколько отсюда произойдет вреда? Можешь получить поражение такое, что после не оправившись; а с первого раза это кажется малостью.

Облекись во все оружия, чтобы подъять все подвиги — какая это тягота, подумает кто! Точно, тягота; но что же делать, когда без сей тяготы нельзя нам быть? Не хочешь попасть в плен врагу и быть им убит, неси оружия, необходимые для его отражения и поражения и для охранения себя. Но вот что нам в утешение: чем терпеливее и неопустительнее носит кто эти оружия, тем они становятся легче и действие ими непринужденнее, не так, как в чувственном вооружении. Здесь чем более кто действует оружием, тем более утомляется; а в духовной брани чем настойчивее и неутомимее кто действует каким оружием, тем меньше утомляется — и оружие то все более и более становится легким, а наконец бывает почти незаметно по тяжести, хотя в то же время в силе и

в живости действованиа возрастает до нечаемой степени. Возьмите хождение в церковь. Сначала, может быть, оно тяжело и не совсем приятно; потом чем более кто ходит, тем приятнее становится хождение и тем легче; а наконец пребывание в храме становится столь сладостным, что иному не хочется и выходить из него и, когда входит в него, такую чувствует в себе силу, что не боится никакого врага. Так и всякое другое духовное оружие через долгое употребление до того сродняется с нами, что от него не тягота, а легкость большая бывает ощущаема в духовном делании и ведении брани со страстями и похотьми. Тягота же пребывает, когда кто почему-либо принужден бывает не исполнить дела подвига, к которому привык и в котором всегда находил подкрепление.

Итак, не отказывайтесь, а понудьте себя проходить по силе все прописанное. Бог будет вам помощник; только начните и продолжите неопустительно. Вот теперь пост — время самое благоприятное к подобным навыкам. Кто говел, конечно, употреблял уже в дело все оружия духовные; а кто станет еще говеть, употребит. Остается только приложить малое себе насилие, начав, не отставать от них. А там, Бог даст, они так понравятся, что и навсегда расставаться с ними не захотим. Стоит только немножко при-

лепиться к подвигам, они все более и более будут обращаться в потребность нам, питать и услаждать нас. Они не противны нашей природе, а сродны с ней в ее чистом виде, что и ручается за успех их возобладать нами.

Дай, Господи, всем вам опытно ощутить их спасительность! Тогда и отвлечь вас от них не будет сил. Аминь.

1863 г.

29. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

В святом крещении мы возрождаемся для новой жизни, становимся новой тварью, созданной о Христе Иисусе на дела благая, да в них ходим, — так что рожденный сим образом от Бога греха не творит, пока он пребывает в своем чине и действует по началам нового рождения. Выступая из сего чина, падаем мы и опять творим грех. Но вот приносим покаяние, исповедуемся, причащаемся Святых Христовых Таин — и снова приемлемся в первый чин и в первые преимущества, даруемые приемлющим новое рождение во святом крещении. Следовало бы теперь ожидать, что к нам снова должно быть приложимо апостольское слово: *рожденный от Бога не делает греха* (1 Ин 3, 9).

И вот, однако ж, и в себе и в других мы видим царствующим грех, даже во дни сии освящающие, даже после святого говения и строгих наших обетов. Что же это? Обетование ли Божие стало не неложно? Или благодать Божия обессилела? Нет. *И все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь»* (2 Кор 1, 20), и в ком благодать, тот все может в укрепляющем его Господе (Флп 4, 13). Причина сему горестному явлению не вне нас, а в нас самих — в том, что мы со своей стороны не употребляем обязательных для нас усилий и не пользуемся как должно указанными нам средствами. Виновен ли врач в безуспешности лечения, когда больной не слушает его указаний и не употребляет прописываемых ему лекарств? Господь обетовал подавать силы и подает. Но с нашей стороны должно быть сопротивление греху и борьба с ним. Кто не борется с грехом, тот не одолевает его; кто не одолевает, падает и пребывает в грехе. Напротив, кто противится греху, тому всегда готова благодатная помощь, которою укрепляемый, хотя не без труда, но всегда может уклониться от зла и сотворить благо.

Итак, главное дело с нашей стороны есть борьба со грехом. Борись, не поддавайся — и одолеешь. И не будет греха в тебе. Если и другие так же станут действовать, то и в них его

не будет. И будет повсюду светлое царство святости и правды.

Борющемся надо иметь оружия и уметь употреблять их или знать, как воевать. В другой раз я изображал вам всеоружие христианское и выяснял необходимость облечься в него. Припомните сии оружия. Это пост, уединение, бдение, хранение чувств, поклоны, хождение в церковь, чтение Слова Божия и отеческих писаний, всестороннее послушание, трезвенное внимание к себе, молитва, вера. Вы видели, как они вытекают из природы нашей и из свойства самой брани. И стало, можете быть уверены, что все они существенно необходимы в деле нашего воинствования противу греха.

Но положим, что кто-либо вооружился всеми ими; все ли он сделал? Нет. Надо еще действовать ими, и действовать не как попало, а целесообразно. Не берусь вам изобразить все, как ведется духовная брань. Это предмет очень обширный. Укажу только самые главные приемы, которых, однако ж, достаточно, чтобы обеспечить за вами успех борения.

Первое. Не задумывайте вы поднимать войну против всего полчища страстей, а вооружайтесь всякий раз против той страсти, которая воюет на вас. Воюет гордость, боритесь с гордостью; воюет гнев, боритесь с гневом; одолевает зависть,

208 боритесь с завистью. Какой враг пред лицом, того и борите, на того и устремляйте все свои воинские силы и все внимание. То вражеская уловка, что он отвлекает силы наши в другую сторону, а не на то, где опасность.

Второе. Поспешите отделить себя от врага и противопоставить себя ему, а его себе. В духовной брани не то, что в чувственной. В чувственной враг идет прямо в лицо и виден. А в духовной брани и враг и мы — в той же душе и в том же сердце; и вся беда у нас большей частью оттого, что мы не умеем различить врага от себя и разъединиться с ним. Думаем, что страстное движение, нас тревожащее, это мы, наша природа, естественное требование, которому удовлетворить должно, тогда как она — не мы, не потребность природы, а враг наш, пришлый отынуду. Это заблуждение есть источник всех наших грехопадений и неправых дел. Если б успевали мы на первых порах отделять страсть от себя как нечто пришлое вражеское, то не склонялись бы удовлетворять ей, а воодушевлялись ненавистью и противлением.

Третье. Отделив беспокоящую нас страсть от себя и осознав ее врагом, начинайте воевать против нее, бороть ее, перебирая одно оружие за другим, пока не убежит и не скроется от нас или пока не успокоится душа. Поститесь, молитесь,

читайте, размышляйте, с духовным отцом говорите, в церковь ходите, дома поклоны кладите. Словом, все употребите, что полагаете пригодным, чтобы одолеть врага. Иногда страсть скоро скрывается, иногда долго борет. Наше дело не ослабевать, а мужественно терпеть в подвиге воевательных подвигов, пока и следа вражеского не останется на земле души нашей.

Четвертое. Враг прогнан, страсть погашена, душа успокоилась. Никогда не думайте, что вы поразили эту страсть насмерть. Нет. Она только устранилась на время, не имея возможности противостоять напору сил ваших. Но как только случай, тотчас опять восстанет и начнет бороться. Вы одолели страсть только в одном случае; но таких случаев она найдет тысячи и снова начнет бороться и вызывать на брань. Притом одна страсть устранилась, другая выступит; и арена наша никогда не бывает пуста и праздна. Это значит, что христианину никогда не должно слагать с себя своего всеоружия, а быть в нем и день и ночь. Он есть воин несменный, который всегда должен быть готов на брань. *Здесь терпение* (Откр 13, 10). *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк 21, 19). *Ибо только претерпевший до конца спасется* (Мк 13, 13).

Вот и вся программа брани! Сознав врагом свою страсть, сейчас тебя борющую, поражай ее

оружиями своими, употребляя одно за другим, пока прогонишь. Прогнал? Стой и смотри, ожидая нападения той же или другой страсти. И когда нападает, сделай с ней то же, что делал с первой. Так всякий день, всякий час и всякую минуту.

Спросите: когда же конец? На деле уже всякий сам увидит, когда настанет конец брани именно для него. Когда кончится брань, тогда ей и конец будет; наперед же это определить никто не может. Наперед можно сказать только то, что, чем кто бодреннее будет бороться, не поддаваясь ни одному страстному влечению, тем скорее начнут ослабевать страсти и по мере того, как будет длиться эта неуступчивая брань, мир и тишина начнут водворяться в душе. Есть же надежда, что душа придет наконец в такое мирное устройство, в котором, как в полночной тишине, царствовать будет глубокое молчание — знак, что враги далеко прогнаны или все положены на месте. Тогда душа внутренно будет праздновать непрестающую субботу, вопия: *Пройдохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс 65, 12).

Милостивый Господь, Началовождь наш, да поможет всем вам, труженики в брани, достигнуть сего великого блага! Аминь.

1863 г.

30. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Господь наш Иисус Христос сказал: *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк 8, 35). Слова эти надо глубоко напечатлеть в сердце своем тем, кто, поговев, покаявшись и причастившись Святых Таин, вступили теперь в борьбу с собой, со своими страстями, с живущим в них грехом. Ведайте, борцы Христовы, что когда самих себя вы поражаете, самим себе труд, болезнь и скорбь причиняете, не наветование какое против себя являете, а спасение свое устраиваете; не теряете, а приобретаете; не иждиваетесь, а полнеете, растете.

Чтобы это было вам яснее и мужество ваше в борьбе с собой неослабнее, поясню вам, каким образом бывает, что когда мы губим себя — не губим, а спасаем.

Понятно это станет вам, когда хорошо вообразите, что произошло с нами в падении. Там положилось основание такому загадочному образу нашего действия в отношении к нам самим. Святой Макарий Египетский в своих беседах часто обращается к этому предмету и разными сравнениями старается приблизить его к нашему понятию. Он говорит, что в первобытном состоянии

человек был чист, совершенен и украшен всеми добродетелями: страхом Божиим, верой, кротостью, смирением, милосердием, воздержанием, чистотой, нестяжательностью, братолюбием — словом, всеми совершенствами, в каких сиял в нем образ и подобие Божие. Но когда внял он внушению лукавого и преступил заповедь, тогда вошел в него другой человек, во всем противоположный первому, который, сорастворившись с ним, закрыл его, стеснил и заглушил собой, как бы член наложился на член, голова против головы, грудь против груди, руки против рук и прочее, всякий член против соответствующего члена, так что того первого человека не стало видно, а виднелся один почти сей пришлый человек, во всем, как сказано, противоположный первому: страстный, нечистый, гордый, богоборный, злобный, любостяжательный, завистливый, невоздержный, похотливый, братоненавистный, исполненный всякой нечистотой и неправдой.

Так одвоился человек. Собственно, человек есть естество человеческое, как оно вышло из рук Творца; а это пришлое, нечистое и страстное не есть человек, а только призрак являет человека и не живет, а только являет призрак жизни, на деле же мертво есть, или, лучше, мертвяще в отношении к истинному человеку. Кажется нам самим, нашему лицу, надлежало

бы стоять на стороне правого, первобытного человека. Но не знать, что такое сделалось с нами, что мы отшатнулись от него и стали на сторону человека пришлого, страстного, до того, что его только и считаем собой. Отчего и бывает, что какой бы страстью ни был одолеваем человек, он стоит за нее, как за себя. Ему и на мысль не приходит, что он тут действует не за себя, а за чужого кого-то против себя. Когда, например, в гневе кто бывает и по внушению гнева идет против кого, то чувствует, что стоит за себя, себя хочет защитить. Тогда как ни гнев, ни другая какая страсть — не мы и не принадлежит к природе человека. Это все пришлое, чуждое, враждебное нам, губящее нас.

Вот сего-то страстного человека, чуждого нам и пришлого, которого, однако ж, по обольщению мы стали считать собой, своей душой, и заповедует Господь погубить и умертвить, если кто захочет душу свою спасти — ту душу, которая стеснена, закрыта и заглушена этим пришлым человеком, или пришлою страстной душой. И действительно так бывает. Так и с нами будет. Ибо если станем мы делом поступать так, то есть станем губить свою душу, то следствием сего будет то, что истинный в нас человек освободится из-под гнета человека пришлого и заживет свойственной ему богоподобной жизнью;

а человек пришлый, призрачно живущий, потребится в нас, и во всем существе нашем воцарится таким образом истинная жизнь, исходящая, как видите, из самоумерщвления и самопогубления.

Полагаю, вам стало очевидно, что значит губить душу свою, чтобы спасти ее, и почему это спасение иначе и устроиться не может, как погублением себя. Но вместе с этим очевидно да будет вам и то, что в деле духовной брани главный и начальный наш прием должен состоять в том, чтобы раздвоиться со страстным, пришлым в нас человеком, оттолкнуть его от себя, сознать его не только не собой, но и врагом нашим, губящим нас. Как в обыкновенных делах наших никак не станем мы действовать против кого-либо, пока не раздружимся с ним и не сознаем его в отношении к нам враждебности, так и в духовной жизни нашей, пока не раздружимся мы со страстями и не сознаем их враждебности нам, не станем действовать против них. А не станем действовать против них, и не умертвим их. Если же мы не умертвим их, то они будут мертвить нас. Итак, необходимо надо нам раздвоиться. Себя поставить на одну сторону, а страстного человека оттолкнуть на другую. Поставить его против себя и начать с ним брань и войну, чтобы, отсекая в нем член за членом, наконец и совсем

убить его и выбросить из себя вон, оставшись чистыми и совершенными, как хочет Господь и как Он создал нас.

Напомню вам, что раздвоение должно было уже совершиться в вас, именно силой и действием покаяния. Ибо что есть покаяние? Начинает человек гнушаться всем нечистым, страстным и греховным и, желая избавиться и очиститься от того, полагает твердое намерение посвятить жизнь свою Господу и исполнению святых Его заповедей, ни в чем не поблажая страстям и не поддаваясь более их влечениям. Вот что есть покаяние! Оно есть тот внутренний поворот, которым раздвояется человек внутри себя сознанием и свободой, переходя от страстей на сторону святости — правды.

Такое раздвоение в вас уже произошло. Смотрите, опять не сдружитесь. Ибо коль скоро сдружитесь, прекратится брань. А брань теперь главное ваше дело; в ней жизнь ваша. Вот и надо вам постоянно поновлять и оживлять первоначальное раздвоение ваше со страстями, подогревать в вас враждование с ними. Страстный человек хоть и оттолкнут уже, но он все еще жив и будет тянуть вас к себе и лестью и угрозой. Ваше же дело стоять на своем посту, не входя с ним ни в какие сделки и соглашения и всегда располагая себя противоположно тому, как он внушает. Он

будет, например, влечь вас к похоти, а вы напрягайте себя на чистоту; он будет возжигать гнев, а вы располагайте себя к кротости; он будет внушать гордость и тщеславие, а вы учите себя смирению. Так и во всем. Противьтесь злу и понуждайте себя на добро. И это есть как главное дело ваше в брани, так и главное условие вашего успеха в ней и вашего внутреннего умиротворения. Такого рода трудом над собою вы сделаете то, что человек страстный будет все более и более слабеть, не только не получая себе пищи и удовлетворения, но и постоянно будучи поражаем; а человек духовный будет все более и более крепнуть, пока наконец тот совсем не замрет и не останется один этот последний.

Это только и хотел я вам ныне пояснить, чтобы когда враг начнет к вам простирать сладкие речи: «Зачем себя мучите и, себе во всем отказывая, губите себя?» — вы, воодушеваясь мужеством, ответили бы ему: «Не себя мучим, а тебя, не себя губим, а тебя в голову поражаем, льстивого врага и губителя нашего» — и продолжали бы безжалостное к себе борение страстей своих, ни в чем не поблажая и отдыха им не давая от непрерывных им противлений и их поражений.

Приложу в заключение мое искреннее вам благожелание, да умертвятся уды ваша, яже на земли: блуд, нечистота, страсть, похоть злая и

лихоимание; да отложены также будут вами *гнев, ярость, злоба, злоречие, сквернословие уст ваших* (Кол 3, 4–8). Так вы совлечетесь ветхого человека с его делами и облечетесь в нового (см.: Кол 3, 9). И о вас можно будет сказать словом апостола: *вы умерли*, — но так, что *перешли из смерти в жизнь* (1 Ин 3, 14), и *жизнь ваша сокрыта* со Христом в Боге (Кол 3, 3).

Буди вам сие, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, смертью Своей нас оживившего и в нашем самоумерщвлении живот Свой в нас возрождающего и утверждающего! Аминь.

1863 г.

31. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Работающие страстям лелеют страсти, как дорогие детища; но и к тем, кто вступил уже в борьбу с ними, враг часто подступает с лстивой речью пожалеть себя и не бороться их с такой безжалостностью и непощадением. Если б познали страстные, какими мучителями бывают страсти, — тотчас отвергли б их от себя, как исчадия адские. Но и вы, борцы страстей, не ослабевайте и лстивым речам их не внимайте, ведая, что они хотят отверзть ад под ногами

вашими и низринуть вас туда. Ибо послушайте, что говорит о них святой апостол Павел. *Когда же явится Христос, говорит, жизнь ваша... умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления... отложите также гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших* (Кол 3, 4–8). Это короткое наставление можно выразить так: придет Господь судить живых и мертвых и осудит на вечное мучение всех, чьи сердца окажутся исполненными страстей. Воспримите же отныне усердие и труд очистить себя от этих страстей.

Вонмите же сему внушению и не ослабевайте в борьбе вашей со страстями. Страстных ад ожидает; за поблажку страстям они будут преданы вечному мучению. Я же хочу прибавить к сему, что страсти сами есть ад и страстный уже предвкушает адские мучения.

Есть люди, которые не верят, что будет огонь, червь, скрежет зубов и прочие телесные мучения, во аде ожидающие грешников. Нечестиво так думать, и люди сии находятся в заблуждении, опасном и пагубном. Но пусть так, скажем им. Пусть по-вашему! При всем том, однако ж, вы не можете отвергать, что по разлучении с те-

лом душа останется живой, чувствующей и себя сознающей — и что страсти, которым она работала здесь, в ней пребудут и перейдут с ней в ту жизнь. Если так, то этого одного будет достаточно, чтобы составить самый мучительный ад. Страсти, которыми жила здесь душа, не находя себе удовлетворения там, будут жечь и точить ее, как огонь и червь: будут терзать ее непрерывными, самыми томительными мучениями.

Страсти — это не какое-либо легкое помышление или желание, которые являются и исчезают, не оставляя следа. Нет, это внутренние и крепкие позывы порочного сердца. Глубоко входят они в естество души и долгим властвованием над ней сорастворяются с ней и сочленяются, так что их не выбросишь и не стряхнешь так легко, как легко выбрасывается сор или сметается пыль. Но как они не естественны душе, а входят в нее вследствие нашего грехолюбия, то по причине этой неестественности и будут томить и мучить душу. Это все то же, как кто примет яд: он жжет и терзает тело, потому что противен его устройству. Или то же, как если б змею кто посадил в себя и она, оставаясь живой, грызла бы его внутренности. Так и страсти, принятые внутрь души, как змеи и яд будут грызть и терзать ее; и она хотела бы тогда выбросить их из себя, но не сможет; ибо сроднила и срастила их

220 с собой, а спасительных средств исцеления, ко-
торые предлагаются здесь Святой Церковью
в покаянии и исповеди, тогда иметь не будет.
И будет, таким образом, вовеки терзаема ими
непрерывно и нестерпимо, нося внутри себя
самой адский огонь, вечно палящий и неугаса-
ющий.

Употребим другое сравнение. Слыхали вы про
пытки. Накормят, например, иного соленым и
запрут, не давая ему пить. Говорят, что он испы-
тывает такое мучительное жжение, что жизни
бывает не рад. Но кто же жжет его и мучит? Со-
вне никто. Он в себе самом носит мучительное
жжение. Нечем удовлетворить ему жажды; жаж-
да и мучит его. Так и страсти — это внутренние
жгучие жаждания, разжженные вожделения
грехолюбивой души. Здесь, на земле, удовле-
творишь их, они молчат на время. Но потом
опять с силой требуют удовлетворения и бес-
покоят, пока снова не будут насыщены. На том
же свете нечем будет удовлетворить их, ибо все
предметы их суть предметы земные. Предметы
сии остаются здесь; страсти же в душе и с ду-
шой перейдут туда и будут жаждать удовле-
творения; жаждать и томить душу сей жаждой,
потому что ей нечем будет их удовлетворить.
И чем далее будет жить душа, тем более будет
томиться и терзаться неудовлетворенными стра-

стями. Эта степень муки не прекращаясь все будет расти и расти, и конца не будет сему возрастанию и усилению. Вот и ад! Зависть — червь; гнев и ярость — огонь; ненависть — скрежет зубов; похоть — тьма крошечная!

Сей ад от страстей начинается еще здесь, ибо кто из страстных наслаждается покоем? Только здесь они не всю свою мучительность обнаруживают над душой. Здесь тело и общежитие отводят и умеряют их удары. Там этого не будет, и они всей своей ядовитостью нападут на душу. Приведу вам на сей предмет слова преподобного аввы Дорофея.

«Находясь в теле сем, душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: человек ест, пьет, спит, беседует, ходит с любезными друзьями своими. Когда же выйдет из тела, душа его остается одна со страстями своими и потому всегда мучится ими; исполненная ими, она опалается их мятежом и терзается ими. Как страждущий горячкой страдает от внутреннего огня, так и страстная душа всегда мучиться будет, несчастная, своим злым навыком, имея всегда горькое воспоминание и томительное воздействие от страстей, которые беспрестанно жгут и опалают ее. Когда же это так, то поистине нам предстоит тягчайший конец, если не будем внимательны к себе. Потому я и говорю вам всегда:

222 старайтесь возделывать добрые в себе расположения, чтобы найти их там, ибо что человек имеет здесь, то исходит с ним отсюда и то же будет он иметь и там».

То же самое приложу и я к моей беседе. По-заботимся, пока живы, очистить себя от всякой скверны страстей и на место их насадить всякие добродетели. Конечно, это требует труда, и труда немало. Как же и быть иначе? Без труда ничего не сделаешь. Кто запустил свое поле и дал ему зарости всякою дурной травой, а потом решается очистить его, тот, конечно, исторгая терния и колючие негодные травы, ранит и порезывает себе руки. Но считает ли он это чем-либо? Ничем. Он и не замечает почти этого труда в ожидании, что он наконец будет иметь плодоносное поле или сад с цветами и плодовыми деревьями, которые будут доставлять ему всякое удовольствие. Так и душу, заросшую тернием страстей, нельзя очистить без болезненных трудов и борений. Но зато когда, очистив ее от них, насадим добрые семена, она расцветает всякими добродетелями и всякого рода духовными красотами, которые привлекают взоры и небесных и земных. Тогда в душе будет рай духовный и Сам Господь, как некогда в раю земном, будет ходить в ней, исполняя ее неизреченными утешениями, как Сам обетовал

через пророка, говоря: *Очиститесь... и вселюсь в них и буду ходить [в них], и буду их Богом* (2 Кор 6, 16).

Сие-то обетование имея в памяти, не ослабевайте в мужестве, вступившие в борьбу со страстями и похотьми. Разжигайте ревность свою чаянием того светлого состояния, которое будет достоянием вашим по преодолении страстей, — как борцы на позорищах разгораются к усилиям препобедить соперников дарами, какие обещают им за преодоление. Помогите вам Господи в сем спасительном деле! Аминь.

1863 г.

32. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Ая не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира (Гал 6, 14), — говорит святой апостол Павел. Хочу протолковать вам, что такое разумеет апостол, когда говорит: *...которым для меня мир распят, и я для мира*. Ибо вам, которые после исповеди и Святого Причастия вступили на тот путь, на котором распинается плоть со страстями и похотьми, необходимо иметь в сем запутанном деле руководительные указания,

224 чтобы действовать прямым и верным образом. А одно из первых указаний содержится в приведенных словах апостола, и вы будете его иметь, когда уразумеете, что такое есть распятие мира нам и нас миру.

В руководство к истолкованию возьмем мысли святого отца нашего аввы Дорофея из первого его поучения об отречении от мира¹. Он истолковал место сие для монахов, но так, что толкование его можно применить и не к монахам. Он говорит, что когда человек отрекается от мира, оставляет дом, родителей, родных, имение свое, свое село или город, уходит в монастырь и делается иноком, тогда он может сказать: *для меня мир распят*. Мира для меня нет, он далеко остался за стенами монастыря. Я оставил его, и он не видит меня на улицах, ни на торжищах, ни на беседах своих и ни в каких делах своих. Мне мир распялся, умер, как бы нет его.

Но говоря так, инок, укрывшийся в стенах монастыря от мира и видимых его прелестей, может сам в себе, в своем сердце, жить для мира, сохранять мирские пристрастия и, сидя в келье, думать о мире и красоте его и услаждаться мысленно его утехами. В таком случае он не может сказать, что

¹ См.: Преподобный авва Дорофей // Добротолюбие. Т. II. — Изд-во Сретенского монастыря, 2004. С. 586.

и он распялся миру. Ибо хотя оставил мир телом, но сердцем живет в мире и во всех его утехах. Когда же он, при помощи Божией, зная силу иноческих обетов, не внешне только оставляет мир, разделяясь с ним пустыней или оградой обители, но и внутренно, в сердце своем погашает всякое к нему пристрастие, всякое им соуслаждение и даже помышление о нем, тогда может он сказать, что не только мир ему распялся, но и он миру, то есть что и он уже не живет миру; в сердце его есть другие помышления, другие чувства и расположения; другому миру, лучшему и совершеннейшему, живет он, а этому распялся.

Думаю, что это толкование понятно для вас; но вместе предполагаю, что вы тотчас готовы отклонить от себя всякое обязательство, налагаемое на вас истолкованными словами апостола, говоря: «Так это к монахам идет, чтобы иметь мир распятым себе и себя распятым миру, а не к нам, мирянам». Нет, не так, братие! Апостол это в лице своем всем христианам дал закон и всех обязал так устроиться в себе, чтобы всякий мог сказать: *для меня мир распят, и я для мира*. Вот посмотрите, как это может и должно совершиться в вас.

Возьмите вы во внимание, что словом *мир* означает, собственно, не сожитительство человеческое и не дела житейские, а все греховное,

страстное, богопротивное. Мир — то, в чем качества похоть плоти, похоть очес и гордость житейская, или где царствует всякий грех. В этом смысле слова: *для меня мир распят, и я для мира* будут значить то же, что для меня всякий грех распялся и я распялся для всякого греха. Как же это и когда бывает?

Заметьте наперед, что в каждом грехе есть две стороны: одну составляют греховные дела, а другую — греховная страсть. Страсть служит источником и причиной греховных дел, а дела суть произведение и выражение страсти. Так, например, гневливость, или сердитость, есть страсть греховная, в сердце живущая; а дела, в которых она выражается, — это: вспышки гнева, брань, свары, споры, драки, убийства. Страсть одна, а сколько у нее дел? И все они от нее одной происходят. Также сластолюбие, или чувственность, есть греховная страсть к чувственным удовольствиям; а дела ее суть: многоядение, сладкоядение, многопитие, сладкопитие, гуляние в трактирах, на гульбищах, в непотребных домах, в театрах, на балах, вечеринках. То же надобно разуметь и о всякой страсти. Всякая страсть, одна в сердце, вовне телом выражается многими делами.

После этого нетрудно вам понять, как бывает, что грех, или мир, распинается нам и как бывает, что мы распинаемся греху, или миру.

Когда кто оставляет дела греховные, или страстные, тогда распинается ему грех, или мир; а когда кто и самую страсть греховную в себе погашает и искореняет, тогда и он распинается греху, или миру. Так, например, когда кто оставляет гульбища, театры, трактиры, вечеринки и прочее, так что никто никогда не видит его ни в каких непотребных делах и местах, а всегда все видят его в поведении исправным и степенным, тогда, значит, грех, или мир, этой своей частью умер для него, или распялся ему. Но при сем нельзя еще наверно сказать, чтобы и сам он распялся греху, или миру. Ибо хотя нет его в тех местах и делах телом, но он может быть там сердцем и умом. Нет его в театре телом, но он может думать о нем и с соуслаждением говорить: как бы хорошо побыть там. Нет его в трактире и на гуляниях телом, но он может быть там умом и сердцем, может думать и желать, как бы попасть туда, жалея, что его нет там. Во всех этих и подобных случаях хотя грех, или мир, распялся ему, но он сам еще не распялся греху, или миру, еще любит его, еще желает его и услаждается им. Одолел он себя настолько, чтобы удаляться от греховных дел; а сердца своего еще не переломил, еще не научил его не любить греховных дел, отворотиться от них и возненавидеть их. Перед Богом он еще грехолюбец, или миролюбец.

Ибо Бог смотрит не на одни дела, а более на сердце. Почему должно нам не только отстать от дел страстных и греховных, но преодолеть и погасить самые страсти так, чтобы не услаждаться — никакими страстными предметами и делами, а иметь к ним отвращение и гнушаться ими. Вот когда уже кто достигнет до этого состояния, когда кто не только не будет делать греховных дел, но погасит в себе и самое пристрастие к ним, тогда он может сказать о себе, что и он распялся миру.

Итак, поставьте вы на одну сторону все греховные и страстные дела, а на другую — греховные страсти и так помышляйте: когда оставите вы все страстные дела, тогда будет значить, что мир для вас распят; а когда вы сами страсти погасите, тогда будет значить, что и вы распялись для мира.

Вот в каком разуме и к вам, мирянам, приложим закон, чтобы иметь мир распятым для себя и себя распятым для мира. Первое выражается тем, что человек порочный оставляет жизнь распутную, дурную, зазорную и начинает жить степенно, исправив свое поведение. А второе выражается тем, что не только исправного кто бывает поведения, но и чувства сердца своего держит исправными, чистыми и Богу приятными. Первое легче, а второе труднее. Почему

не у всякого, исправного по внешнему поведению, исправно бывает и сердце.

Это и было причиной того, что апостол не остановился на одном распятии мира, или греха, — нам, но прибавил и распятие нас — миру. Мало, как бы так говорит, мало, что твое поведение исправно. Ты в сердце свое войди, пересмотри там свои чувства и расположения и их все сделай святыми и Богу угодными. Исполняет эту апостольскую заповедь тот, кто, войдя в себя, возносится умом своим к Богу и, созерцать Его в себе напрягаясь непрестанно, помышлением о Нем испытывает правоту всякого своего помышления и чувства и прогоняет все неправое как богопротивное; кто, водворив в себе страх Божий, строго внимает себе и без жалости пресекает всякое нечистое расположение, сопутствующее ли делам или предшествующее и последующее им, — и таким образом всякое дело очищает и чистым представляет Богу как жертву непорочную и всесожжение тучное.

Что же вы изберете? Надобно избрать то и другое. Кто в страстные дела запутался, брось их и исправь поведение свое. Кто исправил поведение, не останавливайся на одном этом, а войди внутрь себя и исправь само сердце твое, погасив в нем страсти, которые и исправное для людей поведение делают неисправным пред

230 лицом Бога, Который видит сердце и по нему оправдывает или осуждает человека. Тогда и из вас всякий с апостолом может сказать: *для меня мир распят, и я для мира.* Аминь.

1863 г.

33. В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ

Посреди святой Четыредесятницы Святая Церковь предлагает нашему чествованию и поклонению Святый Крест Господень. В этом видна ее о нас материнская попечительность... Тем она хочет ослабевающих в подвигах поста и самоисправления подкрепить, ревностных воодушевить на большие подвиги и всем внушить мысль и намерение до конца жизни неотступно и непоколебимо шествовать вслед Господу под крестом, который каждым взят на себя в час решимости угождать Господу.

Припомните, что было у вас на душе, когда вы принесли раскаяние во грехах и, отвратившись от страстей и страстных дел, сказали Господу чрез духовного отца своего: «Не буду»? Если это было сказано искренно, то верно вы чувствовали тогда полную готовность до крови стать в подвиге про-

тив врагов Господа и ваших, вступить в борьбу со страстями и похотьми без всякого саможаления и снисхождения к себе, с принесением в жертву всего дорогого, но грешного, — со всецелым самоотвержением. Нет сомнения, что вслед за исповедью, сподобившись Святого Причастия, вы, отходя от чаши Господней, тотчас и вступили в эту брань, или в этот труд мысленной и сердечной верности Господу, которой искушения начали представляться вам на каждом шагу, по обычному порядку дел наших. Брань эта, вы знаете теперь, нелегка, а главное, как живая, слишком чувствительна. Вы должны были отказывать себе в том, что глубоко залегло в сердце, и, чтобы успеть в этом, держать в напряжении и душу и тело. Один день, другой — так провести можно почти без труда, а в неделю утомишься, в две — еще более. Когда подумаем, что так надо прожить и до конца поста и всей жизни, невольно начнут как бы опускаться руки и подламываться ноги, то есть чувство тяготы подвига начнет подавлять и колебать первую решимость или, по крайней мере, позывать на льготы и послабление. Как то и другое пагубно, ибо означает бегство с поля битвы, обращение вспять, то, предвидя такое положение наше, Святая Мать наша Церковь спешит нам на помощь оживить нашу ревность живейшим напечатлением во внимании нашем лика

распеншегося Господа. Предлагая поклонению нашему Крест Господень, этим говорит она каждому из нас: «Смотри на Господа, висящего на кресте. Видишь, что, взойдя на крест, Он уже не сходил с него до тех пор, пока предал дух Свой Богу и Отцу. Вот и ты, вступив в подвиг борения со страстями в видах угождения Господу, начинаешь чувствовать, что ты будто распят на кресте. Так это и есть. Смотри же, пребывай на сем кресте спокойно, не рвись и не мечись и особенно отвергай всякое помышление сойти с него, до тех самых пор, пока не придет минута и тебе сказать: «Отче, в руце Твои предаю дух мой!»»

Смысл слова такой: не ослабляй своей решимости, не допускай поблажек себе, не изменяй начатых подвигов, иди твердо болезненным путем самоотвержения. Он приведет тебя к блаженному почитию в лоне Отца Небесного.

Прост и ясен урок сей. И как для многих он, может быть, есть урок самый благовременный! Помолимся, да дарует Господь и всем нам пребыть навсегда в таком настроении. Решившись угождать Господу, не отступим от сей решимости; вступив в подвиг, не будем изменять его. А когда немощь начнет брать свое и колебать дух наш, поспешим всякий раз обставлять его возбуждающими помышлениями. Будем говорить

ему так: «Иначе нельзя; или погибать, или быть на кресте самораспинания, пока есть в нас дыхание жизни. И Господь был на кресте, и все святыя шествовали крестным путем. *Имея вокруг себя такое облако свидетелей... и взирая на начальника веры и совершителя веры Иисуса... с терпением будем проходить подлежащее нам поприще* (Евр 12, 1–2). Точно, трудно и болезненно! Но разве без обетований труд сей? О! *Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас!* Далеко это! Но потерпим немного в постоянстве самоумерщвления и еще здесь начнем предвкушать блаженство, ожидающее нас в будущем. Много ли мы потрудились? И посмотреть не на что, а хотим уже пожинать приятные плоды. Воодушевимся! Получаем удар и наносим удар. Но тем самым, что наносим удар, сами крепнем, а врага истощаем; и чем больше будем давать этих противоударений, тем будем становиться мы крепче, а враг слабее. Потом из вражеского полчища один за другим начнут выбывать борющиеся нас; отстанут наконец и самые злые и неотвязчивые и разве издали, косвенно как, будут приражаться к нам. Вот и мир, а за миром и радость о Духе Святе. И это скоро может прийти. Только положим в закон не поддаваться и не делать поблажек». Но вот тут-то, братие, вся наша беда

и есть! Враг-то нам первый кто есть? Саможаление — враг самый льстивый и самый опасный. Послабь, говорит, немножко, утомился! Видите, за нас стоит. А послушай его и послабь себе в чем? Одно послабление поведет к другому, другое к третьему и так далее, а потом все и расслабнет, и все строгости отойдут, и все порядки жизни благочестной придут в забвение. Современно же с этим мысли рассеются и похоти раздражатся, а ревность духа охладает. В этом нестроении придет любимая страсть — выманит сначала внимание, потом сочувствие, а там согласие. После же сего только случай, — и грех готов. Вот и опять падение, опять омрачение ума, опять томление совести, опять нестроение, и внутреннее и внешнее. Дальше падение за падением; и опять все пойдет по-старому, как будто и не начато дело самоисправления.

И что я говорю: по-старому? Хуже будет. Ибо как после молнии та же темнота ночи бывает темнее, так после восстаний от греха новые повторительные падения приводят бедную душу в большее и большее расстройство. Об этом в предостережение наше Господь Сам предъявлял, говоря: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, на-*

*ходит [его] незанятым, выметенным и убран-
ным; тогда идет и берет с собою семь других
духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и
бывает для человека того последнее хуже пер-
вого* (Мф 12, 43–45).

Хуже первого! И по закону правды Божией следует так быть. Давно ли каялся и падал? Господь принял раскаяние и все простил, опять возвратил Свое благоволение прежнее и Самого Себя дал в общение в святом причащении. Человек же — что за все это? Подержал себя немного степенно и бросил и опять предался греху. Как можно этому поблажать? Вот и слушай строгий приговор суда: *отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь... Страшно впасть в руки Бога живаго* (Евр 10, 28–31). В другом месте святой апостол устрашение это усиливает и оправдывает тем, что падающих вновь, по принятии благодати, ставит в один ряд с распинателями Господа, именуя их втрое распинающими Его, и еще страшнейшее произносит о них суждение,

говоря, что таковых, падающих по вкушении Дара Небесного, невозможно паки обновлять в покаяние, — конечно, выражая тем не оскудение милосердия Божия, а окончательное ослабление самих падающих. Ибо от повторительных падений грубеет душа, тупеет чувство совести — раскаяния — и приближается предание себя в руки падения своего, вложение в нечаяние. Почему приговаривает далее тут же святой апостол: *Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь... а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение* (Евр 6, 7–8).

Бывает же так, что часы, например, чинят, а потом дойдет до того, что и чинить нельзя. Так и в грехопадениях иной до того дойдет, что и поправить его ничем не поправишь.

Такие устрашения предъявляет нам Господь в слове Своем не затем, чтобы ввергнуть кого в отчаянное состояние, а затем, чтобы, зная это, мы имели опасливую заботу, как бы не довести себя до него в самом деле; затем, чтобы, если кто пал, не валялся в падении, а поспешил встать, а кто встал, раздражал бы в себе ревность всегда стоять, не позволял бы себе разлениваться и снова падать в прежние грехи и поблажки страстям. Ведь оставаться в падении нельзя. Надо встать. Помог Господь, встали — и стойте. Какой

смысл опять увлекать себя в падения, зная, что надо опять вставать и что это восстание будет труднее? Начато дело; не бросайте. Трудно? Перемогитесь; день ото дня все будет легче и легче. А там и совсем легко. Не все же труд и болезнь, и утешение Господь посылает; а там и смерть скоро, и всему конец. Даруй, Господи, чтобы она застала нас на добром пути раскаяния и в трудах самоисправления!

Все сие приводя себе, братие, на мысль, ныне, пред Крестом Господа, положим в сердце своем не изменять положенного намерения угождать Господу и пребыть Ему верными до положения живота в трудах самоотвержения и самоисправления. Аминь.

22 марта 1865 г.

34. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, — говорит святой апостол Павел (Гал 6, 14). Как это святой апостол дошел до такого расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме Креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение: как же хвалиться им? И вот, однако же, апостол Павел хвалится

им, вместе с ним хвалились, конечно, и все апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение Креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем вместо тесноты широту, вместо горести сладость, вместо унижения величие, вместо бесчестия славу — и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы и нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу Креста и начать хвалиться им! Этого нельзя не пожелать пред Крестом, который износится и предлагается ныне нашему поклонению.

О значении Креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше Своей крестной смертью; на Кресте растерзал Он рукописание грехов наших; Крестом примирил нас Богу и Отцу; через Крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков Крест Господень в нем самом. Каждый же из нас становится причастником его спасительной силы не иначе как через свой собственный крест. Свой собственный крест, когда соединяется с Крестом Христовым, то переносит его силу и действие на нас, становится как бы каналом, через который из Креста Христова преливается на

нас всякое даяние благо и всяк дар совершен. Из этого видно, что собственные кресты каждого в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим Крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтобы не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы Креста Христова. Можно сказать так: осмотрись около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его как следует, — соединенно со Крестом Христовым, и будешь спасен.

Хотя и нехотя всякий несет свой крест, и крест большей частью не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него через Крест Христов, не всякий обращает его в устройство спасения своего, не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем, как следует нести каждый из них, чтобы он был силой во спасение.

Крестов много, но видов их три: *первый вид* — кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; *второй* — кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; *третий* — кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенной преданностью в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастья, болезни, потери близких, неудачи по службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая. У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земный, и не отступят от него до той поры, пока не отвернется рай небесный.

Хочешь, чтобы эти кресты были тебе во спасение, употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтобы не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой и искал возвращения в истинное свое отечество. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая и вне рая обло-

жен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтобы помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием, и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастья и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Приими это к сердцу и благодушно носи свою долю.

«Но зачем, — скажешь, — у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее». Да так ведь она и раздается. Присмотришь, и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было или завтра будет тяжело; ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь, от начала до конца, и увидишь, что всем бывает тяжело и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобой небо. В жизни, как в природе: то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтобы грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так

242 думал? Не думай и ты так о своем горе, и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою и помяни, что есть Господь, отечески пекущийся о тебе и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе как с Его согласия и воли. Никто, как Он, послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как посылать; и когда посылает, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотришь, и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать показать терпение и верность Господу, чтобы на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего, конечно, идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, — и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог через постигшее тебя горе, общее неразмысляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа и что все идущее от Господа есть во благо нам; и толкуй мятущейся душе: «Так Богу угодно. Терпи! Кого наказует Он, тот у Него как сын!»

Наиболее же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен, как, конечно, и грешен, — то радуйся, что пришел огонь скорби поглотить грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на Суде. Воззри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтобы только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтобы каждый день теперь резали и жгли, нежели там неопisanному и непрестающему подпасть мучению. Не лучше ли же, чтобы там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтобы чрез то избавиться вечного огня? Говори сам себе: «По грехам моим посланы мне такие удары», — и благодари Господа, что благость Его на покаяние тебя ведет. Затем, вместо бесплодного горевания, распознай, какой есть за тобою грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то, конечно, скажешь: «Мало еще мне. По грехам моим и не того стою!»

Так общую ли несешь горькую долю или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней, как врачевство от грехов, как ключ,

отверзающий дверь в Царство Небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуи и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет, не движась мыслью своей окрест и не возводя сердца своего горé — к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами как следует и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе. Уж несешь крест. Сделай же, чтобы несение это было во спасение, а не на пагубу. Для того не горы переставлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смиришь под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоправление всем, возврати ее в недра свое, и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести, и увидишь: оплачешь грех и увлажишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том, и к благодущию придашь желание скорбей, чтобы за малые здешние скорби милость вечную сретить там от Господа. Мно-

го ли и трудно ли все это? А между тем такие помышления и чувства суть нити, которыми крест наш связуется с Крестом Христовым, и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи разъединен с Крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами и не можем уже хвалиться о Кресте Господа нашего Иисуса Христа.

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодушным, благодарным и покаянным терпением. Тогда ощутим спасительное действие скорбных крестов и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

1864 г.

35. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Из трех видов креста я сказал вам несколько слов об одном, именно о крестах внешних: скорбях, бедах и лишениях. Теперь скажу что-нибудь о втором виде крестов, крестах внутренних.

Кресты внутренние встречаются нам во время борьбы со страстями и похотями. Святой апостол говорит: *те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал 5, 24). Распяли? Значит, был крест, на котором у них распяты их страсти и похоти. Какой же это крест? Борьба с ними.

Распяты страсти — значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз, обессилит ее, поборет еще несколько, подавит; еще поборет и совсем искоренит с помощью Божией. Как эта борьба трудна, прискорбна и болезненна, но она есть воистину крест, водруженный внутри нас. У борющегося со страстями иногда будто руки пригвождаются, терновый венец на голову надевается, сердце живое прободается. Так ему бывает тяжело и больно!

Труду и болезненности нельзя не быть, ибо страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши совне, так приросли к телу и душе, что корнями своими проникли во все составы их и силы. Стань вырывать, и больно. Больно, зато спасительно, и спасительность эта не иначе достается, как через болезненность. Есть болезнь полип: какое-то чуждое нам тело зарождается в нашем теле, растет и пускает корни. Не вырежешь — не исцелишь, а стань вырезать — больно. Пусть больно, но

боль эта здоровье возвращает. А оставь, не вырезывай, тоже будет больно, только боль сия не к здоровью, а к усилению болезни, может быть даже к смерти. Вот и сибирскую болезнь как лечат? Вырежут прыщ и прижгут то место и еще ядовитым чем намажут и натрут. Больно, зато целительно. А оставь так, боль будет болью, да еще смерти не миновать. Так и борьба со страстями, или искоренение их, болезненно, зато спасительно. А оставь страсти, не искореняй, они тоже будут причинять тяготу, болезненность, страдание, но не на спасение, а на пагубу и смерть духовную, ибо *возмездие за грех — смерть* (Рим 6, 23).

Какая страсть не болезненна? Гнев жжет, зависть сушит, похоть расслабляет, скупость есть и спать не дает, гордость оскорбленная убийственно снедает сердце и всякая другая страсть: ненависть, подозрительность, сварливость, челоуекоугодие, пристрастие к вещам и лицам — причиняет нам свое терзание, так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами или быть в положении челоуека, у которого змеи сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, есть все страсти, ибо оно есть мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого они все в одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладает

и заправляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от них. Всякого мучат и распинают страсти — только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение. Стоит только обратиться нож и, вместо того чтобы удовлетворять страстям, поражать им себя, свои страсти, начав борьбу с ними и во всем им переча. И тут будет боль и страдание сердца, но боль целительная, за которую тотчас последует отрадное успокоение, как бывает, когда целительный пластырь попадет на рану. Рассерчает, например, кто — трудно одолеть гнев и неприятно; но когда одолеешь — успокоишься, а когда удовлетворишь ему, долго будешь беспокоиться. Оскорблен кто — трудно одолеть себя и простить; но когда простишь, мир возымеешь, а когда отмстишь, не увидишь покоя. Загорелось пристрастие, трудно погасить, но когда же погасишь, свет Божий увидишь, а не погасишь — будешь ходить как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с ней скорьб причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: «Ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и

устрой другой — крест борьбы с ними. И будет тебе распинание на нем во спасение!» Все это ясно как день; и выбор, кажется, должен бы быть очень незатруднителен. Однако ж делом он не всегда оправдывается.

И удивляться надо нашему ослеплению: страдает иной от страсти — и все еще удовлетворяет ей; видит, что удовлетворением больше и больше себе причиняет зла, и все удовлетворяет. Необъяснимое вражество против себя самих! Иной и собирается восстать на страсть, но лишь только пробудись страсть со своими требованиями, тотчас идет ей вослед. Опять соберется — и опять уступает. Несколько раз так, и все успех один и тот же. Непонятное расслабление нравственной силы! Лесть и обман в чем? В том, что страсть за удовлетворение себе обещает горы удовольствий, а борьба с ней ничего не обещает. Но ведь сколько уже раз было испытано, что удовлетворение страсти приносит не счастье и покой, а муку и томление. Она много обещает, но ничего не дает; а борьба ничего не обещает, а все дает. Если не испытал этого, испытай, и увидишь. Но горе наше, что испытать-то не соберемся с силами. Причина тому — саможаление. Саможаление есть наш самый льстивый изменник и враг, первое исчадие самолюбия. Жалеем себя и губим себя сами. Думаем, что добро себе делаем,

250 а делаем — зло; и чем более делаем зла, тем бо-
лее желательно нам делать зло. Оттого зло рас-
тет и приближает к нам конечную нашу пагубу.

Воодушевимся же, братие, и мужественно пойдём на крест самораспятия, через распятие и искоренение страстей и похотей; отвергнем саможаление и возгреем ревность самоумучения; возьмем сердце врача, который в нужде и любимым и чтимым особам делает жестокие резания и прижигания. Не буду вам указывать способа и всего хода борьбы. Возьмитесь за дело, и оно само все пояснит и всему научит. Приведите на мысль тот покой, ту радость и тот свет, которые водворяются в сердце по одолении страстей, и возгрейте тем свою ревность к восстанию на них. Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в эту борьбу и растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устройством сердца, в котором почивает Бог. И Бог мира истинно всегда пребывает с тем, кто достигает сей степени. Тогда-то вполне оказывается, что крест точно есть древо жизни. Райское древо жизни — осталось в раю; на земле вместо него — водружено древо креста. Цель же и этого одна: вкусит человек — и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко кресту, когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии; а

пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из живоносного креста. Учащай, скорее напоишься и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, которым попрана смерть и дарован живот. Какое благо, а велик ли труд! Первый шаг трудноват — первое себя одоление, первая решимость на борьбу, а потом, что ни схватка в брани, все легче и легче. И будет сильнее разгораться ревность, и увеличиваться умение одолевать, и враг слабеть. Как в обычной брани, воинам страшно бывает только начать, а потом они уже ни на что не смотрят, все им становится и сподручно, и легко; так и в духовной брани, только начни, далее брань сама будет себя разгорячать и облегчать. И затем чем ретивее и живее схватки, тем скорее конец брани и ближе покой. Сил недостает начать? Молись, Господь пошлет. Окружи себя помышлениями об опасности пребывания в страстях, и погонишь себя тем из тьмы их к свету свободы от них. Оживи чувство мучительства страстей, и возгоришься досадой на них и желанием избыть от них, но паче всего, исповедав немощь свою пред Господом, стой и толки

в двери милосердия Его, вопия о помощи. Придет помощь! Воззрит на тебя Господь, и свет от очей Его попадит в тебе саможаление и возжжет ревность бодро вооружиться против страстей. А там, аще Господь с нами, кто на нас?

Подвигоположнице Господи! Воодушевивший нас ревностию вступить в подвиг борьбы со страстями, Сам и устоять в ней подай силы, да под знамением Креста Твоего воинствуем доброе воинствование, взирая на Тебя, Начальника и Совершителя веры нашей, Крестом спасение нам устроившего и живот нам в нем даровавшего. Аминь.

1864 г.

36. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Осталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас, — крест преданности в волю Божию. Скажу и о нем слово-другое.

Скажу вам слово-другое, потому что полное о нем учение превосходит мои силы. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его, и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силой. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтобы кто из вас, одолев

одну-другую страсть и несколько успокоившись от их тревог внутри, не подумал, что уже все сделал что должно и что ожидается от христиан.

Нет, и при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей — принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, какова одна и приличествует Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, а Крест Господень есть крест жертвы чистой и непорочной. И он-то есть плод преданности в волю Божию — беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на крест Спасителя нашего? Эта преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша; но решительное о том определение изрек так: *впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф 26, 39). От слова Его: *Аз есмь* — падают пришедшие связать Его. Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностью воле Божией. Под Крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют; а Он неподвижен пребывал на кресте, ибо предал дух Свой Богу. Таковы и все, возросшие в мужа совершенна, достигшие в меру возраста исполнения Христова.

Они все бывают распяты, так сказать, на воле Божией. На ней пригвождено всякое их свое личное движение, и мысль, и желание. Или их, в обыкновенном смысле и виде, нет у них совсем: все свое у них умерло, пожерто будучи волей Божией. Что движет их, это есть Божие мановение, Божие внушение, которое, им только одним ведомым образом печатлеясь в их сердце, определяет всю их деятельность. Святой апостол Павел в отношении к себе изображает это состояние так: *Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2, 19, 20). Как только сораспялся он Христу — он, апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам; но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о каком пишет в другом месте: *Бог производит в вас и хотение и действие по [Своему] благоволению* (Флп 2, 13). Это верх христианского совершенства, до которого только способен достигнуть человек. Оно есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда Бог будет всяческая во всех. Почему все удостоивающиеся достигнуть его нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и — или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юродами, или удаляются в пустыни. Но во всех видах их внешней участи внутреннее их одно: едины, с Единым Богом пребывая

в сердце, Им Единым живут и действуют, сокрываясь во внутреннем, глубочайшем безмолвии, при совершенном отсутствии всяких своих движений. Говорят, что высоко, в последних пределах нашей атмосферы, прекращается всякое движение земных стихий. Там спокойно пребывает одна всемирная стихия. Это образ сораспявшихся Христу, переставших жить своей жизнью и начавших жить только Христом, или, иначе, восшедших на крест преданности в волю Божию, которая одна качественно и действует в них с отрицанием всяких своеобразных усмотрений и действий.

Больше не умею ничего сказать вам об этом. И это сказано, чтобы только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надо нам быть и чего достигнуть; и чтобы, зная сие, вы расположились к тому, что не имеете и не делаете ничего доброго, считать ни во что, если не дошли до сей нам определенной и от нас ожидаемой высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство — это то же, что и другие виды жизни; а оно не то. Зачинается оно покаянием, сплет борьбой со страстями, завершается через сораспятие Христу чистого внутреннего человека погружением в Бога. *Вы умерли, — говорит апостол, — и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол 3, 3). Тут все совершается внутри,

незримо для людей, и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничто. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный свидетель и тем не менее производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасной наружностью гроба, полного костей!

Ведая это, станем, братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший Крест Господа, есть образ тех крестоносцев, которые подвергаются внешним скорбям и лишениям. Кого изображает распятый благоразумный разбойник и кого Господь на кресте, я только что сказал перед этим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь — мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кто работает страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По этим признакам примеряй всякий к себе кресты и сам себя по ним определяй, кто ты — Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу, или разбойник злой, — по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого конца себе и ожидай. Я только прибавлю: выбросьте из голо-

вы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи, если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно; отличительный же характер их жизни — это страдания и болезнования, внутренние и внешние, вольные и невольные. Многими скорбями подобает внити в Царствие и в то, которое является внутри. Первый шаг здесь, перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, отражается смертельной болью от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест сораспятия со Христом в воле Божией. Все — скорби и болезни и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство не прямого пути, а скорбность — свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, радуйтесь, крестonosцы! А вам что, утешающиеся? Слово Авраама к богачу в притче о богатом и Лазаре. Здесь вы утешаетесь, а другие страдают Христа ради и закона Его святого; а на том свете будет наоборот: идущие крестным путем будут утешаться, а утешавшиеся — страдать. Вы говорите обыкновенно: «Вот и повеселиться будто нельзя или какое-либо себе позволить удовольствие». Да вы главное-то прежде сделайте, а потом позволяйте и это. А то

у иного только и дело, что ныне бал, завтра — театр, там — гулянье, да веселое чтение и беседа, да развлечения разные, переход от одних приятностей к другим. А о главном, о том, как достигнуть того, чем должен быть всякий христианин, и помышления нет. Какого же плода ожидать от такой жизни? То внутреннее наше к Богу отношение во Христе будто само будет зреть, несмотря на эти внешние нестроения?! Как ему зреть? Горит ли свеча на ветру? Спеется ли жизнь от приемов яда? Нет. Хочешь добра себе? — брось утехи, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сердечного сокрушения — и станешь золото, или серебро, или камень драгое и в свое время будешь взят Небесным Домовладыкой на украшение Его пресветлых и премирных чертогов. Аминь.

1864 г.

37. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Ведомо вам, чего ради предлагается чествованию и поклонению нашему Честный Крест Господень среди Великого поста. Тем, которые еще не покалялись, сим говорится: «Если Сына Своего Единородного не

пощадил Бог Правосудный, то какой ожидать вам пощады, если нераскаянными пребудете во грехах ваших? Бросьте же грех и обратитесь на путь правый». А тем, кои уже покаялись и начали трудиться над исправлением своего жития, говорится: «Видите, чего стоит грех. Смотрите же, не поддавайтесь более греху и не изменяйте данному вами в покаянии обету впредь быть исправными перед Господом».

К этим последним хочу обратить ныне мое слово и повторить им апостольское воодушевление: *Стойте, братие, мужайтесь, утверждайтесь*. Смотрите на Господа, ради вас на Кресте распявшегося. Взойдя на Крест, Он не сходил с него, пока не предал дух Свой Богу Отцу. Вот и вы взойшли на крест, давши обет противиться греху и вступивши в борьбу со страстями и похотьми. Не сходите же с сего креста, каким бы искушениям и увлечениям ни подвергались вы. Враги Господа, окружая Крест Его, кричали: «Да снидет ныне со Креста, да видим и веруем Ему». Не послушал их Господь. Не слушайте и вы, когда враги вашего спасения начнут сманивать вас с вашего креста и прельщать к тому, чтобы вы бросили эту борьбу со страстями и похотями. Стойте, братие, и не поддавайтесь.

Дав обет не грешить и получив за то прощение во грехах и сподобившись причастия Святых

Христовых Таин, снова впадать в обычные грехи — значит совершать страшное и ужасное преступление. Смотрите, что говорит о том апостол. Говорит, что те, кто просвещен, вкусили дара небесного, стали причастниками Духа Святаго и доброго вкусили глагола Божия и силы грядущего века, во второй раз распинают Сына Божия себе, если снова отпадают от Бога и предаются нечистотам и непотребствам (см.: Евр 6, 4–9). Не пропускай никто из покаявшихся мимо ушей этого страшного слова, а сядь лучше и размысли, не к тебе ли прямо идет этот приговор, если снова падешь. Не просвещен ли ты теперь только в покаянии? Да, просвещен. Ты был в ослеплении. Пришла благодать, просветила твои мысленные очи, увидел ты бездну пагубы, пришел в чувство и опомнился. Не вкусил ли ты доброго глагола Божия? Да, вкусил, когда слышал утешительное разрешение во всех грехах своих. Не стал ли ты причастником Духа Святаго и дара небесного? Да, стал, когда причастился Святых Христовых Таин и с сим причастием принял Самого Господа. Если же все сие прямо идет к тебе, то когда снова падешь, будет прямо к тебе идти и то, что приговорено вновь отпадающим после таких милостей. То есть, если ты, сподобившись таких благодатей, снова вдашься в грех, то будешь

второе распинать Сына Божия. Войди же ты чувством в это и страшись греха.

Подумает кто, не для устрашения ли только написал такое святой апостол? Ибо как можно теперь снова распять Господа, прославленного и сидящего одесную Бога и Отца? Точно, этого никто уже не может сделать; но не это и хочет сказать апостол, а хочет показать, как велика тяжесть греха, когда падают в него по обновлении в крещении или в покаянии, которое есть второе крещение. И говорит, что тяжесть греха сего так же велика, как велика тяжесть греха тех, кто самим делом распинали Господа. Падая снова в грех, ты становишься в ряд распинателей Господа, в ряд тех, кто заушали Его, плевали на Него, били Его по ланитам, бичевали Его, терновый венец возлагали на главу Его, пригвождали ко кресту, ругались над Ним, копием ребра Его прободали. Ведь когда страдал Господь, то Он подъял грехи наши. Какая-нибудь черта страдания очищает грех каждого из нас. Положим же, что какой-нибудь, например, удар бича был за твои прошедшие грехи. Когда ты покался и обратился ко Господу, ради того удара прощены все грехи твои. А когда ты снова падешь в грех и опять поновишь все грехи свои, чем снова прикрыть их и ради чего снова простить их тебе? Не иначе как ради другой какой черты страдания,

262 ради следующего, например, удара бичом. Зна-
чит, этот удар будет за тебя, за твой грех. Он ну-
жен ради твоего греха, грех твой даст его. Не
будь твоего нового греха, не был бы нужен и но-
вый удар за тебя. Пусть следующий-то удар и
был уже дан, но он будет уже не за тебя, а за дру-
того кого. Ты очищен предыдущим ударом. Не
повторяй снова грех, и не будет из-за тебя новой
раны в страждущем Господе. Вот это и напечат-
лей поживее в уме своем, в борьбе твоей с гре-
хом своим. Когда подойдет грех и начнет влечь,
вообрази, что если ты согласишься на него, то,
совершая грех, будешь зашатавать, или бичевать,
или оплевывать Спасителя, и отскочишь от гре-
ха, как от страшилища.

Рассказывается в отечниках, что в Египте был
один грешник, который после исповеди и Свя-
того Причастия нимало не берег себя, но, как
только представлялся случай, снова впадал в
прежние грехи после каждого говения. Но как
он не был злой, а немощь его одолевала, то Гос-
подь сжалился над ним и, для вразумления его,
устроил ему такое видение: шел он где-то один и
видит, что к нему подходит какое-то страшили-
ще, похожее на человека непомерной высоты,
косматое, безобразное, нечистое, со сверкающи-
ми глазами. Подошло оно и, потрепав его по
плечу, сказало: «Чего ты боишься, мы с тобой

приятели, в одном месте будем». Грешник хоть очень испугался, но спросил его: «Да ты кто же?» «Я, — говорит, — тот, что ударил в ланиту Иисуса Христа, да и все, которые после исповеди и Святого Причастия снова грешат, на одной стоят линии с Иудой и прочими мучителями и распинателями Господа». Сказал так и пошел в другую сторону. Это видение так поразило грешника, что он тогда же оставя все удалился в пустыню и там до конца жизни в строгих подвигах оплакивал свои грехи.

Из сего случая возьми ты себе удостоверение, что снова грешащие после покаяния и Святого Причастия точно сами себя ставят в ряд распинателей Господа, и сим убеждением устрашай душу свою и отбивай у нее всякое поползновение на грех, возникающее в похотях сердца и возмущающее доброе твое намерение — блюсти себя впредь чистым и непадательным.

Говорится так не затем, чтобы ввергнуть кого в отчаяние, но чтобы отклонить от грехопадений. Отчаиваться не должно, сколько бы кто ни грешил. Но что за радость ставить себя произвольно на ту линию, на которой стоят Иуда и распинатели, даже зная, что возврат из такого сообщества невозможен. Может быть, и из распинателей многие образумились, подобно сотнику. И Иуда был бы, конечно, прощен, если бы

покаялся. Но всякий скажет, что гораздо бы лучше не быть в толпе распинателей, чем, побывши, идти обратно восвоюси, бия в перси свои. К тому же сии раскаявшиеся не знали, кого они распинали. А о нас можно ли сказать, что не знаем? Сознательное же падение во сколько утяжеляет грех? Конечно, в минуту греховного увлечения нападает ослепление и душой овладевает легкомыслие, по которому все нипочем; но это не оправдание. В первый раз кого отуманивает грех, тому еще можно извиниться; а кто несколько раз подвергался этой беде и хорошо знает, в чем состоит, как подходит и что производит это отуманение, тому чем извиниться? Чувство же неизвиняемости производит ожесточение сердца, а ожесточение сердца ведет к нераскаянности. Про Иуду говорят, будто он, предавая Господа, не думал, что Он пострадает, а ожидал, что Своей чудодейственной силой развеет все напасти. Но потом, когда увидел, как пошло дело, упал духом, ожестел сердцем и отчаялся. Если б знал он такой исход своего предательства, едва ли бы на него решился. Для нас же и без испытания все подобные исходы видны. Не лучше ли потому не идти нам сим Иудиним путем, хоть не можем сказать, чтобы Господь снова не явил на нас чудес Своего милосердия. Господь всегда готов явить их; но вот чего не можем мы пред-

угадать. Не приняло бы сердце наше поворот к ожесточению и от ожесточения к решительной нераскаянности, после греха, к которому теперь влечет нас страсть? Если еще падем, — мы погибли. Не лучше ли же совсем не делать шага, который может подвергнуть нас такой крайней опасности, и не искушать милосердия Божия?

Вот такими помышлениями ограждайте себя и душу свою отрезвляйте, когда придет блажь греха и начнет искушать вас. Ведь теперь вы на добром пути. Употребите труд устоять. А что стоит употребить, сие видите вы из той беды, в какую впадете, если не устоите.

Господь да умудрит всех вас во спасение и да дарует вам силы и мужество сердца противостоять страстям и похотям, чтобы часть спасаемых получить, а не тех, о которых написано: «Воззрят Нань, Егоже прободоша!» Аминь.

27 февраля 1866 г.

38. В 4-ю НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Нынешнее воскресенье посвящается памяти святого отца нашего Иоанна, писателя Лествицы. И говорить нечего о том,

чего ради так положено во Святой Церкви. Пост святой учрежден не только для нашего очищения, но и для укрепления всех нас в добре, чтобы, положив доброе начало, мы продвинулись вперед на пути к совершенству. Так, чтобы если кто, потрудившись немного в делании добра, совершив несколько подвигов или проведя несколько времени степенную жизнь, не подумал, что он совершил уже все или зашел далеко на пути к совершенству, приводится ныне каждому из нас на память святой Иоанн Лествичник, чтобы, вспомнив о нем, живописали мы в уме своем и его святую «Лествицу» и, измерив ею труды свои, вернее могли определить, что пройдено нами и что осталось еще пройти. Чтобы помочь вам в этом деле, было бы лучше всего сокращенно описать святую «Лествицу» восхождения к богоподобному совершенству. Но думаю, что того же можно достигнуть изображением жития святого Иоанна Лествичника, ибо не только писанием, но и жизнью своей он указывает нам лествицу, по которой необходимо восходить всем желающим совершенствоваться в духовном житии. Итак, послушайте.

Жизнеописание святого Иоанна Лествичника коротко; но оно в малом совмещает многое, или, лучше сказать, все. Вот как текла его жизнь.

С юных лет возлюбил он Господа и, несмотря на лестные надежды, какие подавали его естественные дарования и обширная ученость, оставив мир, удалился он от своей родины далеко — на Синай, чтобы странничеством освободиться от многих препятствий к духовной жизни и в местности иметь вразумительное указание на то, чего и где должно искать.

Положив, таким образом, доброе начало, он с самого вступления в обитель предает себя вседушно опытному наставнику и поставляет себя в такое состояние, как будто бы душа его не имела ни своего разума, ни своей воли. Подавив в себе через то самоуверенность и самоволие, он вскоре избавляется от свойственной людям даровитым кичливости, приобретает небесную простоту и является совершенным в трудах и добродетелях послушничества.

Когда затем наставник его отошел ко Господу, святой Иоанн, горя любовью к большому совершенству, как уже окрепший в добродетелях иночества — и внешних и внутренних, — исходит на поприще безмолвия. Избрав для этого подвига удобное место в пяти поприщах от храма Господня, здесь он проводит уединенное житие сорок лет в строгом воздержании и подвижничестве, в непрестанной молитве и богомыслии, а паче в слезах, которые составляли для него хлеб день и ночь.

Зато скоро восходит он на высшую ступень чистоты и делается сосудом особенных Божиих дарований: прозорливости, дерзновения в молитве и чудотворений. Потом, когда надлежало избирать настоятеля, вся братия единодушно поставила его вождем над собою, как новоявленного Моисея, — и он, сниспешши с горы богосозерцания, предложил, как богописанные скрижали, свою святую «Лествицу», где изобразил образ совершенного христианского жития, им самим пройденный и благодатью Божией в сердце его начертанный. Так путеводствуя сих избранных иноков, он достигает предела видимого жития и отходит в горний Иерусалим.

Вот все течение жизни святого. Я не касался подробностей, имея в виду указать только те ступени, по которым восходил он к совершенству, в научение нам. И легко всякому заметить, что их было три главнейших: оставление мира со всеми его надеждами; труды послушничества по воле руководителя; затем безмолвие, сделавшее его достойным особых дарований Божиих и богомудрого настоятельствоваания. Эти ступени общи всем святым, просиявшим христианскими совершенствами на земле, как сами можете увериться, прочитав со вниманием житие какого угодно из них. Те же степени надобно пройти

и всем нам, если желаем не казаться только, но быть истинными христианами.

Не подумал бы кто: «То жизнь монаха-пустынника, а мы миряне, живем в сожительстве человеческом: как же приложить его жизнь к нам? Хотя бы и желал кто подражать, но не сможет, ибо мы совсем в других находимся обстоятельствах». Но, братие, не в форме сила. Трех показанных степеней в том виде, в каком они пройдены святым Иоанном и проходятся всеми не-мирянами, мы пройти не можем; но можем пройти их так, как они могут быть проходимы в миру и сожительстве с мирянами, в другой форме, но в той же силе. Дадим им прежде всего настоящее название. Отречение от всего или оставление мира понятно нам. Послушничество — это жизнь в добрых трудах, не по своей воле, а по указанию другого. Наконец, безмолвие — это стремление быть непрестанно в сердце с единым Богом, чего когда кто достигнет, начинает являть силы Божии, или особенные дарования. Посмотрите теперь, как это может быть исполнено мирянином и даже исполняется вами.

То, что у святого Иоанна есть оставление мира и удаление в Синайскую обитель, у нас с вами есть оставление греховного и страстного жития и обращение умом и сердцем к богоугождению; ибо мир есть образ страстной греховной жизни,

а обитель иноческая — символ добродетельного жития. Кто оставляет грех и полагает намерение жить свято, тот делает то же, что другой — оставляющий мир и поступающий в обитель. Если вы в пост сей искренно покаетесь и положили не оскорблять более Бога грехами, то вы сделались подражателями святого Иоанна, когда он, оставя мир, удалился в Синайскую обитель. Остается вам пребыть в этом намерении и в исполнении его требований, чтобы сделаться подражателями его и во второй ступени его восхождения к совершенству.

На второй ступени, в обители, святой Иоанн нес труд послушания под руководством своего старца-руководителя. В нашем житейском быту в чем должно состоять такое послушничество? В исполнении заповедей, которыми определяется образ жизни каждого из вас как семьянина, как члена гражданского общества и как сына Церкви. Делай то, что повелевают заповеди, и будешь исправный послушник. Слуга ты, — исполняй заповеди слуги; отец или мать, — исполняй заповеди родительские; сын ты, — исполняй заповеди сыновства; судья, — исполняй заповеди правосудия; торгующий, — торгуй как заповедано. Требуется чего гражданское устройство, — исполни. И все, что заповедует Святая Церковь, исполняй от мала до велика. Все это есть спаси-

тельное послушничество, когда действуют не по своей воле, а по тому, как предписано. Святой Иоанн имел руководителя. Кто у вас руководители? Пастыри Церкви. Поди, спроси и вразумись всякий раз и поступи по их указанию. Не свою волю будут они изрекать вам, а заповеди Евангелия и постановления Святой Божией Церкви. Вот кто таким образом, оставя грех, начнет жить в трудах доброделания и исполнения всесторонних заповедей Божиих, под руководством законных пастырей, тот будет подражателем святого Иоанна во второй его ступени совершенства.

Как, наконец, подражать ему в безмолвии? Вот как. Посмотрите, что́ есть безмолвие? Внешне — это есть удаление от всех и пребывание наедине, а внутренне это есть устранение всякого развлечения мысленного и собрание себя внутрь сердца, чтобы там пребывать неисходно, пред лицом единого всевидящего Бога. Внешнее безмолвие не в ваших руках и может быть в житейском быту только случайно, а уединение внутреннее в ваших руках. Его себе и устройте, всячески заботясь о том, чтобы сколько можно чаще входить внутрь себя, в свою внутреннюю клетку, и там наедине предстоять единому Богу. В доме ли вы, на пути, на должности или в храме, — напрягайтесь не исходить вниманием из

сердца и не отрывайте око вашего ума от лице-
зрения Божия. И будете уединенники, или без-
молвники. Потребность к безмолвному внутрь-
пробыванию рождается в душе вследствие
добросовестного труда в исполнении заповедей
Божиих. Пока страсти и греховные привычки
качествуют в сердце, нельзя иметь внутреннего
безмолвия — это так по свойству их. Труд добро-
делания и исполнения заповедей Божиих ис-
торгает из естества нашего страсти и греховные
привычки. Тогда рождается позыв быть едино с
Господом. И вот смотрите: те, кто окреп в доб-
рых делах и расположениях, часто — или во
время молитвы дома и в храме, или во время
благочестивого размышления и чтения — так
глубоко входят внутрь и погружаются в такое
безмолвие, что не замечают, как идет время и,
несмотря на внешний труд, например во время
молитвы или стояния в храме, не хотели бы пре-
кратить его, чтобы всегда быть в сем блаженном
состоянии. Это начатки внутреннего безмолвия,
возможного и в семейном быту. Остается про-
должать жизнь в том же труде доброделания,
всячески заботясь и молясь — чаще бывать в сих
состояниях и ища, чтобы то, что бывает по вре-
менам, стало непрерывным. И будет. Господь не
оставит труда любви. Надо только отстранить
из жизни все, что может расстраивать такое

благонастроение и погашать блаженную теплоту внутреннего безмолвия.

Вот как из вас каждый может сделаться полным подражателем святого Иоанна. Только, братие, тако тецыте, да постигнете. Восходите в меру возраста исполнения Христова. Видите, какой образец! Пред ним все наше ничто. Что и засматриваться на наши малости. «Задняя убо забывая, в предняя простирайтесь, к почести вышняго звания о Христе Иисусе». Аминь.

2 апреля 1861 г.

39. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Вслед за поклонением Честному и Животворящему Кресту, что совершалось в прошедшее воскресенье и седмицу, ныне Святая Церковь приводит нам на память преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Лествичника, все с одной и той же целью поощрения нас на подвиги самоисправления и преуспеяния в добродетелях. Известно вам, что святой Иоанн составил душеспасительную книгу, именуемую «Лествица духовная, возводящая на небо». Тут изображается непрерывная цепь добродетелей, или ступеней их, из которых, от одной к другой переходя и тем с одной ступени

на другую восходя, христианин вступает наконец в духовное небо, где становится един дух с Господом. Наводя нашу мысль на сей последний предел христианской жизни, Святая Церковь хочет нам сказать: «Не бойтесь креста самораспинания и не бегайте крестоношения подвижничества. Смотрите, куда он приводит, и воодушевитесь. Есть из-за чего потрудиться!»

И лестница эта точно сильна во всякую душу влить дух мужественного ревнования. Так она все выясняет: и начало всякой добродетели, и ее возрастание, и препятствия, и способы к их преодолению — и через это таким легким представляет упражнение в них, что читающему тотчас хочется вступить в подвиг, чтобы преуспеть в них. Почему не могу не желать, чтобы могущие познали сию книгу и пользовались ею к своему спасению. И сам я пересказал бы ее вам всю, но где же это сделать? Целая книга! Укажу, по крайней мере, главное ее содержание и сделаю краткое очертание всего пути нашего ко Господу под видом восхождений по лестнице.

«Лестница» у святого Лествичника имеет тридцать ступеней, по числу лет сокровенной жизни Господа и Спасителя, после которых Он начал творить и учить. Подобно лестнице, виденной патриархом Иаковом, она одним концом утверждается на земле, чтобы быть доступной для нас,

земнородных, а другим — упирает в небо, указывая конечный предел нашего предназначения. По лестнице Иакова восходили и нисходили Ангелы, означая, что христианские добродетели — это ангельское дело и совершаются при помощи святых Ангелов. На верху лестницы святой Иаков видит Господа; ко Господу приводит и Лестница добродетелей христианских, через которые всякий, восходя от силы в силу, достигает в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова — достигает того совершенства, к которому обязует Господь: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф 5, 48), того единения с Богом, о котором молился Господь: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино* (Ин 17, 21).

Предзря это неописанное благо, братие, мужественно приступим к сей лестнице и бодренно понудим себя к неленостному по ней восхождению.

Мужественно приступим и бодренно понудим себя положить доброе начало этому восхождению. Если везде доброе начало — половина дела, тем более в жизни духовной, которой оно бывает полным предначертанием. Ибо смотрите, чего требует здесь первый шаг? Требуется оставить землю. Как в житейском порядке нельзя ступить на лестницу не отделившись от земли,

над которой неизбежно поднимаются, когда вступают на первую ступень, так и в порядке духовном — первая степень восхождения к христианскому совершенству есть оставление земли — греха, то есть удаление от грешных дел и страстных чувств и расположений, которое совершается в покаянии, когда, отвергнув и оплакав все недоброе, полагают благую решимость угождать единому Богу. Кто дошел до такой решимости, тот сделал первый шаг, вступил на первую ступень. Как тому, кто как бы прирос к земле, нельзя подниматься по лестнице, так тому, кто еще обременен грехами, невозможно и думать о восхождении к совершенству. Уклонись прежде от зла, и начнешь творить благое. «Уклонение от зла, — говорит святой Лествичник, — есть начало покаяния; начало покаяния есть начало спасения, а начало спасения есть благая решимость угождать Богу» (ступень 26, глава 249). Вступив на лестницу, как потом восходят? Действуя руками и ногами, ступая то правой, то левой ногой и напрягаясь всеми членами тела. Так и покаявшийся и возымевший благую решимость угождать Богу тотчас вступает в труд, требующий напряжения и душевных и телесных сил и безжалостного их утомления. Ибо ему необходимо противиться себе в худом и нудить себя на добро, внимать себе и всему встречаю-

щемся, из многого избирать лучшее, не упреждать и не отставать, не пропускать без внимания и малых приражений греха, отстранять препятствия, угадывать способы в нападениях врагов и бороться с ними не слагая оружий. Все это и подобное составляет труд борьбы со страстями и преуспевание доброделания, которым определяется самое восхождение к совершенству. Ибо что есть совершенство, как не искоренение страсти и вкоренение вместо нее доброго расположения. Это и есть главный наш труд. И не одну ступень надо перешагнуть, пока он кончится. Не искоренишь вдруг всех страстей и не насадишь всех добродетелей. И то и другое совершается постепенно. И каждой страсти умаление имеет свои степени, равно как и утверждение всякого доброго расположения. Почему у святого Лествичника изображение сего труда кончается уже 26-й ступенью.

Чему он здесь не учит, против какой страсти не вооружается? Вооружается против гордости и тщеславия, хитрости и лукавства, сребролюбия и любостязания, чревоугодия и нецеломудрия, многословия и злословия, гнева и памятозлобия, лжи и клеветы, лености и сонливости, малодушия и боязливости и прочее. Научает смирению, незлобию, мужеству, бдению и усердию к молитве, нестяжательности, целомудрию,

воздержанию, кротости, благоразумному молчанию, послушанию, памяти смертной, плачу, мягкосердию и прочее. Искоренение всякой страсти и насаждение противоположной добродетели составляет особую степень, которую надобно пройти, чтобы приступить к следующим. Во всем этом есть свой чин и порядок, для всякого, впрочем, свой, с которым сведывается он, однако ж, уже на самом деле. «Покусившиеся с телом взойти на небо, — говорит Лествичник, — поистине имеют нужду в самопринуждении и непрестанном самоозлоблении. Благая решимость угождать Богу рождает труды. Труды эти суть делание добродетелей или постоянное себя в них обучение. Плод сего обучения есть навыковение в них». От навыковения же происходит укоренение в добре.

Это предел трудов в восхождении по лестнице добродетелей. Говорят, что чем выше от земли, тем меньше бывает тяготение к земле и, следовательно, легче борьба со своей тяжестью у того, кто восходит горé. А есть такая черта, за которой тела совсем перестают тяготеть к земле, то есть становятся совсем без тяжести. Так и в степенях совершенства духовного, чем выше кто в нем восходит, тем меньше тяготит его земное. Иначе, чем тверже кто становится в добродетелях через постоянное в них навыковение, тем

меньше борют его грехи и страсти. А есть и такая высота совершенства, где страсти совсем почти замирают и душа наслаждается покоем пребывания в добре, в котором добро беспрепятственно действует, свободно, непринужденно, естественно как бы, так же как естественно, например, дыхание и обращение крови. Ступень сия достигается тогда, когда в душе совершенно укореняется всякая добродетель и возсиявает бесстрастие и чистота. Это есть небо духовное — верхний конец лестницы. Достигшим сего предела принадлежат прописанные Господом блаженства и верх блаженств — вселение Бога, виденного Иаковом на верху лестницы. «Совершенно бесстрастным, — говорит святой Лествичник, — называется и есть тот, кто ум возвысил превыше всякой твари, душу же свою представил лицу Господа... Бесстрастие есть сердечное небо ума, есть небесная палата Небесного Царя. Плод бесстрастия есть полнота любви и совершенное вселение Бога в соделавшихся чрез сие бесстрастие чистыми сердцем, о которых сказано: *ибо они Бога узрят*» (Мф 5, 8; степень 29, гл. 2–3, 14).

Вот куда возводит и чем кончается священная лестница! И вот эту-то картину хочет живописать ныне в уме нашем Святая Церковь, и, конечно, не любопытства ради или празднословия, а ради того, чтобы дать нам побуждение

280 и возможность осмотреть добросовестно самих
себя и определить безошибочно — где же стоим
мы и какую занимаем ступень? Вступили ли на
лестницу и, вступив, далеко ли взошли, высоко
ли поднялись от земли, и виден ли хоть сколько-
нибудь последний конец восхождения? Конечно,
численно определить ступень свою, может
быть, трудно и даже невозможно; но нетрудно
определить ступени, отличающиеся резкими
чертами. Какой труд определить, например,
первую свою степень? Кто не в состоянии дать
определяющий ответ, покался ли он и поло-
жил ли твердое намерение угождать Господу?
Кто также не в состоянии сказать, вступил ли он,
по раскаянии во грехах, в борьбу со страстями,
борется ли с ними или поддается им? Так что
же мы с вами скажем, братие? Стали ли на лест-
ницу? Сделали ль хоть этот шаг?

Пусть ответит на это совесть каждого. Я же
приложу, что хоть шаг только кто сделал — все
хорошо. Он уже на лестнице, уже на добром пу-
ти. Пусть много еще надо трудиться, пока пока-
жутся в нем ясные следы совершенства, но на-
чало положено. Не ослабевай только и не ленись
по мере сил подвигаться вперед. Благословенно
будет шествие твое; и если будет постоянно и
неуклонно, несомненно увенчается успехом. Так
хорошо хоть это. Но то дурно, если еще и первый

шаг не сделан, если кто предан страстям и от-
стать от них не думает; или думает, но все отла-
гает день ото дня; или, жалея свою любимую
страсть, хочет заменить ее каким-либо добром,
не отказываясь от нее; или, не имея резких стра-
стей и порочных дел, живет, однако же, как
живется, не радея о чистоте сердца. Все такие и
подобные им не на добром пути стоят, еще не
вступили на лестницу, возводящую к Богу, и им
надлежит сделать этот первый шаг. Вот почему
«Лествица» и воспоминается нам среди поста,
чтобы, если кто, уразумев ее уроки, найдет, что
он блуждает еще вне ее, имел время прийти в
себя и покаяться. Вот это и поспешите сделать
все, кому это надлежит еще сделать. А потом усугубьте усердие заняться исправлением себя и
утверждением в себе добрых навыков. Ведь дру-
гие не стоят, а все идут. Зачем же и нам отста-
вать?

Да и все, братие, тако будем теши, да постиг-
нем, задняя забывая, в предняя же простираясь.
Кто остановился, тот уже не идет. Кто не идет
далее, тот неизбежно отстает или даже более
подвигается назад. Нет у нас и минуты без дела,
и нет дела, которое бы не было Богу или угодно,
или неужодно. Это потому, что мы лица, и всю-
ду влагаем свое намерение, по которому дела
обращаются или во славу Божию, или в угоду

нашей самости и служат потому или в благопоспешение в нашем шествии, или в препону ему. Внимательный к себе и всему окружающему и остановиться не может, а что ни шаг — все вперед в своем совершенстве, от всего собирает с Господом и от всего богатеет. *Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы* (Еф 5, 15–16).

29 марта 1865 г.

40. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Какие не употребляет Святая Божия Церковь средства к тому, чтобы постоянно возбужденным и бодренным держать наш помысл в наших трудах богоугождения и ревнования о спасении души, особенно в эти дни постничества! В прошлое воскресенье она предлагала нашему чувству и поклонению Крест Господень, чтобы сказать нам: «Не бойтесь Креста самоотвержения и самораспинания; всю тяжесть Креста Господь понес Сам, вам же остаются одни утешительные плоды его». Ныне предлагает она нашему воспоминанию и вниманию лестницу, возводящую на небо, указывает пример восхождения по ней в писателе ее,

святом Иоанне, и самое блаженство живописует в евангельском чтении о блаженствах. Она говорит ныне каждому из нас: «Не жалея трудов; смотри, какой блаженный конец ожидает тружеников, и воодушевляйся; спеши, гони, теки, да постигнешь». Она то же делает, что делают распорядители и учредители ристалищ. Как они выставляют на вид награды тому, кто перегонит других в бегах, чтобы всякий видел, есть ли за что трудиться, так поступает и она — указывает всестороннее блаженство и приговаривает всякому: хочешь такого блаженства? Трудись. Без труда, и труда усиленного, ничего не получим.

Сей урок и передаю вам ныне. Как послушные сыны Церкви, конечно, вы примете его. Прибавлю, однако: примите его охотно, примите не к сведению, а к исполнению. Нужным считаю сделать сие прибавление, потому что получить блаженство готовы все, а труды ради него нести очень многие упираются; очень многие позволяют себе всякие льготы, а между тем все чают улучшить благую часть вместе с другими. Точно, Господь многомилостив и всякого готов облаженствовать. Но сами-то мы никак не можем изменять путей, Господом указанных, и по своему вкусу прописывать себе условия к получению блаженства, которые не в наших, однако, руках.

Вот посмотрите, как апостол Павел и себя и других воодушевляет на труды и остерегает от льгот. *Не знаете ли, говорит, что бегущие на ристалище бегут все?* (1 Кор 9, 24) С каким усилием на ристалищах все напрягают свои силы, чтобы перегнать других? И это чего ради? Чтобы тленный получить венец. Не тем ли с большим рвением надлежит теши нам, чтобы получить венец нетленный? «Смотрите же, — прибавляет, — *так бегите, чтобы получить*».

Как же это надо бежать, чтобы достигнуть? Надобно от всего воздерживаться. *Подвижники же*, то есть бегущие, как на ристалище, *воздерживаются от всего*, — говорит тут же святой апостол. От всех воздерживаться, или всестороннее иметь воздержание, — думаю, понятно, что означает. Означает пост, бдение, уединение, утруждение тела и всякое умерщвление плоти, или, как говорили наши отцы-подвижники, иметь суровое и жестокое житие. Хочешь бежать так, чтобы получить нетленный венец, проходи суровое и жестокое житие. Чтобы кто не вздумал как-нибудь увольнять себя от него, апостол и себя изображает так же бегущим. И я, говорит, так же бегу, и я так же подвизаюсь. Как же это именно? *Усмиряю и порабоцаю тело мое*. Апостол, сосуд благодати, умерщвляет тело свое и порабоцает. Кому же после сего будет это не необходимо? И не

думайте, что у него это есть плод избытка ревности. Нет. Без этого, говорит, мне нельзя быть, опасно: *проповедуя другим, самому остаться недостойным*. Апостол, устроитель Царства Божия, руководитель всех ко спасению, боится оказаться неключимым, если не будет тело свое поработать и умерщвлять. Кто же после сего понадеется быть ключимым без умерщвления и поработания тела?

Я нарочно побольше остановился на этом апостольском месте, чтобы внушить, что у нас почти общий недуг — жаление и поблажка плоти — совсем не к лицу ищущим и чающим Царствия Божия. Хочешь царства — не жалеяй плоти. Будешь жалеть плоть — не получишь Царства. Ах! Как нам не по вкусу это строгое и суровое житие, плоть умерщвляющее! И каких уверток не употребляем мы к тому, чтобы уволить себя от него! Вот теперь пост, а кто постится как следует? Иной совсем ни во что ставит пост; иной так его ведет, что плоть оттого никакой не ощущает жестокости. И чего не наговорят такие в свое оправдание? О тех уж нечего говорить, которые нерадят о спасении; те и живут только в плоть. А то и ревнители благочестия всяко склоняются на то, чтобы питать и греть свою плоть. Я, говорит, богомыслием займусь, я в церковь буду ходить, буду заниматься чтением

286 спасительных книг, милостыню буду подавать
и другое что готов сделать; а телу уж пусть да-
ется всякий покой и довольство — в пище, сне,
неутруждении и устранении всяких неудобств.
И что еще говорят? Говорят, что это умерщвле-
ние плоти есть телесное делание, мы же духов-
ны; духовными делами и будем достигать Цар-
ства Небесного — невестественного.

На все сии и подобные рассуждения скажу
одно: апостол-то Павел до какой меры был ду-
ховен? И кто сравнится с ним в ясном ведении
того, как нужно нам действовать?! А видите,
что прописал? Указал венец нетленный. И всем,
кто захочет восхитить его, предписал умерщ-
влять и порабощать тело. Ничего другого не
вставил и никакого другого посредства не по-
местил. Тут умерщвление тела, а там венец не-
тленный. Хочешь последнего — возмись за
первое. Рассуждения же все в сторону. Если б и
мне кто стал докучать: «Разъясни и то и дру-
гое в сем деле недоумение», я сказал бы: «Что
рассуждать? Понятно, что значит нетленный
венец? Конечно, понятно. Понятно, что значит
умерщвление и порабощение плоти? И это,
верно, понятно. Поди же, умерщвляй и пораб-
ощай плоть, и получишь нетленный венец.
А если иначе станешь действовать, не только не
получишь венца, но окажешься неключимым,

как опасается святой апостол и за себя, и за нас. О неключимом же знаешь, что сказано? Сказано: «Неключимаго раба вверзите во тьму кромешнюю, ту будет плач и скрежет зубов». Вот какой неутешительный конец покоя плоти!

И то прибавлю, что ведь мы не поставлены рассуждать и словопретъся, на какую же потребу? А зачем поставлены? Поставлены проповедовать слово. *Проповедуй слово*, — заповедует святой апостол Павел Тимофею (2 Тим 4, 2), а в лице его и всем нам. Какое слово? Вот я соберу это слово относительно того, о чем мы беседуем.

Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями (Гал 5, 24). Слышите! Стало, кто не распинает плоти, тот не Христов, не христианин. Сего ради *живите не по плоти, но по духу* (Рим 8, 4). И *попечения о плоти не превращайте в похоти* (13, 14). *Мы не должники плоти, чтобы жить по плоти* (8, 12). *Если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете* (8, 13). *Живущие по плоти о плотском помышляют* (8, 5) и *Богу угождать не могут* (8, 8); *ибо помышления плотские суть смерть* (8, 6), *вражда против Бога* (8, 7). *Чтобы упразднено было тело греховное* (6, 6), *да не царствует грех в смертном вашем теле* (6, 12). *Представьте члены ваши Богу* (12, 13) и *умертвите земные члены ваши* (Кол 3, 5). Ибо

в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим 7, 23).

Ограничусь этим. Видите ли как? И вот такого-то рода непощадение плоти проповедуется и заповедуется по всему пространству Божественного Писания! Стало, нечего рассуждать, нечего придумывать разные извороты к пощадению плоти. Кто хочет питать и греть плоть свою, тот не питомец Писания и чужд духа его. Чужд духа, чужд и обетований.

Вот с сей-то стороны усмотрите всю матернюю попечительность о нас Святой Церкви в учреждении святых постов. И вся жизнь у нас должна проходить в умерщвлении и порабощении плоти. Иначе тотчас попадешь в неключимые, а зато потом и участи их горькой подвергнешься. Чтобы самим делом не подпал кто из нас этой участи по забвению или какому увлечению делами, Святая Церковь напоминает нам об умерщвлении плоти каждую неделю — средой и пятницей, а в каждое время года продолжительными постами, особливо же Великим постом святой Четыредесятницы, чтобы когда придет пост, взялись мы и против воли за труд умерщвления и порабощения плоти и вступили на поприще, ведущее к получению нетленно-

го венца. Так, если уж в другое время даем мы себе всякие льготы, хоть постом несколько потрудим плоть свою. Если же в другое время будут у вас для плоти все празднества и в пост всякие льготы, то не к нам ли будет относиться следующее укорительное слово апостола? *Многие, — говорит он, — о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме их, они мыслят о земном* (Флп 3, 18–19).

Вот уже зашло за половину поста. Блаженны труды умерщвлявших доселе плоть свою; и да воодушевляет их на продолжение уверенность в неизбежности этого пути. Но и те, кто лишал себя этого блага, имеют еще время сделаться его участниками. Поприще открыто; виден и светлый венец в его конце. Вступите бодренно в подвиг. Ревностью возревновав, перегнать еще успеете тех, кто так далеко ушел от вас. Что потеряно в длительности времени, то вознаградить можете напряжением сил в воодушевлении и, таким образом, не мечтательным ожиданием, а несомненно и действительно вступите в сонм тех, кто, по апостолу, так бегут, что наверно получают. Аминь.

14 марта 1865 г.

41. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Раза два или три говорил уже я вам о том, как опасно падать в те же грехи по принесении в них покаяния и как потому всеуильно надо заботиться о том, чтобы не впасть в это неразумие и не ввергнуть себя через то в крайнюю беду. Думаю, что у тех, кто внял сему и положил благое намерение не отступать от данного обета, есть желание знать, как удобнее достигнуть сей благой цели, как надо нам устроиться и вовне и внутрь, чтобы избежать новых падений, и каких правил держаться, чтобы преобедить всякое искушение и устоять в добре. Хочу удовлетворить сему вашему желанию, и не сам от себя, а от лица святого Иоанна Лествичника, памяти которого посвящается нынешнее воскресенье.

Известно вам, конечно, что святой Иоанн написал книгу «Лествицу духовную», от которой и прозвание свое имеет. В этой книге он подробно разъяснил, как покаявшийся человек должен действовать, чтобы устоять в добре и не пасть опять в прежние нечистоты. Извлеку вам из нее главное, что относится к сему предмету.

«Трудно, — говорит он, — без труда преодолеть прежние худые навыки. Впрочем, знаю, что Богу все возможно, невозможно Ему ничтоже

(ср.: Иов 42, 2). Так, Бог все может и все готов сделать для нас в нас. Но надо и нам не только прибегать к Нему с молитвой, но и самим употреблять усилия и труды, соответственно намерению своему. И это намерение и труды должны предшествовать Божией помощи и привлекать ее. Весь успех зависит от собственного нашего желания и собственных наших усилий, хоть не иначе как при содействии Божиим; однако же если не предварит первое, то есть желание и усилие, — не последует и второе, то есть Божие содействие».

Божие содействие несомненно; но на что нам самим надо обратить свои усилия и труды? В ответ на это святой Лествичник указывает столько трудов и подвигов, сколько букв в греческом алфавите, и называет это азбукой, в той мысли, что как учащимся читать надо наперед выучить азы, так тем, кто хочет отстать от грехов и преуспеть в добродетелях, должно наперед навыкнуть подвигам, какие он перечисляет.

Вот, говорит, превосходная для всех азбука: пост, вретище, пепел, слезы, молчание, бдение, стужа, труд, злострадание, сокрушение, отложение мирских попечений, добровольное унижение себя, безмолвие, страх суда, хранение сердца, нерасхищение помыслов, желание смерти, бегство

292 от тела и прочее. Не перечисляю всех указываемых подвигов, потому что трудно вам запомнить их. А лучше и перечисленные и неперечисленные разложу на ряды, чтобы вам удобнее было и запомнить их, и приложить к делу.

Первый ряд подвигов относится к телу. Возьми тело в руки, будь его владыкой, а не рабом. На всякий член его наложи свой подвиг и всего его свяжи. Утончи чрево воздержанием и постом, руки обучай труду, свяжи язык молчанием, не давай воли очам все видеть и ушам все слышать, бегай вольнодвижения, сна и всякого покоя плоти. Вообще напрягайся умучить плоть и приобучить ее жестокому житию, без всякого саможаления, помня заповедь апостола не творить плоти угодия в похоти и ту беду, которой подвергся Израиль от плотоугодия, в котором утучнел, отолстел, разжирел и оставил Бога, создавшего его¹.

Второй ряд подвигов относится к душе. Первое тут — войди внутрь себя и храни внимание к себе и свое внутри-пребывание неисходным, всячески избегая расхищения помыслов по разным делам и предметам. Чтобы успеть в этом, избери себе из следующих двух какое-либо положение и прикуй к нему свое внимание и чув-

¹ См.: Втор 32, 15. — *Примеч. ред.*

ства, именно: утверди в мысли своей, что ты или находишься в состоянии смерти, или стоишь на суде, когда готово быть изречено тебе последнее решение: «Приди, благословенный» — или: «Отойди, проклятый». Но напрягись принять это и в чувство. Как только воспримешь его в чувство, тотчас отпадут все помышления и будешь стоять ты один, пред лицом Бога, в страхе, умоляя Его быть к тебе милостиву. Это закон тебе неотложный. Ни одно чувство доброе так не отрезвляет, как чувство страха смерти и суда Божия. Поэтому, как только проснешься, тотчас спешి восставить это чувство страха и стать с ним на суде Божиим и потом во весь день не отступай от него, что бы ты ни делал и чем бы ни был занят. Это будет тебе самым верным оплотом от греховных влечений и искушений.

Третий ряд подвигов относится к учреждению нового порядка дел и занятий. Как прежде, когда работали мы греху, все приспособлено было к удовлетворению страстей наших, так теперь, когда мы отстали от греха, все надо приспособить к противлению страстям. Всюду надо ввести новый порядок: в своих занятиях, в семейных делах, в отношениях к сторонним лицам. Сядь и расчисли и учреди все: как, чему, когда надлежит быть, чтобы не расстроилось твое доброе намерение и ты не поскользнулся

опять на старое. И когда будешь упорядочивать свои дела, держи две мысли: устрани все поводы и случаи, могущие возбудить твою страсть, от которой страдаешь; и нисколько не бойся того, что скажут или будут говорить о тебе друзья из-за перемены жизни, которой нельзя теперь скрыть. Бойся же лучше Господа, Который сказал: *Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами* (Мк 8, 38).

Вот и все! Держи плоть свою в постоянном непокое и озлоблении, душу же свою, сосредоточив в себе вниманием, поставь на суде Божием и перемени все порядки твоей жизни, не боясь и не стыдясь никого. Сделай так, и будешь безопасен от падений. Означу это определенными словами: стяжи безжалостность к плоти, несмотрение на людские мнения о тебе и страх Божий, через страх смерти и суда, при внимании к себе. Когда устроишься так, к тебе приступа не будет врагу. Ты будешь как во граде ограждения. А если и подступит когда враг, тотчас отражен и поражен будет. Вниманием заметишь ты его приступ и, схватив его нежалением себя и небоязнью человеческих суждений, поразишь страхом суда. Нежаление себя, небрежение о

том, что скажут, и страх суда суть три меча обоюдоострые, против которых не устоит никакое вражеское искушение. Пока целы в тебе и в силе все эти орудия, враг и не пойдет к тебе. Потому если ты запасся ими и хранишь их, враг не станет тебя искушать ничем, а всю хитрость свою обратит на то, чтобы вырвать у тебя эти орудия, то есть или рассеять внимание, или заставить тебя дать послабление плоти и чело-векоугодию, или погасить страх суда и поселить охлаждение в сердце. Успеет в этом, начнет склонять и на грех; а не успеет, отступит от тебя. Зная это, более всего храни свои орудия, стой неотходно на суде Божиим, бегай всякого покоя плоти и блюди новый порядок жизни неизменным, хоть бы тебя поминутно бранили и даже били. И несомненно устоишь при содействии Божией благодати.

«При всем том, однако же, — говорит святой Лествичник, — надо зорко смотреть, откуда и как дует ветер, чтобы соответственно тому направить и паруса». Враг не дремлет и всякие будет употреблять хитрости, чтобы обмануть тебя. Сначала он совсем отступит и перестанет беспокоить тебя искушениями, чтобы ты подумал, что уже совсем освободился от твоей страсти, и, предавшись беспечности, ослабил свое внимание. Если просмотришь эту хитрость и ослабишь

296 внимание, враг вовлечет тебя в многие помышления и, прежде чем опомнишься, произведет сочетание сердца твоего со страстными делами, после которых ты сам себе сделаешься наветником.

Если в этом не успеет, начнет подступать с тонкими и мгновенными помышлениями, чтобы выманить тебя из твоей крепости и на просторе обезоружить и пленить. Смотри — как это бывает. Среди какого-либо дела как стрелой пролетит помышление, что ты, чай, уже довольно успел. Пролетит такое помышление, и будто его нет. Но след его как царапина остается на душе; и только пропусти это без внимания, начнут тотчас расслабляться силы и возникать в душе позывы: то на послабление себе, то на развлечение, то на отложение обычной строгости в порядках. Поддайся последнему, и недалеко будет от падения.

Если и это не удастся врагу, то он начнет разжигать тебя на излишние подвиги: или на большой пост, или на долгие молитвы, или на уединение, или на другое что — сверх меры, которую мы сами себе положили в начертании порядка своей новой жизни. Чрезмерности эти всегда расслабляют силы, расстраивают порядок и заводят смятение, в котором врагу уже будет легко одолеть тебя.

Если и здесь нет ему успеха, то он начнет приплетать ко всякому твоему добру свое зло, как плющ вьется около хороших деревьев. Ты займешься назидательным богомыслием, а он собьет тебя на совопросничество и пытливость о тайнах Писания, которые охлаждают и развивают пагубное самомнение. Ты будешь заботиться о том, чтобы не оскорбить кого, а он собьет тебя на пагубное человекоугодие. Ты будешь опасаться, чтобы не осудить, а он поспешит навевать на тебя равнодушие и к добру, и к злу. «Так и во многом другом приплетает враг свое, — говорит святой Иоанн, — к страннолюбию чревоугодие, к рассудительности суровость, к кротости двоедушие, к радости самомнение, к надежде леньность и прочее».

Видишь, сколько подсад, как называют сии покушения врага опытные в брани с ним люди. Видишь, сколько подсад, и усугуби внимание и бдительность. В помощь же этому сделай вот что: найди себе доброго отца духовного и, поверив ему все свое, моли Господа, чтобы Он влагал ему сказать тебе всегда благое в созидание. Или, если можешь, найди себе единомысленного брата и вместе с ним веди взаимную откровенность и взаимное друг другу вразумление и укрепление. Если умеешь читать, запасись душеспасительными книгами и, изучая их, ищи

298 в них вразумлений себе и разъяснения недо-
уменных случаев в твоих помышлениях, чувст-
вах и движениях сердца. Этими способами, при
искреннем желании избегать худого и молит-
венном обращении к Богу, всегда будешь силен
распутать хитросплетения врага, увидеть под-
готовленное тебе зло и отразить его потом свои-
ми духовными орудиями.

Сохрани все это, и спасешься от падений. «Но
помни, что венец этому труду тот, — говорит свя-
той Иоанн, — когда во святилище наше внидет
огнь Божий. Ибо тогда не будут уже беспокоить
нас прежде укоренившиеся худые склонности.
Бог наш есть огонь поядающий (Евр 12, 29) всякое
разжжение и движение страсти, всякую укорен-
ившуюся в нас склонность и всякое ослеп-
ление, внутри и вне примечаемое и познавае-
мое». Тогда не подступят к тебе беспечность,
бесчувствие, нерассудительность и слепота —
эти производители всякого падения в грехи и
греховного состояния. Аминь.

6 марта 1866 г.

42. В 5-ю НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Зачем это Господь сделал отказ святым апостолам Иакову и Иоанну с матерью их в их прошении? Просили они нехудого, именно места в Царствии Христа Спасителя: Сотвори, чтобы... сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем (Мф 20, 21). Ужели же нельзя о сем молиться? Но ведь и заповедано: «Ищите прежде Царствия Божия»; и всех нас учит Святая Церковь молиться: «Не лиши нас, Господи, Небесного Твоего Царствия». Что же за причина, что им отказано? После ведь они получили же Царствие и прославлены? Причина та, что они сами себе присвоили право на Царствие, и не только на Царствие, но и на определенное — самое почетное — место в Царствии. А присваивать себе не только определенной степени славы в Царствии, но и самого Царствия нельзя, ибо дарование это состоит в воле Отца Небесного, которой и при строгом исполнении всех условий нам нельзя знать. «Несть Мое дати, — говорит Господь, — но ему же дано будет от Отца Моего Небеснаго».

Так вот нам и урок из нынешнего Евангелия: не присвоять себе Царствия и, работая для

300 3 получения его всеусердно, самое получение предавать воле Божией, чаять его как милости от Отца нашего Небесного, работать в чайнии без притязаний, говоря себе: «Яко раби неключими есмы», хотя бы сотворили и все повеленное.

Напомянуть нам о сем необходимо, потому что мало-мало потрудимся и начинаем трубить пред собою, высить себя и ставить в ряд святых и великих, и хоть языком смиренно о себе говорим, в сердце же чувствуем иначе и сами себя тем губим по неразумию и неосмотрительности. Со страхом и трепетом надлежит совершать нам свое спасение, а не предписывать дерзновенно Богу законов даровать нам его. Бегайте же этой пагубной немощи, а то, на чем можно основывать такое право и такую уверенность, толкуйте совсем иначе — в видах смирения, а не самовозношения.

Что расположило сынов Зеведеевых и мать их обратиться к Господу с таким прошением? Во-первых, то, что они принадлежали к числу верующих, которым дарованы великие обетования; во-вторых, что они оказывали Господу в продолжение Его пребывания на земле особенное служение, ибо мать служила Ему от имений своих вместе с другими; и в-третьих, что уже получили от Господа знаки особенного благоволения и близости. Все подобное уместно и у нас. Но во

всем этом — не повод к притязаниям, а только побуждение к смирению и большему ревнованию о получении Царствия.

И у нас присваивает иной себе Царствие ради того, что он христианин, а христианам сказано: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную* (Ин 3, 36). Истинно так есть. Христианам принадлежит Царствие Божие. Оно и устроено только для христиан. Но надо быть истинным христианином, чтобы присвоить себе то, что обещано христианам. Но истинный ли каждый из нас христианин, сего мы сами определить никак не можем. А определит то в будущем Сам Господь, одному говоря: «Благий рабе», а другому: «Рабе ленивый и лукавый». Так, что мы христиане, — не основание к притязаниям, а побуждение к смирению, страху и большему ревнованию о том, чтобы явить себя истинными христианами.

И у нас иной присволяет себе Царствие ради того, что совершает какое-либо служение Господу. Попостится иной, ходит в церковь, помолится дома, милостыню подаст, устроит богадельню и еще как потрудится ради Господа — и начинает думать, что уже попал во святые, и присволяет себе светлые обители небесные. Похвальны все эти труды и необходимы в деле спасения. Но не ими одними довольствуется Господь; а что говорит? «Сыне, даждь Ми сердце». Кроме дел благочестия

302 и трудов доброделания надобно Господу посвя-
т^тить еще и все чувства сердца. А посвящены ли
все чувства, это знать определенно может одно
всевидающее око Божие, от нас же сокрывается это
нашим самолюбием. Так из того, что трудились,
не к тому надо доходить, чтобы дерзновенно при-
своять себе достоинство близких к Богу, а иметь в
том побуждение к страху, или опасливому по-
мышлению: так ли мы течем, не потрудиться бы
нам напрасно? Чтобы отсюда восходить к ревно-
сти — тщательно наблюдать за движениями серд-
ца и их стараться исправлять и направлять к Гос-
поду, чтобы ничего не любить, кроме Него, и если
к чему бываем расположены, быть расположен-
ными к тому только ради Господа.

И у нас присвоает себе иной Царствие ради
того, что получает иногда признаки особенного
Божия благоволения или Его приближения, ка-
ковы: особенное углубление в молитве, особен-
ное просветление мыслей, сердечная теплота,
чувство нравственной крепости и внешнее Бо-
жие покровительство в делах житейских и граж-
данских. Все это бывает и есть действительно
признак особенного благоволения Божия и ми-
лости; но не к тому это должно располагать, что-
бы думать: вот уже достигли, а чтобы более рас-
паляться ревностью о достижении, подобясь
апостолу, который, и после того как получил да-

рование, говорил: *стремлюсь, не достигну ли я* (Флп 3, 12), то есть стремлюсь более и более — не достигну ли? Когда отец гладит по головке дитя свое или дает ему конфеты за то, что оно начинает разбирать буквы и складывать, значит разве это, что отец считает дитя совершенным? И дитя хорошо бы разве сделало, если бы, возмечтав, что оно сравнялось уже с хорошим чтецом, бросило азбуку? Вот то же и у нас. Знаки особенного благоволения Божия подаются не затем, чтобы заявить окончательное совершенство того, кто их получает, а затем, чтобы возбудить его ревновать более и более о начатом в уверенности, что не вотще стремится; но достигнет ли конца, получит ли и что получит, то в воле общего всех Домовладыки.

Итак, нет оснований, по которым бы можно было нам присвоить себе Царствие. «Как же быть? — скажет иной. — Ведь это может ослаблять всякую охоту. Из чего же трудиться?» Трудись в чаянии получить, без присвоения себе права и притязаний. Путь, которым течем, верен и прямо ведет в Царствие Небесное. И обрати всю свою ревность на то, чтобы тещи по сему пути верно, без уклонений, — и несомненно придешь во врата Царствия; но наперед себе сего не присвой. Отдай это право Господу, чтобы получить от Него сие как милость. Вот,

посмотрите, как в этом отношении действовали святые Божии. Один святой просиял великими добродетелями, но когда умирал, плакал. Братия спрашивали: «Ужели и ты боишься, отче?» Он отвечал: «Всю жизнь мою я ревновал идти истинным путем, но не знаю, что определит о мне милостивый Владыка». Другого святого сатана всячески старался искусить самоприсвоением себе спасения. Когда умирал он, сатана говорил ему: «Победил ты меня» (а это то же, что спастись и в Царство Божие внити). Святой отвечал: «Ты ложь и лжешь, что я победил тебя. Еще не пришло время сказать это». При прохождении через мытарства сатана опять говорит святому: «Победил ты меня». — «Отойди, лукавая прелесть, — отвечал святой, — еще не пришло время говорить так». Когда святой входил в самые врата Царствия, сатана издали кричал: «Победил ты меня». Святой отвечал: «Теперь верую, что ты побежден; но не я победил тебя, а Господь мой Иисус Христос во мне, недостойном, победил тебя».

Вот как надо бегать присвоения себе Царствия, при всех трудах о получении его. Но совсем не затем, чтобы расслабляться в ревновании или склоняться на нечаяние получить Царствие, а затем, чтобы, со страхом и трепетом содевая себе спасение, все более и более рас-

паляться ревностью о его получении. Трудись без щадения сил и живота, но не засматривайся на то, что сделано, и не мечтай о том, что следует получить за сделанное, а все внимание обрати на то, что предлежит еще тебе сделать, и бойся пропустить что из того, что надлежит тебе делать. Трудись в чаянии несомненном без присвоения.

А отчаиваться не должно. Смотрите на Марию Египетскую. Ей посвящается нынешнее воскресенье. По обращении от греховной жизни ко Господу каких не подъяла она трудов? Но до самой смерти все говорила: «Грешница я непотребная, не достойная никаких милостей Божиих». И это даже тогда, когда по прозорливости и имя Зосимы угадала. Иначе ведь и нельзя. Кто истинно трудится, тот видит ясно, что если не помощь Божия, ничего не сделаешь. Как этот урок повторяется всю жизнь, то и образуется в сердце одно убеждение, что наше одно худое, все доброе от Господа. А отсюда что остается? Остается одно — вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» Но без всякого движения отчаяния или даже нечаяния. Вот и Господь, когда предложил сынам Зеведеевым условие: «Можете ли пить чашу?» — и они обещались: «Можем», то есть приняли условие, Он не сказал им: «Не получите», а только сказал, что «не от Меня [зависит], но кому

306 уготовано Отцем Моим». То есть: пейте чашу, не-
сите все трудности, сопряженные с последовани-
ем Мне, но получение за то Царствия и степени
славы в Царствии предайте в волю Отца Моего
Небесного. А это то же, что — трудись в чаянии,
без присвоения. Вот так тецьте и вы, братие, да
постигнете! Аминь.

9 апреля 1861 г.

43. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Пример покаяния святой Марии Египет-
ской так многообъятен и так многопо-
учителен, что Святая Церковь хочет осо-
бенно напечатлеть его в сердце нашем. Почему
кроме дня ее памяти ей посвящается нынешнее
воскресенье, то есть пятой недели Великого по-
ста, и, кроме этого, ее именем означаетсся стоя-
ние, на котором канон ее соединяется с Великим
покаянным канонем. Кажется, достаточно по-
буждения к тому, чтобы остановиться внимани-
ем на ее обращении и поучиться в нем. Послу-
шаем же сего урока.

Не буду разбирать всей жизни преподобной.
Остановлюсь на первом действии над ней бла-
годати Божией, пробудившем ее от греховного
усыпления. И остановлюсь не затем, чтобы при-

гласить вас к подражанию, ибо как подражать тому, что не от нас, но затем, чтобы указать, как и каждый может и должен располагать себя к тому, чтобы сподобиться такой же благодати.

Обращение святой Марии Египетской принадлежит к чрезвычайным обращениям. Вы видите, что она вся погружена в грех и думать не думает отстать от него. Но приходит благодать и поразительным своим действием пробуждает ее от греховного усыпления. Пробужденная, она видит гибельность своего состояния и решается измениться на лучшее. С ней было то же, как если б кто был погружен в тину и — сторонний кто, подойдя, сильной рукой исторг его из глубины и поставил свободным на твердую землю. Таково же было обращение святого апостола Павла и многих других.

Но то, что принадлежит к особенным, чрезвычайным действиям Божиим, по тому самому не может быть общо всем. И если бы кто, основываясь на этих примерах, отказался от всякой со своей стороны заботы о своем обращении и всякого понуждения себя к тому, говоря как бы благодати: «Приди, возьми — и пойду», тот был бы несправедлив и сам бы себя губил, предавшись в руки своего падения. Общий всем путь таков: ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам. Хотя и при этом действие благодати

обращающей тоже знаменуется поражением и потрясением, но оно подготавливается личным трудом, вымаливается, вынуждается как бы у Бога. Видит Господь болезненный труд и дает по труду. А в первом Он не ожидает сего труда, а действует прямо; труд же последует уже затем. Так действует Господь над особенными избранныками Своими. Нам же надо идти общим путем и самих себя нудить к обращению, когда имеем время благоприятное и проходим дни спасения.

Что же такое надо делать нам над собой, чтобы заслужить эту благодать обращения, чем утруждать себя, к чему нудить, чтобы тем показать всевидящему Господу, что желаем, и ищем, и жаждем Его в нас спасительного вседействия?

Укажу вам это коротко. Возьмем человека в таком положении, что ему пришла только простая мысль: уже в самом деле не заняться ли собой и не подумать ли об исправлении жизни. Простая мысль; но ни сочувствия ей нет, ни желания последовать ее внушениям. Разум только требует. Но ведь сколько бы ни требовал сего разум, дела не будет, пока не возбудится ревность, энергия усыпленной совести. К возбуждению сей-то ревности и поведем теперь душу, которую каким-либо образом, как гостя небесная, посетила мысль о спасении.

Так, пришла мысль об исправлении себя; совесть ли внушила ее или Ангел Хранитель принес, не бросай ее, а тотчас возмись за нее и начинай производить над собой, так назовем, операции, какие дали бы сей мысли возможность овладеть всеми силами твоего существа. Действуй в этом опыте противоположно тому, как действует в нас грех, противоположно вообще тому порядку расположений, которыми задерживается человек в грехе. Грех опутывает душу многими сетями или скрывается от нее под многими покровами, потому что сам по себе он безобразен и с первого раза мог бы оттолкнуть от себя всякого. Покровы сии суть: *самый глубокий* и ближайший к сердцу покров, составленный из *самообольщения, нечувствия и беспечности*; выше над ним и ближе к поверхности душевной лежит *рассеянность с многозаботливостью*; затем следует покров верхний — *преобладание плоти* и наружный порядок *внешней жизни*, пропитанный грехами и страстями. Грех живет в сердце, откуда овладевает всей душой, проникает в тело и во все наши дела и отношения или во все поведение.

Итак, начинай снимать эти покровы один за другим с целью разоблачить от них дух, опутанный ими, как снимают с земли пласт за пластом, чтобы открыть положенное там сокровище.

Начни с самого наружного покрова.

1) Прекрати на время обычные дела и сношения, особенно те, какими питается владычественная страсть. Глаз, ухо, язык — это самые широкие протоки греховной пищи. Пресеки их *уединением*.

2) Затем возмись за тело: откажи ему не только в удовольствиях, но сократи удовлетворение и необходимых потребностей сна и пищи. Утончишь плоть; душа освободится из связанности веществом, станет подвижнее, легче и примчивее для добрых впечатлений. Это и производит *благоразумный пост*.

3) Уединение и пост облегчают душе обращение на себя самое. Но входя в себя, она встречает там страшное смятение, производимое многозаботливостью и рассеянием мыслей. Заботы то об одном, то о другом, то о третьем теснятся в сердце и не дают душе заняться собой, не дают ей остановиться, а все гонят ее вперед и вперед. Вот и надобно их подавить, выгнать из души и сердца, хоть на это только время. Пока это не сделано, никакие дальнейшие над собой действия невозможны или они останутся совершенно бесплодны. Забота щемит или точит сердце. Но и когда этого нет, пустые мысли бродят в голове одна за другой или одна наперекор другой и производят там такое же смятение, какое бы-

вает в метель или бурю. В таком состоянии ничего прочного и твердого нельзя посеять в душе. Почему надо собрать рассеянных чад своих — помыслы — в одно, как пастырь собирает овец или как выпуклое стекло собирает рассеянные лучи солнца, и обратить их все на себя. Это производится вниманием, или трезвением.

4) Пусть наконец заботы стихли, мысли успокоились, ум собрался в себя и установился на одном. Три или четыре покрывала уже сняты. Ты стоишь теперь у своего сердца. Пред тобою твой внутренний человек, погруженный в сон беспечности, нечувствия и ослепления. Приступи теперь бодренно и потрудись неленостно. Начнется главное дело — пробуждение от сна.

Прежде всего поспеши снять с очей ума покрывала, держащие его в ослеплении. Отчего человек не страшится за себя и не заботится о себе? Оттого, что не видит опасности своего положения. Если б он это видел, не мог бы оставаться покойным, как не может спокойно сидеть в доме тот, кто видит, что он объят пламенем. Не видит же человек-грешник опасности своего положения оттого, что по какому-то обольщению видит себя в состоянии удовлетворительно хорошем. Вкрадываются в него ложные льстивые представления, которые как сеть опутывают ум и закрывают человека от самого себя. Этих

представлений, или тонких помышлений, очень много. Иной, например, говорит: «Я — христианин» — и остается покойным, подобно иудеям, говорившим: «Отец наш есть Авраам»; переносит на себя христианские преимущества и обетования — без христианства или усвоет имени, месту и одежде то, что может лежать и держаться только на силе и внутреннем достоинстве. Иному приходит на мысль видное внешнее состояние или лезут в глаза телесные совершенства — сила и красота — и душевные дарования, умственные и эстетические, и ослепляют его тем сильнее, чем резче отличается он ими от всех окружающих. Иной ослепляется какими-нибудь видными делами или даже совершенствами деятельными, каковы благоразумие и осмотрительность, особенно когда это успело окружить его уважением, даже не от одного простого народа. А иной, наконец, поживает на том, что не он один: и тот-то такой же, и тот-то, даже и вот кто; обольщает себя разливом греховных обычаев, как будто от множества грешащих грех становится менее грешным. Такие и подобные этим мысли держат в ослеплении. Потому, войдя в себя и сосредоточив свое внимание, начинай отнимать эти опоры ослепления, разрушать эти пустые надежды, или эти «непщевания вины о гресех», против которых молился пророк Давид.

Изводи всякую из сих мыслей на середину и поражай ее христианским здравомыслием. Убеди себя, что твое христианство ни во что, если ты худ; что совершенства твои больше осуждают тебя, нежели оправдывают, если не обращены во славу Божию; что ни уважение тебя от других, ни их худоба не помогут тебе. Рассуждая так, мало-помалу будешь объединяться в мысли и становиться одним пред взором ума и совести, которые подадут сильный голос против тебя, особенно когда, сличив себя, как ты есть, с тем, каков должен быть, найдут, что ты никуда не годен. Если вследствие сего начнешь ощущать чувство опасения или робения за себя, то это добрый знак. Это предвестие бегства греха, как колебание рядов воинских предвещает близкое обращение в бегство всего войска.

Так вместе с самовидением пробуждается самочувствие. Почему, не отставая от рассуждений, разоблачающих ослепление, вслед за первым движением духовного чувства поражай себя еще более и потрясай сердце свое какими-либо представлениями, могущими отворотить от греха и возбудить к нему омерзение.

Поживее вообрази, что такое грех в себе самом. Это язва, бедственнейшая из всех язв: он отделяет от Бога, расстраивает душу и тело, предает мучениям совести, подвергает бедствиям в жизни,

в смерти и по смерти, заключает рай, ввергает в ад. Авось такими помышлениями разовьется в сердце отвращение к сему чудовищу.

Поставь грех в отношении к диаволу и смотри, какого безобразного друга и деспота ты приобретаешь грехом. У диавола спор с Богом. Он как бы говорит Ему — всецедрому: «Ты все им даешь, но они отступают от воли Твоей; я же ничего не даю, но делаю то, что они мне одному работают с такой неутомимостью». Он льстец. Теперь, ввергая в грехи, обещает за них некоторую сладость, а там их же с злобной насмешкой будет выставлять в наше обличение, если не покаемся. Он трясется от злобной радости, если кто попадетя в его руки. Помяни все это, авось почувствуешь и сам неприязнь к этому ненавистнику нашему и делу его в нас — греху.

Обратись, наконец, к Богу и рассуди, что такое грех пред лицом Его — всеведущего и вездесущего, всеблагого и всецедрого, Промыслителя и нашего Искупителя. Обличив себя в преступном к Нему невнимании, бесстрашии и неблагодарности, авось возбудишь в себе спасительную жалость и печаль по Бозе.

Когда таким образом мы будем втеснять в сердце свое одно за другим сокрушающие чувства, то отвращение и ненависть ко греху, то страх и ужас к грехоначальнику, то жалость и печаль

о Господе — оно мало-помалу будет согреваться и приходить в движение. Как струи электричества сообщают телу некоторую напряженность и возбужденность или как прохладительный чистый воздух сообщает некоторую свежесть и подвижность, так и эти чувства приведут в движение усыпленную энергию деятельных сил, расположат наконец человека — встать и действовать в свое спасение в опасном своем положении. Это первые движения попечения о спасении души. Когда это произойдет, не замедли подействовать на себя и с сей стороны: гони сон беспечности. Понуждай себя всячески привести в напряжение свои силы и теперь же приступить к делу, не отлагая. Отложишь, хуже будет: больше привыкнешь к греху, грех более в тебе оразнообразится и более запутанными соделаются обстоятельства и греховные связи. Так отяготишься наконец грехом, что и не встанешь; зайдешь за черту, из-за которой, может быть, нет уже возврата. Поспеш же!

Помяни при сем «последняя твоя». Говори себе: «Вот смерть; один, другой умирают около тебя; вот-вот и за тобой придет черед. Как меч над головой, готов удар смерти и поразит внезапно. Потом суд; твоя «тайная» объявятся пред Ангелами и всеми святыми. Там будешь один с делами твоими. От них или осудишься, или

оправдишься — или в рай, или в ад. Смотри, в рай не входят с грехами, а ад запечатлен печатью отвержения Божия. Там мука без отрады и конца. Не пора ли сбросить эту ношу, приготовляющую такую беду?»

Чтобы вернее было действие всех этих мыслей, заключи их все в один какой-либо образ и носи его в уме как постоянного какого возбuditеля. «Представь себе, — говорит святитель Тихон, — над тобой меч правды Божией, под тобой ад, готовый пожрать тебя, впереди тебя смерть, сзади бездна грехов, по правую и левую сторону множество злобных врагов. Устрайся так мысленно, ты постоянно будешь слышать внутри себя голос возбуждающий: тебе ли быть в беспечности?»

Сими и подобными рассуждениями и действиями снимется наконец и последний покров греха, составленный из беспечности, нечувствия и ослепления. Теперь открыт человек-грешник себе, он небесчужден к своему опасному положению и нередко порывается встать и идти; но этим еще не все сделано. Тут недостает, очевидно, главного — благодатного возбуждения. Труд употреблен, искание обнаружено; но все это составляет только опыты усилий к привлечению благодати с нашей стороны, а отнюдь не самое дело, которого ищем. Ищем и толчем — дарование же в воле Раздаятеля, Который разделяет

властью коемуждо, якоже хочет. Итак, при рачительном употреблении исчисленных средств, ходи ожидая посещения Божия, которое, хоть всегда готово, но никогда не приходит с усмотрением. Для того поставляй себя в тех обстоятельствах, в которых обыкла действовать благодать, иди как бы навстречу ей. Посещай храмы Божии и участвуй во всех священнодействиях, читай или слушай слово Божие, веди беседы с богобоязненными людьми, начни какое благотворение или труд, более же молись. Молись и в храме, и дома, понуждая неотступностью Щедродателя к дарованию тебе, как хлеба насущного, благодатной помощи во спасение. Так трудись, напрягайся, ищи, и обрящешь. Так толцы, и отвержется тебе. Увидит Господь Спаситель труд сей во спасение и пошлет спасительную благодать Свою, которая, придя, разорвет все нити греха и даст душе свободу тещи путем Господним, в пустынном ли уединении или в кругу общежития. Придет, то есть, то, что святой Марии Египетской дано было туне.

Что после подобает сотворить, научит сама посетительница душ: как научила Марию Египетскую, как научает всякого, кто сподобится ее и покорится ей.

Судя по всему, что необходимо нам совершать над собой, чтобы снискать эту возбуждающую

к обращению благодать, видеть можете, что самое благоприятное для сего время — святые посты, тем более святая Четырехдесятница. Это есть сокращенная программа целесообразного говения. Почему и предлагается нам пример святой Марии Египетской теперь, в пределах поста, чтобы привести его нам на память, обратиться нас к заботливому разбору — поговели ль мы и поговели ль как следует? Поговевший как следует должен чувствовать себя возбужденным, оживленным, напряженным к усилиям в деле спасения. Цель его — чтобы или стяжать благодать, или возратить потерянную, или усилить ее огонь, начинавший угасать, а не только чтобы походить в церковь и попоститься. И внешний порядок нужен, но главное — в изменении внутреннего настроения. Сподобился ли кто этого, — благодари Господа; не сподобился, — есть еще время. Приступи к спасительному поприщу труда над собою — и получишь. Господь близ. Приблизься и ты к Нему, и несомненно произойдет сочетание у любообщительного Господа с твоей душой, созданной по образу Его и подобию, Им искомой и Его ищущей. Аминь.

5 апреля 1865 г.

44. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Сколько недель уже поем мы: «Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче!» И всякий раз получаем от Господа утешительный и воодушевительный на покаяние ответ — или в евангельских чтениях, или в воспоминаниях, соединенных с недельными днями. Дело покаяния походит на то, как если Домовладыка сидит во внутренних покоях и какие-нибудь лица, ища входа к Нему, взывают совне: «Отвержи нам, отвержи нам двери!» Домовладыка же изнутри одному отвечает: «Иди, отворена дверь»; другому: «Иди, дверь незамкнута, только притворена, отвори и войди»; третьему: «Ключ там снаружи; найдя его, вложи в замок, поверни, как требует ключ, отворишь и войди!» Разные лица, разные им ответы и разные труды при входе в дверь. Но все, вступив в дверь, дерзновенно входят внутрь, приближаются к Домовладыке, повергаются к ногам Его, удостоиваются милостивых Его объятий и поставляются вблизи — утешаться близостью Его всеублажающей. Понятна ли вам эта притча?

Домовладыка — это Господь, принимающий кающихся грешников и опять приближающий их к Себе. Из проходящих же к Нему кто это — первые, находящие дверь отворенной? Это те, кто по

320 предыдущей исповеди и Святом Причастии сохранили себя чистыми от всякого греха, и мысли и чувства свои не осквернили никакой нечистотой, и огонь ревности сберегли неугасимым. Кто вторые, нашедшие дверь притворенной? Это те, кто иногда ослабевали в ревности богоугождения, поддавались по временам беспечности и нерадению и хотя соблюли себя от смертных грехов, но не всегда мысли и чувства свои сохраняли чистыми пред Господом. Кто третьи, для которых дверь замкнута и ключ брошен, так что и его еще надо найти? Это впадшие в смертные грехи, поработившие себя страстям и греховным привычкам и впадшие через то в окамененное нечувствие, в беспечность и ослепление.

К какому-либо из сих классов принадлежим и мы. К какому же причислим себя? К первому? Найдется ли кто такой? Ко второму? И эти редки. Остается причислить себя к третьему. Блаженны первые. Не совсем худо и вторым. Но не будем отчаиваться и мы, грехами обремененные и страстями опутанные. И нас готов принять Господь, и нас зовет, и нас примет и допустит к Себе. Пусть дверь замкнута и ключ не знать где — поищем и найдем; отворим дверь и войдем ко Господу. Ручательство в успехе — вот святая Мария Египетская, ныне воспоминаемая. Неприступна и невходна была для нее дверь. Да-

ровал же ей Господь умудриться и войти. Пойдемте ее следом, и всего достигнем.

Что такое с нею сделалось, что дверь, невходная для нее прежде, стала вдруг входной? Ведь она ничего особенного не предпринимала. Тут же стала к сторонке и стояла, и никто звука из уст ее не слышал. А минуту спустя пошла и нашла дверь, прежде невходную — входной. Стало, она в эту минуту и ключ нашла, и дверь открыла, и все препятствия устранила. На эту-то минуту и надо нам поприскатьнее посмотреть и разуть ее силу. Что же тут такое делалось?

Сами видите, что внешне тут ничего не происходило, а все совершилось внутренним изменением мыслей и чувств. Узрела, говорит, я всю бездну греха, и ужас объял меня от чувства гнева Божия, готового поразить меня за грехи мои. Омерзела мне страсть моя, губившая меня; я отвратилась от нее сердцем и возненавидела ее. И обет дала Господу — не возвращаться к прежним мерзостям и работать Ему единому все дни жизни моей, споручницей Ему предлагая Пречистую Владычицу, родившую Его. Вот что произошло! Всмотритесь, и найдете здесь и ключ, и отомкнутые двери, и отвержение ее.

Какой это ключ от двери покаяния? Это суть болезненные покаянные чувства: чувство своей грешности и виновности в ней, чувство гнева

322 Бо́жия за грехи и ужасание от него, чувство со-
крушения и раскаяния во всех грехах.

В чем состоит поворот ключа, отмыкающий замкнутую дверь? В омерзении ко греху, в возненавидении его, в отвращении от него сердца и обращении его к Богу и делам, угодным Богу.

В чем состоит отворение двери покаяния? В крепком и непоколебимом намерении не возвращаться к прежним непотребным делам и в искреннем обете отныне Господу единому работать все дни остальной своей жизни. Так — сознать грехи, сокрушиться и восскорбеть о них, отворотиться от них и обратиться ко Господу, обещающая не поблажать страстям и грехам, — вот и отворена дверь.

Что же, если все сделано, тотчас уже — и войдем? Нет еще, надо получить дозволение на вход. Дозволение это покупается через исповедание нами своих грехов, а вручается оно нам через разрешение грехов от духовного отца. После сего остается только войти, приблизиться к Домовладыке и сподобиться объятия Его и близкого к Нему стояния. Совершается это через святое причащение.

Вот показала нам святая Мария Египетская, что за ключ от замкнутой двери покаяния, как его найти, как им поворотить, чтобы отомкнуть, как дверь отворить и наконец войти. Идите же

этим следом все, кому нужно. А кому сие не нужно? Пойдемте ж все. Никто не отказывайся, никто не отставай от других, никто не отчаивайся. Всех зовет Домовладыка и всех ждет. Пойдемте, друг друга понуждая и друг друга поощряя. Скажем стоящему: «Ты что стоишь, разве хочешь оставаться вне Его блаженного крова, что упираешься ногами и ни с места? Ты разве не взываешь вместе с Церковью, или языком только взываешь, а не сердцем: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче?» Что же стоишь? Приступи к делу. Все у тебя под руками. Немного труда, и все найдешь, и во всем успеешь. Вот и ключ; осмотри, как им поворотить, и как дверь открыть, и как попутную получить. Вот, смотри сквозь отворяемую другим дверь, и объятия Отча, к тебе простертые и готовые принять тебя. Ужели еще будешь мешкать, беспечно озираясь сюда и сюда, бесполезно тратя короткое и дорогое время?»

Да, братие, коротко уже дорогое время! Дорогое время есть время поста и покаяния. А его осталось неделя с небольшим. Пропустил; дождешься ли его снова? Говорю сие тем, которые еще не примирились с Господом и видят себяотягченными множеством грехов. И говорю в предостережение, как бы кто, отлагая говение неделю за неделей, и совсем не отложил бы его

в этот пост. И будет целый год томиться под тяжестью грехов и гнева Божия за них. И хорошо еще, если доживем до следующего благоприятного времени. А то и на тот свет пойдем непомилованными; а там и без нас, конечно, отворят нам дверь, но уже не покаяния, втолкнут в нее и запрут навсегда; за ней же встретят нас не объятия Отца, а огонь неугасимый, червь неусыпающий и духи злобы, ненавистники наши.

Сие приводя на память, поспешим, братие, отворить себе дверь покаяния, по указанию преподобной Марии Египетской, еяже молитвами да умудрит нас Господь в сем столь нужном для нас деле. Аминь.

21 марта 1865 г.

45. В ТУ ЖЕ НЕДЕЛЮ

Ныне прославляется святая Мария Египетская, из великих грешниц — великая праведница. Итак, радуйтесь, грешники! Вам не только отверста дверь покаяния, но и открыт чертог славы. Смотрите, чем была Мария и чем стала, и воодушевитесь к мужественному течению ее путем. Воззвал ее Господь, она встала и пошла и, пойдя, уже не возвращалась вспять. Зовет и нас всех ныне Господь, и кто не отозвал-

ся на Его милостивое призвание? Почти все уже поговели, исповедались и причастились Святых Таин, то есть вняли призыванию и восстали. Пойдемте же теперь неуклонно и тем путем, каким пошла Мария, восстав от падения, чтобы достигнуть и того, чего напоследок достигла она.

Святая Мария, покаявшись, все оставила и, перейдя Иордан, там, в пустыне, проводя жестокое житие, очистилась от страстей и спаслась. Вот образец! Готовьтесь на подражание.

Так действовать, может быть, никто из вас не давал обета буквально; но все должны поступать именно так, если смотреть не на внешний образ действий, а на их дух и силу.

Удалившись в пустыню, святая Мария отстранилась от прелестей мира и отстранила тем все искушения с их стороны. Грех после этого мог влечь ее только чрез плоть. Но и плоти не было покоя в пустыне. Пост, долулегание, зной и холод истощали ее. И вот два мощных способа, через которые она устояла в борьбе и одолела грех: удаление от мира и истощение плоти.

Истощение плоти есть способ всем нам понятный и подручный. Умали меру пищи, назначь себе побольше труда и поменьше отдыха и сна, вместо мягкости избери жесткое, вместо тепла холод, вместо распущенности напряжение, вместо всяких плотских утех самоозлобление — и будешь

истощать и измождать плоть свою и тем замаривать страсти, имеющие в ней свое седалище. Но как от мира удалиться нам, живущим в мире?

Есть удаление от мира телом — это удаление в пустыню. Но есть удаление от мира не выходя из мира, — удаление от него образом жизни. Первое не всем уместно и не всем под силу; а второе для всех обязательно и всеми должно быть выполнено. И вот к сему-то приглашал нас святой Андрей в своем каноне, когда советовал удалиться в пустыню благозаконием. Итак, брось обычаи мира; и всякое твое действие и всякий шаг совершай так, как повелевает благий закон евангельский, и среди мира будешь жить, как в пустыне. Между тобой и миром это благозаконие станет как стена, из-за которой не будет виден мир. Он и пред глазами у тебя будет, но не для тебя. У мира будут свои чередования изменений, а у тебя свой чин и свои порядки. Он пойдет в театр, а ты в церковь; он будет танцевать, а ты класть поклоны; он будет на гулянье, а ты дома в уединении; он в празднословии и смехотворстве, а ты в молчании и богохвалении; он в утехах, а ты в трудах; он в чтении пустых романов, а ты в чтении слова Божия и отеческих писаний; он на балах, а ты в беседе с единомысленными или с духовным отцем; он в корыстных расчетах, а ты в самопожертвовании; он в стра-

стных мечтаниях, а ты в богомыслии. И так начертай во всем себе правила и заведи порядки жизни, противоположные обычаям мира, и будешь в мире вне мира, как в пустыне. Ни тебя не будет видно в мире, ни мира в тебе. Ты будешь в мире пустынножитель. И станешь подражателем святой Марии без удаления в пустыню.

Если, как помянул я, присоединишь к этому и то, чтобы тело свое держать в пощении, трудах, бдении и вообще в лишении всякого покоя, то будешь обладать обоими способами, какими одолела свои страсти святая Мария и спаслась.

Сокращу это в двух словах: бегай покоя плоти и заведи порядки жизни, противоположные обычаям мира, или огради себя благозаконием. Сделай так — одолеешь страсти и ты, и спасешься.

Ибо вот что будет у тебя, как учит святой Исаак, если ты возобладаешь этими двумя способами: покорность чувств, трезвость ума, кротость помыслов, светлые движения мысли, рачительность к делам, высокие и тонкие умопредставления, слезы, не знающие меры, память смертная, чистое целомудрие — далекое от всякого мечтания, искушающего мысль, таинственные понятия, какие ум постигает при пособии Божиих словес, страх, отсекающий леность и нерадение и погашающий всякое вожделение, — а в конце

328 всего — свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом во Царствии. Вот и спасение.

Если же кто вознерадит об этих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, но поколеблет и самое основание добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу, так если кто отступит и удалится от них, то придет к противоположным им порокам: плотоугодию и телесному скитанию, то есть хождению по обычаям мира, которые открывают вход в душу всем грехам и всем страстям.

Ибо поблажь только обычаям мира, которые все — не что иное, как телесное скитание, — поблажь только этому скитанию, смотри, что будет от него? Неуместные и неожиданные сходбища (я продолжаю слово святого Исаака), приближающие к падениям, мятеж сильных ощущений, возбуждаемых видением, быстрое воспламенение, овладевающее телом, неудержимые помыслы, стремящиеся к падению, охлаждение любви к делам Божиим и совершенное оставление правил новой жизни твоей, возобновление забытых худых дел и обучение иным, которых прежде не знал. И страсти, которые, по благодати Божией, были уже умерщвлены в душе заб-

вением памятований, хранящихся в уме, снова начнут приходить в движение и понуждать душу к их деланию. Вот что откроется в тебе вследствие одной первой поблажки, то есть скитания тела по обычаям мира и нетерпеливости в перенесении скорбного пребывания в новом порядке жизни. А что произойдет от плотоугодия и особенно чревоугодия, того и перечислить нельзя. Отсюда тягость в голове, великое отягощение в теле и расслабление в мышцах, оставление молитвенных правил, леность класть поклоны, омрачение и холодность сердца, одебеление ума и помыслов, омрачение, густой и непроницаемый туман, простирающийся по всей душе, сильное уныние и скука при всяком деле Божием, а также при чтении неспособность вкушать сладость словес Божиих, скитание мыслей по всей земле, скверные призраки, наполняющие душу и разжигающие похоть; непрестанное и нестерпимое разжжение во всем теле, а отсюда новые обольстительные помыслы, с которыми сочетаваясь, душа падает в страсти бесчестия, сначала в себе — сосложением, а потом и вне — самим делом.

Вот горькие плоды от скитания по обычаям мира и всякого упокоения плоти! Знает враг, что кто поддастся им, тот будет ему верной добычей. Потому всячески покушается или

330 расстроить заведенные новые порядки доброй
жизни, или склонить к какой-либо поблажке
плоти. Поступись в одном, впадешь и в другое,
а при том и другом не избежишь падения в грех
и возвращения прежних страстей. Поблажь
плоти, она приведет тебя к поблажке и обыча-
ям мира. Или поблажь обычаям мира, они при-
ведут тебя к поблажке и плоти. Один враг пере-
давать тебя будет другому, не отставая и сам; и
вдвоем потом всякий раз увлекут тебя в паде-
ние. Зная эту беду, стой твердо в начатом. За
плоть будет стоять животолюбие, за мир чело-
векоугодие. Противопоставь им ощущение ис-
тинного живота в озлоблении плоти и общение
с истинными человеками в отвержении обыча-
ев мира. Начнет ныть плоть и тосковать душа,
вооружись терпением. Воодушевляй себя тем
помышлением, что все одно — смерть впереди.
От поблажки плоти и миру смерть через паде-
ние в грех — смерть истинная и вечная. Плоть
и мир тоже стращают смертью тех, кто идет
против их требований, но эта смерть — при-
зрачная, не действительная, а выдуманная
врагом для устрашения нас. Обречем лучше се-
бя на эту смерть во спасение, чтобы избежать
смерти пагубной.

Трудно, конечно, потому этот путь и называ-
ется путем тесным и прискорбным, только к не-

му приложено неложным Богом утешительное обетование, что он вводит в живот. Но ведь только безумные, как говорит святой Исаак, малый, близкий покой предпочитают отдаленному Царству, не зная, что лучше потерпеть мучение в подвиге, нежели покоиться на ложе земного царства и быть осуждену за леность. Мудрым вожделенна смерть, только бы не подпасть обвинению, что какое-либо из дел своих исполнили без трезвости. Не унывай, когда дело о том, что доставит тебе жизнь, и не поленись за то умереть.

Такими помышлениями и такими отеческими наставлениями укрепляйте свою решимость стоять в новых добрых порядках жизни, в противоположность обычаям мира, и не творить угодия плоти в похоти. Этим вы избежите мучительного дела — раболепства греху — и скоро войдете в свободу чад Божиих, когда, укрепляемые силой Божией, уже беспрепятственно, без усилий, без особых жертв начнете ходить в заповедях и повелениях Божиих, как сыны ходят в дому отца своего. Аминь.

1 марта 1866 г.

46. ВО ВТОРНИК СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ

Грядый Господь на вольную страсть, апостолом глаголаше на пути: се восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет на пропятие. Приидите убо и мы, шествуем Ему и сраспнемся Его ради житейским сластем».

Так Святая Церковь приглашает нас шествовать, спострадать и сораспяться Господу в эти дни, посвящаемые воспоминанию Его Божественных страданий и смерти. Как послушные чада, вы вняли сему материнскому призванию и вступили на указанный ею путь шествия Господу. И мне предлежит ныне не убеждать вас к повиновению, а, утешаясь вашим повиновением, пожелать лишь, чтобы вы полнее и совершеннее привели к концу уже начатое вами. И в самом деле, если б кто из вас спросил: «Вот Церковь приглашает нас шествовать Господу, идущему на вольную страсть; как же это нам сделать?» — то им нечего было бы ответить, кроме разве: «Делайте что делаете, только делайте как следует — и будете шествовать Господу».

Вот вы поститесь, ходите в церковь и дома молитесь, оставили на время житейские дела и

пребываете более с собой, наложили на себя благочестивые занятия и отнимаете для того часть времени у сна — большую или малую. Так и делайте. Пощение до того, чтобы тело ощущало лишение довольства в пище и питии, молитвенный труд до утомления плоти, устранение обычных взаимных соотношений с принуждением себя к занятиям душеспасительным, бодрствование, несмотря на то что клонит ко сну, и многое другое, сопряженное с выполнением говения, составляет первый шаг в следовании за Господом на распятие. Надобно только охотно, без саможаления поднять эту тяготу. Человек животолюбив. Малое оскудение в пище и лишение сна или утруждение и необычное утомление раздражает вопль плоти, и ему кажется, что покушаются отнять у него жизнь. Кто теперь, несмотря на этот вопль, на это как бы расставание с жизнью, не только не поддается саможалению, а напротив, с желанием самоозлобления нудит себя на показанные труды, тот всякий раз, как делает сие, делает шаг вслед Господа. И надобно сказать, что только такой и сшествует Ему в сем отношении. Так ли это у вас? Если так, то вы у цели. Если же нет, позаботьтесь приложить к труду, который все же не сете, это безжалостное желание озлобить плоть свою ради Господа. Этим вы принесете Господу

в жертву животолубие или понесете на сораспятие с Ним свою плоть, подражая хотя мало Его подвигу в Гефсиманском саду.

Начав так, понудьте себя и еще поближе придвинуться к Господу в последовании за Ним. Я хочу сказать: утруждая плоть, потрудите и душу. Хотя тело и душа составляют одного человека, но, как вам ведомо, нередко тело делает одно, а душа другое. Приведите же в согласие в трудах, вами теперь подъемлемых, с телом и душу. Постясь телом, заставьте поститься и душу; отсекайте пожелания, подавляйте возникновение страстных движений: гнева, осуждения, возношения, корысти, неуступчивости и прочее. Утруждая тело стоянием на молитве здесь, в храме, или дома, потрудитесь и душой стоять благоговейно пред лицом Господа в сердце, во внимании к читаемому и поемому. Устраняете молву житейскую и уединяетесь телом — приложите к сему нерассеянность ума и сосредоточение в себе самих. Заставляете бодрствовать тело — возбудите и бодренность духа или живое устремление усердия ко Господу. Понуждаете себя на духовные занятия, понудьте и душу свою возыметь желание к ним, которым она не всегда может похвалиться. Когда сделаете так, свяжете тем душу. И она, привыкшая к вольнодвижениям и вольнодействиям, ощутив на себе

узы, начнет томиться как в неволе и подымет вопль недовольства. Но не ослабевайте в самопринуждении. Этим вы уподобитесь Господу, когда Его связанного повели на суд, и станете, следовательно, еще ближе к Нему в сшествии Ему на вольную страсть. Труд тела и души вместе есть то же, что ступание то на одну, то на другую ногу, и представляет благоуспешнейшее шествие вслед Господа.

Подойдемте еще ближе. Станем на суд, подобно Господу. Вы уже и задумали это сделать. Разумею ваше говение с целью приобщиться Святым Христовым Таин. К достойнейшему причащению приготавливаются очищением души своей от всех грехов в покаянии. А это вот чего требует: пересмотри жизнь свою и сличи ее с евангельскими заповедями, отметь все несообразное с ними, сознай свою виновность в том и осуди себя без самооправдания, сокрушись сердцем и оплачь все, чем оскорблен Господь, и исповедуйся во всем без утайки, с твердым намерением не поддаваться более греховным увлечениям. Кто совершит сие надлежащим образом, тот уподобится Господу, как Его водили для суда и осуждения к Анне и Каиафе, от них к Пилату, от Пилата к Ироду, от этого опять к Пилату. Разница в том, что Господа несправедливо осуждали и озлобляли, а мы себя осудим и

сокрушим праведно. Но как Господь неправедно осужден в оправдание наше, так наше праведное самоосуждение будет нам в оправдание через невинное осуждение Господа.

Хотите ли наконец подойти к Самому Господу и идти с Ним на вольное Его страдание как бы шаг за шагом? Вот что сделайте: пройдите углубленным размышлением весь крестный путь Господа, воспримите чувством Его болезни, сколько вместиимо нашему естеству, и спостраждите Ему сердцем. Начните с моления Господа в Гефсиманском саду, в туге и томлении до кровавого пота, идите с Ним связанным по крутизнам и ущельям до двора архиереев; побудьте с Ним при неправедных нареканиях на Него, при издеваниях рабов глумливых, при отречении Петра; последуйте за Ним к Пилату, от Пилата к Ироду и обратно; слушайте крик народа и ярость осудителей и неправедный приговор; понесите с Ним крест на Голгофу — тяжелый до падения под ним, при шуме ослепленного народа и язвительных речах торжествующих старейшин; перенесите на себя пригвождение ко кресту, когда в живую плоть вбивали гвозди, поднятие креста, раздиравшее раны и возмущавшее круговращение жизни, плач приближенных и в среде их Пречистой Матери, глумление неразумных, крайнее истощание до жажду

и преклонение главы с преданием духа Господу. Пройдите все это мысленно и живее воспроизведите в себе, возбудите сочувствие к тем болезням и так преискренне войдите в сострадание, что как бы сами вы страдали и принимали раны. И будете подобиться женам, которые, идя вслед Господа, несшего крест, проливали слезы.

Так, шаг за шагом, все ближе и ближе будете подходить к Господу, грядущему на вольную страсть, и сшествовать Ему. Начав с телесных трудов, перейдите от них к душевным подвигам; а при тех и других совершите самоиспытание, оплачьте и исправьте неисправное в покаянии, чтобы достойно причаститься Христовых Таин; наконец же углубленным размышлением о страданиях Господа войдите в сочувствие и сострадание Ему. Но и только ли? Не замечаете ли, что этим путь не может быть кончен? Так сшествуют только Господу, грядущему на смерть. Но не сшествовать только надобно, а и сораспяться с Ним. Как же это? Когда вступите на путь истинной христианской жизни и самым делом начнете исполнять заповеди Христовы, тогда поминутно будете распинать себя ради Господа, или спасительно со-распинаться Христу Спасителю. Все указанное прежде есть только приготовление. В страданиях Господа и сострастии Ему имеем побуждение к христиански-добродетельной

жизни, в душевно-телесных подвигах приемлем пособие к ней, в покаянии и причащении положим ее начало и получим силы. Остается теперь, совершив все, начать самым делом жить истинно по-христиански. А как и почему такая жизнь есть сораспятие Господу, уразумеете на первых порах. Сами ощутите, как при исполнении христианских добродетелей то пригвождаются руки и ноги, то поражается сердце, то глава увенчивается тернием, то все тело естества нашего покрывается ранами.

Не буду пояснять, как это. Сами знаете или узнаете. И заключу мое слово искренним вам благожеланием. Благослови вас Господи не сшествовать только Ему, но и сораспяться с Ним, ибо иного пути ко спасению нет! Аминь.

30 марта 1865 г.

47. В СРЕДУ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ

На нынешний день приходится между прочим вот какое горькое воспоминание: иудейские старейшины собрались в дом Каиафы и рассуждали о том, как бы хитростью схватить Господа Иисуса и предать Его смерти.

В эту пору, никем не прощенный, приходит к ним один из двенадцати, Иуда Искариотский, и говорит: *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* Они дали ему тридесять сребреников. Когда я прочитал это место Писания, негодованием исполнилась душа моя и на старейшин, и на Иуду. Куда смотрели эти старейшины, что на себя и на народ навлекли вину и наказание богоубийства? И как мог решиться на такой проступок Иуда, который всегда был так близок к Господу и так ясно видел отпечатлевающуюся на Нем полноту Божества? Потом моя мысль перешла к характеру Иудина предательства; и между тем как я думал об этом, из совести начали возникать одно за другим мои собственные дела, очень похожие на дело Иуды.

Чем дальше, тем больше. Тогда, вместо негодования на Иуду, начало возрождаться опасение за себя и внутренний голос сказал мне: «Оставь ты Иуду, обратись скорее на себя и озаботься избежать его горькой участи».

С этим же, братие, выхожу и к вам. Я предполагал изобразить пред вами черноту Иудина предательства. А теперь говорю: оставим Иуду. Пересмотрим лучше свои дела, чтобы вычистить из жизни своей все, что носит какую-либо черту Иудина характера, и тем избежать падшей на него небесной кары.

Что особенно поразительно в Иуде — это то, что ведь во время своего пребывания с Господом он был по жизни точь-в-точь то же, что и все апостолы. С ними ел, пил, ходил, проводил ночи, с ними слышал поучения и видел чудеса Господа, с ними терпел все нужды, ходил даже на проповедь Евангелия и, может быть, творил чудеса именем Господа; ни апостолы, ни другие никакой от себя особенности в нем не видели. А между тем под конец видите, что вышло? Откуда же этот плод? Конечно, изнутри, из души. И вот, видите, внутри души зрело то, чему во все время не было никаких признаков снаружи. Знал ли даже сам Иуда, что у сердца своего он лелеял такую змею, которая его наконец сгубит? По обычаю нашего врага скрывать узы, которыми он опутывает грешника, главную страсть он всегда закрывает разными сторонними благовидностями от сознания и даже от совести и только тогда, когда рассчитывает на верную погибель человека, выпускает ее, напасть, на него со всей неудержимой яростью. Судя по сему, можно думать, что Иуда не видел всего безобразия своей страсти и сам себя сознавал не худшим других апостолов. И пал, как бы не предвидя того.

Имея это в мысли, братие, обратимся к себе и učinим строгое исследование самых сокровеннейших движений своего сердца, не останавли-

ваясь на своей незазорной внешности. По внешности, посмотрите, чем мы худы? А между тем кто знает, может быть, вокруг сердца увивается такой змей, который готов погубить нас, — и погубит, только представься случай. Припомню вам мысль святого Макария Египетского, который говорит: «Не хвались никакими делами и никакими подвигами. Но если ты сошел в самую глубь сердца своего и убил гнездящегося там змея, отравляющего своим ядом все проявления твоей жизни, тогда воздай благодарение Господу». Он разумел или живущий в нас грех, или главную страсть каждого, в которую преобразуется тот грех. И вот на что более всего обратите внимание при предлежащем вам самоиспытании и исповеди. Ищите главную свою страсть. Ее обличите, ее выбросьте вон. «Не требует от тебя Господь, — говорит другой старец, — поста, когда страдаешь своекорыстием. Дай ему простоту милостынноподаяния. Не требует от тебя Господь знатных и славных дел, когда ты заражен тщеславием. Дай ему смирение и самоуничтожение». Так и во всем другом. Господь хочет, чтобы мы ту особенно страсть обличили в себе и пообещали победить, которая нас более одолевает, и в той особенно добродетели отличались, которая противоположна одолевающей нас страсти. Когда это сделаешь, тогда и все другие

342 добродетели придут в строй и силу, а страсти
ослабеют, ибо они держатся обычно около гос-
подствующей нашей страсти.

Но обратимся опять к Иуде. Так носил он за-
нозу в своем сердце. Представился случай,
страсть закипела. Враг взял его, бедного, за эту
страсть, отуманил его ум и совесть и повел как
слепого или связанного невольника, сначала на
злодеяние, а потом и в пагубу отчаяния. А ведь
этого не было бы, если бы он Господу открыл
свою страсть. Врач душ тотчас бы уврачевал бо-
лезнь его души. И Иуда был бы спасен. То же и
с нами будет, если не откроем духовному отцу
своей страсти. Теперь она притихнет; но после,
лишь только случай, сейчас падение. Если же
откроемся, сокрушимся, положим намерение не
поддаваться и попросим у Господа помощи на
то, тогда верно устоим; ибо *болии есть Иже в
вас, нежели иже в мире* (1 Ин 4, 4). Господь благо-
дателью Своей в час разрешения убьет страсть и
положит семя противоположной ей добродете-
ли. И тогда приложи только труд, небольшой, и
при помощи Божией не будешь уже более ва-
ляться в страстях бесчестия и открытым лицом
начнешь взирать и ко Господу, и ко святым, и ко
всем христианам.

Еще немного времени, и Господь придет к
вам и сотворит у вас вечерю Себе с вами. Готовь-

тесь! Выбросьте из сердца все противное Господу, сметите всякую пыль сердечными вздохами, отмойте всякое пятно слезами сокрушения, чтобы, войдя к вам, Господь нашел хранилище сердца вашего убранным, посланным, вычищенным. Да не будет между вами подобных Иуде. И Иуда, как и прочие апостолы, равно слышал: «По двоякому Пасха будет». Но апостолы подошли к Господу и говорили: «Где хочешь, уготоваем Тебя Пасху?» А Иуда что? Пошел и продал Господа. А на вечерю все же таки пришел наряду с другими. Неужели и между вами завтра будут такие? О, да не будет! Еще есть время. Пойдите и, всякий по мере сил своих, поусердствуйте достойными явиться принятия Господа в Святынях Его Тайнах. Сознаться, в чем виноваты, поплачьте и скажите: «Не будем, Господи! Помоги нам устоять в предвечии!» Это главное, чего хочет Господь. Беспечных же между вами да не будет. Да не будет и таких, которые приступают к Тайнам, как пришлось, без мысли и чувства и без всякой заботы о приготовлении. Особенно же да не будет таких, которые, отвергнув своей страсти, не только не имеют намерения воздерживаться от дел ее, но тут же нечужды сослаждения ими и склонения на них. Такой точь-в-точь Иуда: телом на вечери, а сердцем в предательских замыслах. И такому, когда по причащении

Христовых Таин он будет лобзать чашу, не скажет ли ему в совести его Господь: «Лобзанием ли Сына Человеческого предаеши?»

Господь и Спаситель наш, Матерь Божия Пречистая и все святые да помогут вам причаститься в оставление грехов и жизнь вечную! Аминь.

1 марта 1865 г.

48. В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРТОК

Слава Тебе, Господи! Какой светлый у нас ныне день! Сколько причастников Святых Христовых Таин! Радуйтесь, блаженные души! Господь в вас! Господь в вас, ибо Сам сказал: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин 6, 56). Будем все радоваться общей радостью. Нет, думаю, семейства, где бы не было причастников. Нет, следовательно, дома, который бы лишен был особенного Божия присещения. Так весь град наш стал ныне жилищем Богу, и не наш только град, но и всякий другой град и весь, вся Россия, весь православный мир. Ныне у Господа великая вечеря. Он ликует с душами и есть всюду «всяческая во всех», и как Источник благ, и

как Владыка сердец. И вот существо того царства, которое основал Он на земле, — исполняя всех Собой, всех благоустроить, внушая должное, давая силу, ободряя в трудах. О если бы помог нам Сам же Господь никогда не лишиться Его в нас пребывания! Тогда, Им направляемые, все мы верно шли бы спасительным путем, по вечным Его о нас преднамерениям.

И вот об этом-то, братие, и должна быть у нас теперь вся забота. Господь в нас! Озаботимся навсегда удержать Его в себе. Сам Он любообщителен. На то и в мир пришел, чтобы быть во всех. И не пошел бы Он от нас, но что делать, если мы при Нем начинаем держать себя так, что Ему нельзя уже более оставаться в нас?

Прошедшие дни мы очищали и убирали храмину сердца для принятия Господа. Ныне снишел в нас пренебесный Гость и Посетитель душ. Озаботимся же дать Ему покой, доставить утешение, открыть угодное Ему в нас действие.

Озаботимся дать покой. Устранены были у нас житейские суеты и развлечения на это время, и не будем разрешать на них. Назначена уже скромная мера удовлетворения нужд тела, и пусть эта печать скромности и нужды навсегда останется на этой части неизбежной для нас работы тлению. Введены у нас в порядок

346
☩

домашних дел благочестивые занятия, и пусть это останется всегдашним неизменным законом нашей жизни. К этому присоединим вот что: удержимся от расхищения помыслов, не допустим волнения желаний, не соизволим на движения страстей. Станем всем вниманием своим и всем желанием у входа в сердце, где Господь, и всевозможно будем отрывать все могущее нарушить Его покой в нас, — и Он упокоится в нас.

Озаботимся доставить Господу утешение. Господь утешается всем чистым, святым, истинно добрым. Ибо Сам Он есть чистота, святость, добро. Окружите же Его в вас обителище искренними убеждениями в Его истинах, святыми преднамерениями, чистыми побуждениями, готовностью на всякое добро, указуемое Его заповедями.

Озаботимся открыть угодное Ему в нас действие. Господь вседействующ. Вседействующим бывает Он в нас не без нас. Не насилует Он нашей свободы, но ждет, чтобы мы сами себя предали Ему или Ему отдали власть над собой. Приидите же со всеми силами своего духа и, падши пред Ним, поклонитесь Ему и помолитесь, чтобы Он взял ваши силы как орудия и действовал в них, насаждая все благое и спасительное, все же злое и пагубное отрывая

и истребляя. Молитва проведет силу Божию во все составы естества вашего и даст Ему простор действовать в вас.

Когда это все будет в вас, не отыдет от вас Господь упокоиваемый, утешаемый и не стесняемый в действиях Своих в вас. В настоящее время все вы, конечно, так настроены, что Господу нет причины быть вами недовольным. Все у вас тихо и мирно и во внутренних действиях ваших, и во внешнем поведении. Думаете вы только о добром; желаете только доброго, и молитва, верно, не отходит от уст ваших. О, когда бы и навсегда было так! А то, что последует? Придет светлый праздник, и тут же почти привлекательное время года. И все забудем. Сначала позволим себе легкие развлечения и легкие парения мыслей и желаний, как бы отдых после великопостных трудов; потом незаметно дадим свободу и страстным движениям; а далее попустим внутри согласие на внушения страстей или сложение с ними сердца, за которым скоро возвращается и жизнь по страстям. А там что? А там — голова пустеет, сердце в смятении, в делах и начинаниях неустройство; исчезает все, что было приобретено трудом спасительного постничества. Господь забыт, и — отходит. Вот этого-то и поопасайтесь! Поопасайтесь будущих развлечений и увлечений. Станьте бдительными стражами над собой

и своими делами и во все время, от одного причастия до другого, никак не допускайте того, что может оскорбить Господа и лишить вас Его благодатного присутствия, чтобы всякое новое причащение было не началом вселения в вас Господа, а все более и более преискреннейшим общением Его с вами и вас с Ним.

Хотите ли, я предложу вам самое простое и действительное средство, как успеть в этом? Не забывайте никогда, что Господь в вас. Как хозяин дома при виде высокого у себя гостя никак не допустит что-либо неприятное ему, так, пока будем помнить, что носим в себе Господа, благоволившего вселиться в нас, совесть наша никак не допустит что-либо такое, что может оскорбить Его. Как никто из нас не решился бы на такие действия, какие позволили себе истязатели Господа во время Его страданий, так, пока пребудет в нас ясной и крепкой память о пребывании в нас Господа, быть не может, чтобы мы ослабили над собой бдительность и допустили что-либо, могущее возмутить Его покой. Так, мысли ли недобрые придут, вспомните, что Господь в вас, и отстанете от сих мыслей, ибо поущение их походило бы на глумление слуг, издевавшихся над Господом. Придет ли желание, исполнение которого противно заповедям Спасителя, припомните, что Господь в вас, и не по-

пустите совершиться вашему желанию; ибо это значило бы то же, что преклонять колена и говорить: «Радуйся, царю Иудейский!» Воскипит ли страсть, вспомните, что Господь в вас, и найдете силу погасить эту страсть; ибо иначе будете походить на тех, кто кричали: *Распни, распни Его!* Так и во всем. И выйдет, что память о том, что Господь в нас, заставит нас заботливо отстранять все могущее оскорбить Его и упрочить Его в нас пребывание. Для того же, чтобы память эта не отходила от нас, бывайте сколько можно чаще в храмах Божиих, особенно на литургиях, и здесь со всей силой воспроизводите в себе те спасительные расположения, которыми исполнялись души ваши в эти дни, и особенно — ту великую милость, какой сподобились вы ныне. Воспомявая на литургии о святом причащении, невольно вспомните и о том благом состоянии, в каком находились вы и находитесь теперь, и воспримите желание держать себя в нем всегда, чтобы всегда иметь в себе и Господа.

Я уже и не указываю вам на то, что когда в нас Господь, то все в нас: и свет ведения — чистый и не возмутимый ни сомнением, ни ложью, и крепость доброделания — не сокрушимая ни внутренними, ни внешними препонами, и мир Божий, ублажающий, при котором не перестают блаженствовать даже среди мучений. В настоящие

минуты кто из вас не ощущает сих благ в большей или меньшей мере? Позвольте же вашим самым благим состоянием умолять вас попещись о его сохранении. Сличите то, что вы теперь, с тем, чем бываете, когда предаетесь суете и страстям, — и изберите лучшее. Кто теперь выше вас? Не унижайте же себя. Кто блаженнее вас? Не ввергайте же себя в обременительную горечь жизни не по духу Христову.

«Но вся сия весте. Блаженны же будете, аще и сотворите я». Как близко к нам благо наше, и как редко мы умеем обладать им! Помолимся же Господу, Пречистой Владычице Богородице и всем святым, чтобы умудрили нас так все устроить, да посетивший нас ныне пребудет в нас и, пребывая, отрывает всякий грех, всякую страсть и всякое душетленное слово, дело и помышление и так соделает нас достойными быть всегдашним Его домом, во славу пресвятаго имени Его. Аминь.

5 апреля 1862 г.

49. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Радуйтесь, христиане православные, что сподобились причаститься Святых Христовых Таин; и тем паче радуйтесь, что

сподобились вы этого ныне, когда установлено само Таинство. Ныне Господь причастил святых апостолов и велел им установить во Святой Церкви такое же причащение. Святые апостолы установили. Вот мы и причащаемся Пречистого Тела и Пречистой Крови Господа во исцеление души и тела.

Радуйтесь же, сподобившись такого великого Божия вам дара. Но радуйтесь со страхом. Говорите в себе: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Но не распускайтесь мыслями и чувствами и со всякой опасливостью храните и душу свою, и тело. Готовились ко Святым Тайнам с благоговением; но не подумайте, что уже все кончено и вам нечего более трудить себя. Нет. И теперь надо продолжать труд. Потрудились вы, чтобы получить дар; а теперь надо трудиться, чтобы сохранить его и спасительно пользоваться им.

Зачем, думаете вы, и на Страстной седмице установлено причащаться? Затем, между прочим, чтобы причастники помнили страдание Господа и всячески боялись причинять Ему новые страдания по принятии Его в себя в Святых Тайнах. Ведь Господь и теперь еще продолжает страдать. Только тогда страдал Он от неверных иудеев, а теперь страдает от христиан, которые по Святом Причащении не стараются жить

по-христиански. Когда причащаемся, Господа в себя принимаем. Сердце наше становится храминой для Господа. Через говение и покаяние храма эта стала чиста и убрана, и Господу в ней покойно. Но если потом начнет кто думать о худом, желать худого и делать худое, то тем Господу причиняет беспокойство. Ему прискорбно будет пребывать в таком сердце, или Он будет страдать в нем.

Поясню вам это таким примером: представьте, что кто-нибудь позвал бы кого-нибудь из вас к себе и поместил в такой комнате, где сесть не на чем, в окна ветер дует, сквозь потолок течет, на полу сыро, а тут комары кусают. Быть в такой комнате было бы для вас настоящее страдание. Так и Господь страдает в причастниках, когда они по причащении не хранят как следует храмину своей души, когда у них мысли, желания и чувства, дела и слова — не в порядке. Ибо когда кто рассеивается и дает волю своим мыслям, тогда это то же, что Господа в храмине души ветер беспокоит. Когда кто о том только и думает, чтобы есть, пить и веселиться, тогда это то же, что Господу в храмине души сыро. Когда кто завидует другому, осуждает его, насмехается над ним, тогда это то же, что он Господа Самого как бы жалит и уязвляет. Когда кто непокорив, ленив и не соблюдает должных порядков, тогда это

то же, что Господу в храме души его есть не на что. Когда кто держит худые мысли и желания, гордится, чужое себе присвоить хочет, тогда Господь в душе его места себе не находит, как в комнате от течи.

Вот видите, чем можно беспокоить Господа по принятии Его в себя через Святое Причастие, боль и страдание причинять Ему; и остерегайтесь того. Будьте смиренны, кротки, миролюбивы, друг друга не обижайте, всякому нуждающемуся помогайте, над другими не высътесь и вообще ревнуйте о всякой добродетели — и Господу будет покойно в вас и радостно. За это и Он вас наградит радостью и подаст вам всякое утешение.

Тело и Кровь Господа есть великий дар. Надо же и почитать сей дар как великое, любовью, благоговением и всяким себя охранением. Расскажу вам один очень поучительный случай. Один раскольник или молокан по какой-то нужде приступил к Святым Тайнам вместе с православными христианами. Часть Святых Даров он принял, но не употребил, а спрятал ее в платок и, придя домой, почему-то положил в улей к пчелам — он был пчеловод. Смотрите же, что сделали пчелы? Они, хоть и неразумные твари, в этом случае оказались умнее человека. Как только увидели частицу Святых Даров, тотчас

бросили свою обычную работу, перестали строить соты, а со всей заботой и скоростью начали строить приличное помещение для святого Тела Господня: устроили малый престол, потом дискос и на сей дискос положили святую частицу и все оградили сводом, устроили как бы храм или алтарь. Затем сели кругом в порядке и жужжали потихоньку, будто хвалу Богу воссылали и молились. Хозяин, заметив, что пчелы перестали летать, пошел посмотреть, что бы такое значило. Открыл улей и ужаснулся, видя, как пчелы отдают благоговейное чествование Телу Господа, которое он презрел. Послал поскорее за священником, раскаялся во грехе своем, причастился и стал навсегда благоговейным читателем Христовых Таин, раскол же или молоканство бросил.

Вот и вы теперь приняли Пречистое Тело и Пречистую Кровь Господа. Уподобьтесь тем пчелам и покажите всякое благоговение к принятому вами дару. Станьте, как мед и как пчелы. Мед имеет благоухание, — вы же возьмите молитву; мед сладость имеет, — вы же возьмите любовь между собою; мед приятный цвет имеет, — вы же возьмите благообразное во всех частях поведение. Пчелы трудолюбивы, — и вы любите труд; пчелы чисты, — и вы любите чистоту; пчелы послушны, — и вы будьте послушны

кому следует. И как те пчелы чинно уселись вокруг частицы и жужжали, — так и вы установитесь мыслями вокруг Господа и молитесь Ему в нынешний паче день молитвой, какой сумеете. И Господь примет ваше к Нему сердечное обращение и благословит вас.

Вот я сказал вам, как вы можете обеспокоить принятого вами Господа и страдать заставить и как можете Его упокоить и усладить. Избегайте первого и попекитесь о последнем. Если успокоите так Господа, и Он успокоит вас и всякое вам дарование подаст и успех в делах ваших. Аминь.

1866 г.

50. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Установив ныне Таинство Тела и Крови, Господь предал его совершение в закон святым апостолам, а святые апостолы — Святой Церкви, в которой Он и пребывает и действует неотложно. Святая Церковь всех и всегда призывает к святому причащению, особенно же во время святых постов, и еще особеннее во святую Четыредесятницу, в которую и все службы и чинопоследования приспособлены к приготовлению верующих к достойному принятию Тела и Крови Христовых.

Послушные чада Церкви смиренно внимают ее призыванию и во все это время неопустительно исполняют свой христианский долг. И это слава Богу! Слава Богу, что хоть однажды в год очищают свою совесть и причащаются! И даруй, Господи, чтобы между нами не было таких, кто самовольно лишал бы себя сего великого Божия дара! Лишающие себя его лишаются Господа; а без Господа что мы?

Без меня, — говорит Господь, — не можете делать ничего. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. ...кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода (Ин 15, 4–5). А в Господе кто пребывает? Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем, — говорит Сам Господь (Ин 6, 56). Стало быть, дело святого причащения есть дело жизни. Причащаться или не причащаться значит быть или не быть христианином, жить или не жить во Христе. Почему и прибавляет Господь: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни (Ин 6, 53).

Приводя на память эти решительные слова Господа, недоумеваешь — отчего же это у нас нечасто причащаются? Пересматривая недавно одну книжку, встречаю в ней наставление тем,

кто причащается часто. «Вот, — подумал я, — блаженное было время, когда уместны были такие поучения!» А у нас, если скажешь: «Причистись и еще в какой-либо пост, кроме Великого», и то покажется странным, строгим и, пожалуй, неуместным.

Ныне, впрочем, не то у меня намерение, чтобы убеждать вас к частому причащению, а вот какое. Без Господа, как слышали вы, мы не можем творить ничесоже и даже живота в себе не имеем. Господь бывает в нас через святое причащение. К святому причащению приступают у нас большей частью однажды в год. Так нельзя ли, по крайней мере, если уж не хотим часто причащаться, то продлить силу этого единого причащения как можно на должайшее время, пребыть в состоянии причащения от одного причастия до другого? Или что я говорю: нельзя ли? Необходимо так сделать. Как хочешь, но устройся так, чтобы ты всегда был, как будто только что причастился. Ибо это только и будет значить, что ты в Господе и Господь в тебе или что ты живешь христианской жизнью. А как только потеряешь силу причащения, потеряешь Господа, перестанешь и живот иметь в себе.

Этим вот что требуется. Сила причащения есть вкушение Господа. Быть в состоянии причащения — значит постоянно вкушать Господа

или духовными чувствами ощущать Его в нас пребывание и силу. Спрашивается: как этого достигнуть?

Прежде всего надо не понудить Господа отступить от нас, а потом изощрять духовные чувства к осязательному ощущению Его общения. Господне обетование неложно. Что Он сказал, то так и есть. *Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь»*, — говорит апостол (2 Кор 1, 20). Сказал Он, что пребывает Сам в том, кто причащается Тела Его и Крови, так это и есть. У всех достойных причастников Господь пребывает. Порадуйтесь, причастники Божии! И не отрицайте в себе сего великого дара из ложного смирения или по неясному представлению плодов от святого причащения. Пусть не ощущаете вы определенительно и не осязаете сего; но Господь в вас, пока не лишитесь Его пребывания по причине каких-либо смертных грехов. Подобно тому как в природе и в обычный день солнце светит и силу свою являет, хотя бывает невидимо по причине заслоняющих его облаков; или как во время таяния льда градусник не повышается, хотя бы и много было вокруг тепла; или как при лечении иногда лекарство уже действует к выздоровлению, а больной все еще чувствует себя расслабленным и изнемогающим; так и здесь Господь в вас, но свет Его не зрится еще ради тумана много-

образных помышлений, хотя сей туман разрежается уже Господом; Господь в вас, но теплота Его еще не ощущается вполне из-за холода облегающих сердце земных и житейских желаний, хотя они уже истаивают от огня Господня; Господь в вас и уже врачует вас, но врачебную силу Свою для вашего же блага скрывает от вас под видимыми немощами нашими. Другими словами, общение с Господом уже совершилось и действует в вас, но по причине неисправности духовного вкуса еще не ощущается и не различается ясно.

Так утвердитесь в этой мысли, что Господь в вас. Почтите тем и Дарователя, и дар, и себя самих. В силу же этого видите сами, что подобает творить. Подобает всевозможную заботу обратить на то, чтобы как-нибудь не лишиться Господа, сокровенно в вас пребывающего и действующего. Спросите: как сотворить сие? Отвечу: не думайте, чтобы для этого вам надлежало поднимать такой труд, как бы горы переставлять. Нет. Средство к тому очень немногосложно и просто. Вот что надо: 1) хранить совесть свою чистой в отношении к Богу, ближним, всякой вещи и всякому делу; для этого, что ни делаете, имейте на то свидетельство слова Божия и делайте то со смирением и усердием, без всякого движения своеволия и небрежения; 2) ни в словах, ни в делах, — ни в чем, мало ли то или велико, ничего

360 не допускайте, что могло бы не относиться к сла-
ве Божией и какой-либо наносить ущерб делу
вашего спасения; 3) хоть бы вы обладали целым
миром, так имейте себя в сердце, как имеют
странники — пришельцы на земле, не имеющие
зде пребывающего града, но взыскующие гряду-
щего. Вот и все!

Так, заметьте, надо три вещи: быть странни-
ками, все обращать во славу Божию и свое спасе-
ние и блюсти совесть свою чистою.

Не буду распространяться в их объяснении.
Скажу только, что в этих трех — все, как сами
увидите, когда станете действовать по ним. На-
стройтесь так и поревнуйте всегда действовать
по сему настроению. И Господь не только неот-
лучно пребудет в вас, но часто будет давать и
ощущать Себя. Это ощущение особенно будет
исполнять сердце ваше всякий раз, как для со-
блюдения прописанного порядка вы должны
будете сделать какое-либо самопринуждение и
самопожертвование; и вы сделаете то без сожа-
ления, с полной и усердной покорностью воле
Божией. Господь утешает и укрепляет Своих, да-
вая им осязательно знать, что труд их нетщетен
и путь незаблуден. И чем больше у кого ревно-
сти и труда, тем больше бывает у него утешений,
или осязательных вкушений Господа — этих ду-
ховных Его причащений. Тут то же происходит,

как в мире, когда покажется солнце и спрячется в облаках, снова покажется, снова спрячется; а то разгонит все облака и одно царственно шествует на всей тверди небесной.

Желает ли кто поспешнее взойти в состояние постоянного ощущения или вкушения Господа, употреби труд, намеренно обращаемый к обучению наших духовных чувств. Око ума да напрягает к зрению тайн Божественного откровения начиная от Пресвятыя Троицы через творение и искупление до будущего возустроения всех. Духовное ухо да обучает в слышании и внятии внушений Божиих, непосредственно печатлеемых в сердце или посредственно через слово Божие, и другие внешние сообщаемые указания. Духовный вкус да упражняет во вкушении истинно святого и Божественного. Да навывает обонять Христово благоухание в радовании, веселии духовном и осязать прикосновение Его огня в теплоте, согревающей все его существо — и духовное, и душевное, и телесное.

Обучение духовных чувств завершает дело труда в восхождении к непрестанному ощущению общения Господня. Через обучение их падает средостение, разделяющее нас с Ним. Как когда открыты глаза и есть свет, мы естественно видим сей свет; когда есть благоухание и обоняние не расстроено, мы обоняем благоухание, так,

362
☩ когда духовные чувства наши будут обучены и очищены, мы будем в состоянии принимать посредством их Господа в соответственных Им действиях Его на нас или будем находиться в состоянии вкушения Его, иначе — в состоянии постоянного причащения.

Так, Господа Бога святите в сердцах ваших (1 Пет 3, 15). И Он, милостивый, пребудет в вас и вас удержит в Себе и с Собою. Благодать Его да дарует сие вам! Аминь.

16 апреля 1865 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АКТЕРСТВО 198

АНГЕЛЫ 70, 78, 149, 275, 315

АРХАНГЕЛЫ 67

БЕЗМОЛВИЕ 134, 255, 267, 269

БЕСПЕЧНОСТЬ 37, 41, 81, 84, 85, 136, 295, 316

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ 10, 151

БЛАГОЧЕСТИЕ 10, 18, 140, 175

БОЖИЯ БЛАГОДАТЬ 34, 39, 41, 45, 149, 162, 260, 306

БОГОЗАБВЕНИЕ 56, 81, 89

БОГОМЫСЛИЕ 133, 201, 267, 285, 326

БОГОУГОЖДЕНИЕ 44, 45, 175, 180, 181, 269, 282

А

Б

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

364 БРАНЬ о различных способах брани 181, 207, 215, 251

☪

БОЛЕЗНОВАНИЕ 22, 101, 107, 110, 119, 127

БОЛЕЗНЬ 75, 211, 240, 336

БРАТОЛЮБИЕ 213

В

☪

ВЕРА 38, 69, 145, 201, 207, 212, 244

ВОЗДЕРЖАНИЕ 9, 117, 154, 201, 267, 277, 284

ВОЛЯ 41, 46, 113, 199, 257, 288, 292, 314

ВНИМАНИЕ рассеяние, хранение 141, 142, 144, 231

Г

☪

ГНЕВ 51, 154, 167, 207, 213, 216, 324

ГОРЕ 242–243

ГРАД УБЕЖИЩА 27

ГРЕХ упорство в грехах 19, 25, 26, 46, 193, 243

Д

ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ 71

ДЕЛА САТАНЫ 69, 71, 75

ДОБРОДЕТЕЛЬ 114, 117, 270, 273–275, 277

ДУХОВНОЕ обрадование, просвещение 158–159

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЗАВИСТЬ 75, 154, 207, 221, 244

ЗАКОН БОЖИЙ 52, 53, 103, 104

ЗАПОВЕДИ БОЖИИ 26, 30, 51, 52, 71, 99, 104

ЗЛО 26, 212, 216, 297

ЗНАТНОСТЬ 240

ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК, ПРП. 266–268, 270, 290

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАПОВЕДЕЙ 26, 99, 215

ИСПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ (см. также исправить) 54, 88,
161, 244

ИСПОВЕДЬ 44, 103, 111, 113, 115

КРЕСТ Господень, кресты каждого внешние, внутренние,
духовно-благодатные 237, 239, 246

КРОТОСТЬ 154, 171, 212, 216, 277, 297, 327

КОРЫСТОЛЮБИЕ 106, 341

ЛЕНОСТЬ 136, 154, 182, 198, 277, 297

ЛИШЕНИЯ 80, 81

З

И

К

Л

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

366
☪

ЛЬГОТЫ В ОСЛАБЛЕНИИ ПОСТА послабления 93, 95,
231, 283, 284

ЛЮБИМАЯ БОЛЕЗНЬ 114

М
☪

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ 306, 317, 320

МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ 185, 199, 327

МИЛОСТЬ БОЖИЯ 11, 12, 14, 21, 129

МИЛОСТЫНЯ 42, 167, 286

МИР 158, 175, 201, 215, 233, 349

МОЛИТВА 42, 64, 74, 101, 115, 142, 143, 201, 291, 296

МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ 141, 199

МНОГОЯДЕНИЕ 197, 226

МОЛЧАНИЕ 66, 82, 198, 201, 277, 326

МУДРОСТЬ 116, 245

МУЖЕСТВО 123, 159, 190, 216, 277

МЫТАРЬ 15, 21, 53

Н
☪

НАДЕЖДА 10, 147, 297

НАКАЗАНИЕ 241

Предметный указатель

НЕБРЕЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО СКАЖУТ 294–295

367

НЕЖАЛЕНИЕ СЕБЯ 74, 330–331

НЕРАДЕНИЕ 84, 85, 328

НЕСТЯЖТЕЛЬНОСТЬ 212, 277

НЕСЧАСТЬЯ 240, 241

НЕЧУВСТВИЕ 37, 85, 101, 316, 320

НРАВСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО 32, 175

ОБИДЫ 240

ОКАМЕНЕНИЕ СЕРДЦА 15, 16, 26, 53, 100, 128, 320

О

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МИРА для монахов, для мирян 326–327

ПАДЕНИЕ 32, 36, 39, 49, 78, 174, 182, 191, 234

ПАДЕНИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ 9, 79

П

ПЕСНИ 75, 82

ПЕЧАЛЬ ПО БОГУ 101, 119, 127–129, 314

ПИМЕН, ПРП. 23

ПЛОДЫ УПОКОЕНИЯ ПЛОТИ 198

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 368 ПОКАЯНИЕ сила покаяния 13, 14, 27, 36, 54, 58, 61, 62,
☩ 73, 196, 215, 255, 321
- ПОКЛОНЫ 82, 119, 183, 201, 207, 326
- ПОКОЙ 74, 80, 160, 210, 249, 279, 287
- ПОСЛУШАНИЕ 150, 171, 201, 207, 277
- ПОСЛУШНИЧЕСТВО для мирян 269
- ПОСТ дело поста, назначение 23, 36, 42, 201, 207,
296, 333
- ПРИСВОЕНИЕ СЕБЕ ЦАРСТВИЯ 301–304
- ПОМЫСЛЫ сочетание с помыслом, искусительный
помысел, увлечение помыслом, расхищение помыс-
лов, парение помыслов, пламенеющие 32, 47, 49, 80,
182, 346
- ПОХОТЬ 212, 218, 226, 246, 329
- ПРАЗДНОСЛОВИЕ, пустословие 198, 326
- ПРЕЛЕСТЬ 16, 17, 19, 194
- ПРИЧАЩЕНИЕ СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН 30, 43, 133,
168, 205, 349
- ПРОЩЕНИЕ 43, 75, 88, 179, 259
- ПУТЬ тесный, широкий 74, 75
- ПЫТЛИВОСТЬ 199, 297

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РАЗВЛЕЧЕНИЯ 36, 75, 159, 167, 186

РЕВНИТЕЛИ ДОБРОДЕТЕЛИ 18

РАСКАЯНИЕ содержание 16, 29, 63, 109

РАССЛАБЛЕНИЕ 175, 249

РЕВНОСТЬ О СТРОГОЙ ЖИЗНИ, О СПАСЕНИИ 31, 34,
181–182, 234

РОПОТ 244

САМОДОВОЛЬСТВО 12, 16

САМОЖАЛЕНИЕ 84, 88, 93, 124, 234, 249, 333

САМОЗАБВЕНИЕ 37

САМОЛЮБИЕ гордость, корыстность, страсть к наслажде-
ниям 56, 302

САМОМНЕНИЕ 12, 13, 17, 18, 19, 77, 81, 297

САМООПРАВДАНИЕ 60, 77, 108, 335

САМОПРЕЛЬЩЕНИЕ 12, 17, 20

САМОУНИЧИЖЕНИЕ 13, 17, 81, 147, 341

САМОХВАЛЬСТВО 11, 13, 20

СЕРАФИМЫ 67

Р

С

- 370
 СЕРДЕЧНОЕ БОЛЕЗНОВАНИЕ 11, 14
- СВОБОДА 34, 89, 113, 328, 346
- СКОРБИ 130, 211, 237, 240, 241, 256
- СКУПОСТЬ 117, 247
- СЛАДКОЯДЕНИЕ 197, 226
- СЛЕЗЫ 16, 58, 62, 64, 73, 241
- СМИРЕНИЕ 11, 17, 154, 216, 277
- СОВЕСТЬ 9, 14, 21, 25, 37, 60, 244, 359
- СОКРУШЕНИЕ 9, 10, 15, 24, 25, 61, 81, 115, 126, 145, 322
- СОНЛИВОСТЬ 136, 198, 277
- СОРАСПЯТИЕ ХРИСТУ 199, 223–230, 233, 255, 332
- СТЕПЕННАЯ РЕГУЛЯРНОСТЬ ДВИЖЕНИЙ 135, 176, 198
- СТРАДАНИЯ 63, 257, 261, 351
- СТРАСТЬ 26, 31, 42, 47, 80, 196, 214, 219, 246, 347
- СТРАХ БОЖИЙ 22, 33, 67, 81, 139, 146, 291
- СТРАХ за жизнь, за расстройство быта 42, 124
- СТРАШНЫЙ СУД 9, 15, 53, 55, 57, 72, 295
- СТЫД 18, 27, 114, 129

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТАНЦЫ 82, 198

ТЕАТР 200, 226, 258, 326

ТЕРПЕНИЕ 75, 154, 245, 330

ТРЕЗВЕНИЕ трезвитесь 46, 52, 74, 84, 116, 133, 201,
207, 327

ТРУДЫ ЗА ГРЕХИ (см. потрудить себя за грехи) 88

ТЩЕСЛАВИЕ 20, 21, 114, 154, 216, 277, 341

УЕДИНЕНИЕ, внешнее, внутреннее 42, 198, 201, 207,
296, 310, 326

УМЕРЩВЛЕНИЕ ПЛОТИ 288–289

ФАРИСЕЙ 10, 13, 15, 17, 20

ФАРИСЕЙСКОЕ САМОМНЕНИЕ 9

ХОЖДЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ 23, 42, 181, 201, 207, 285, 326

ХОЛОДНОСТЬ 48, 182, 329

ХРАНЕНИЕ ЧУВСТВ 82, 135, 185, 198, 201, 207

ХЕРУВИМЫ 67

Т

У

Ф

Х

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ц

ЦЕЛОМУДРИЕ восстановление 107, 114, 117, 277, 327

Ч

ЧЕЛОВЕКОУГОЖДЕНИЕ 20, 21, 295, 330

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ 63

ЧИСТОТА 64, 125, 135, 154, 196, 216, 279

ЧРЕВОУГОДИЕ 277, 297, 329

ЧТЕНИЕ 42, 82, 104–105, 118, 199, 207, 285

Я

ЯРОСТЬ 75, 221

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О ПОКАЯНИИ, ИСПОВЕДИ, ПРИЧАЩЕНИИ СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН И ИСПРАВЛЕНИИ ЖИЗНИ	5
1. В Неделю мытаря и фарисея (Лк 18, 10–14)	7
2. В ту же неделю	14
3. В ту же неделю	24
4. В Неделю блудного сына (Лк 15, 11–32)	29
5. В ту же неделю	35
6. В ту же неделю	45
7. В Неделю мясопустную (Мф 25, 1–46)	53
8. В ту же неделю	59
9. В ту же неделю	65
10. В Неделю сыропустную	78
11. В ту же неделю	83

СОДЕРЖАНИЕ

374	12. В ту же неделю	90
<u>37</u>	13. В среду 1-й недели Великого поста	96
	14. В тот же день	102
	15. В тот же день	111
	16. В тот же день	118
	17. В пяток 1-й недели Великого поста	125
	18. В тот же день	132
	19. В тот же день	138
	20. В субботу 1-й недели поста	149
	21. В тот же день	153
	22. В тот же день	157
	23. В тот же день	164
	24. В тот же день	168
	25. В 1-ю неделю Великого поста	172
	26. В ту же неделю	179
	27. В ту же неделю	187
	28. Во 2-ю неделю Великого поста	195
	29. В ту же неделю	205
	30. В ту же неделю	211
	31. В ту же неделю	217
	32. В ту же неделю	223

СОДЕРЖАНИЕ

33. В Неделю Крестопоклонную	230	<u>375</u>
34. В ту же неделю	237	
35. В ту же неделю	245	
36. В ту же неделю	252	
37. В ту же Неделю	258	
38. В 4-ю Неделю Великого поста	265	
39. В ту же неделю	273	
40. В ту же неделю	282	
41. В ту же неделю	290	
42. В 5-ю Неделю Великого поста	299	
43. В ту же неделю	306	
44. В ту же неделю	319	
45. В ту же неделю	324	
46. Во Вторник Страстной седмицы	332	
47. В Среду Страстной седмицы	338	
48. В Великий Четверток	344	
49. В тот же день	350	
50. В тот же день	355	
Предметный указатель	363	

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА
Святитель
Феофан Затворник
**О ПОКАЯНИИ,
ИСПОВЕДИ,
ПРИЧАЩЕНИИ**
СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН
И ИСПРАВЛЕНИИ ЖИЗНИ

РЕДАКТОР И. Е. Ковынева
ХУДОЖНИК СЕРИИ иеродиакон Матфей
(Самохин)
ВЕРСТКА И. Р. Цуп
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР А. Н. Кузнецова
КОРРЕКТОР Л. Н. Иконникова
ТЕХНОЛОГ М. Ю. Мыскин

На переплете: *Выша. Успенский Вышенский монастырь.
Церковь Казанской иконы Божией Матери.*

© Фото: *Василий Шелёмин. 2007 г.*

На фронтисписе: *Господь Вседержитель.
Икона. Москва. 1893 г.*

Подписано в печать 06.04.2009
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура Georgia.
Печать офсетная. Объем 11,75 п.л. Тираж 5000 экз. Зак. № 0903480
Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом
издательства Сретенского монастыря
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Магазин «Сретение»: (495) 623-8046
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210